ПЕТР МАСЛОВ

ПРОБЛЕМА ПРОДУКЦИИ

(ЕЩЕ О СОЦИАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЕ)

КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „КНИГА“
ПЕТРОГРАД, Пр. 25 Октября, 74, тел. 1-34-34.
МОСКВА, Тверская, 38, тел. 2-64-61 и 2-80 09.

Петрооблит № 2630. Тираж 3000 экз

Типо-лит. „Красный Печатник“ Петроград, Международный, 75.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В критических отзывах о моей книге «Мировая социальная проблема» делаются справедливые указания на то, что в ней есть много повторений, которые без ущерба для читателей могли быть опущены. Зная, конечно, об этих повторениях, о своем постоянном возвращении к основной идее книги, я, тем не менее, рекомендовал читателям прочитать ее вторично. Это «дерзкое» обращение к читателю, объясняется тем, что, несмотря на обычную в экономике терминологию, несмотря на популярность изложения, основная идея книги так далеко отходит от общепринятого круга идей и представлений, что внушала мне опасения не быть понятой.

К сожалению, мои опасения оправдались в полной мере: здесь мне приходится возвращаться к тем же вопросам, которые поставлены в «Социальной проблеме» и пытаться разъяснить их, так как написанное мною не было понято даже авторами, отнесшимися доброжелательно к книге.

Продолжением «Мировой социальной проблемы» является выпущенная мною книга об общественном накоплении, под заглавием «Теория кооперации», которая иллюстрирует частный случай проблемы накопле-

ния и продукции. Предполагая далее продолжить работу книгой «О будущем мирового хозяйства», я, однако, не мог не сделать попытки остановиться еще раз на «Социальной проблеме», так как без освещения вопросов, с ней связанных (проблемы накопления, технического прогресса и т. д.), писать о мировом хозяйстве задача совершенно бесплодная: выяснение теоретических предпосылок для понимания хозяйственной жизни и ее развития является необходимым. Все эти обстоятельства и вынудили меня написать еще о «Социальной проблеме», хотя заниматься разъяснением одного и того же вопроса несколько раз дело очень скучное. Правильному пониманию «Социальной проблемы» отчасти помешал различный подход к вопросу: с моей стороны и со стороны моих критиков.

В атмосфере обостренной политической борьбы, в атмосфере взаимных обвинений политическими партиями друг друга в бедствиях, связанных с войной и революцией, всех пишущих об экономических вопросах интересуют в сущности политические вопросы, вопросы партийной борьбы. Естественно, что и к моей книге подошли с этой стороны и поставили вопрос «како веруешь» (политически)?

Между тем, меня занимали и занимают вопросы не о том, какая партия лучше и «кто виноват», а о том, как экономически возможно решение социальной проблемы, какие экономические условия необходимы для развития производительных сил страны.

С моей точки зрения партийно-политический подход к решению проблемы неизбежно внес бы элемент субъективизма, так как принадлежность к той или другой партии, главным образом, определяется личными интересами и, отчасти, индивидуальными настроениями и темпераментом. Поэтому к буржуазным партиям примыкают имущие классы, а к пролетарским неимущие. При определении объективных условий, необходимых для решения социальной проблемы, руководствоваться партийными соображениями было бы нецелесообразно: правильному решению проблемы часто мешает возможное противоречие между партийными интересами и требованиями объективной действительности.

Этот подход к вопросу особенно раздражает некоторых критиков, а их субъективный подход, как увидим, помешал правильному пониманию социальной проблемы и пониманию самой книги. Ибо и до сих пор многие еще не понимают, что в настоящее время основная задача для России,—восстановить свои производительные силы, а не сводить счеты по принципиальным разногласиям.

Надеюсь, что читатель не будет на меня в претензии за изложение наиболее серьезных и трудных экономических проблем в самой общедоступной форме, ибо и при популярном изложении эти проблемы усваиваются с трудом.

Январь 1923 года. **Автор.**

ГЛАВА I.

Что дает опыт войны и революции?

1.

Если следить за теорией науки о народном хозяйстве, то можно придти к заключению, что ничего нового опыт войны и революции не дали. И в социалистической и в буржуазной экономической литературе лишь повторяется все то, что писалось до войны и революции.

Между тем, война и революция дали возможность видеть на опыте, что интересы народного хозяйства не совпадают с интересами отдельных общественных групп и классов, поскольку эти классы в своих интересах стремятся увеличить непроизводительное потребление за счет производительного; что увеличение дохода отдельных групп хозяйств не ведет к увеличению дохода всего народного хозяйства; что увеличение доходов заводов военного снаряжения сопровождалось уменьшением доходов народного хозяйства; что характер потребления национального дохода определяет и величину этого дохода и характер развития производительных сил и т. д. С другой стороны, революция в России, превратившая в период «военного коммунизма» миллионы отдельных хозяйств в одно народнохозяйственное целое, регулируемое единой волей и властью, показала, что ради сохранения народного хозяйства

приходится подчинять непосредственные интересы рабочего класса интересам народного хозяйства, что без такого подчинения народное хозяйство будет разрушено вследствие превышения потребления над производством, что национализация предприятий сама по себе без процесса накопления поведет к ликвидации этих предприятий, а следовательно и к ликвидации национализированного предприятия. Словом, война и революция дала понятие о народном хозяйстве не как о простой сумме частных хозяйств, а как об особом организме, понятие о котором нельзя составить только из наблюдения частного хозяйства и частнохозяйственных отношений.

До войны считали, что главным условием развития капиталистического хозяйства является рынок. Наличность рынка обеспечивает безграничное развитие капиталистического хозяйства и обогащение буржуазии, так как производительные силы страны постоянно упирались в ограниченность рынка, вызывали перепроизводство товаров и кризисы. Этот взгляд подкреплялся и тем бесспорным фактом, что самая война являлась погоней предпринимателей за рынками.

Вспыхнула война и в каждой воюющей стране открылся безграничный рынок для производства военного снаряжения, для удовлетворения военных потребностей. Прибыли предпринимателей возросли; казалось, обогащение воюющих стран обеспечено, казалось, развитие производительных сил в воюющих странах и должно было идти ускоренным темпом.

Между тем, случилось обратное. Воюющие страны, несмотря на образование обширного рынка, несмотря на высокие прибыли, не только не обогатились, но обеднели, а производительные силы их быстро упали.

Очевидно, что для народного хозяйства имеет огромное значение характер потребления национального дохода, та сторона хозяйственной жизни страны, которую наука о народном хозяйстве совершенно упускала из области своего наблюдения и изучения.

Вопросы потребления интересовали экономистов лишь с частнохозяйственной точки зрения в частных хозяйствах и, главным образом, со стороны личного потребления. Статистиками (а не экономистами) потребление рассматривалось в народнохозяйственном масштабе, но, исключительно, как сумма личного индивидуального потребления, вытекающего из анализа частнохозяйственных бюджетов. Подойти к законам потребления не с точки зрения индивидуальных вкусов и индивидуальных бюджетов, а как к объективному фактору, определяющему процессы распределения и перераспределения производительных сил экономистам не приходило в голову. Лишь опыт войны с наглядностью показал, что изменение характера потребления повело не только к изменению темпа хозяйственного развития, но к его остановке и даже к падению производительных сил.

Тем не менее, как я заметил, теория народного хозяйства до сих пор не только ничем не реагировала на опыт войны и революции, но, как видно из критических статей о «Мировой социальной проблеме», разъяснение этого опыта многими не было усвоено и понято. Этот факт указывает не на недостаточность человеческого опыта, а на недостаточность теоретической подготовки к его усвоению и пониманию.

Читателями наиболее туго усваивается чрезвычайно простая мысль, на которой я подробно останавливался в «Социальной проблеме», — что технический прогресс

является результатом накопления, что развитие техники находится в зависимости от процесса накопления, а не от желания ввести усовершенствованную технику *). Опыт войны показал значение этого положения, когда воюющие государства путем огромного напряжения увеличили производство военного снаряжения. В России во время войны не только увеличилось производство металлических изделий — снарядов и всякого рода оружия, но и средств производства, например, производство станков для обработки металлов.

«Целый ряд заводов развил старое производство, другие занялись этим производством вновь и поставили дело на широкую ногу». «Снарядное производство, ранее почти не знакомое частной промышленности, достигло чрезвычайного развития» (проф. Гриневецкий, «Послевоенные перспективы»). Но немедленный упадок других отраслей промышленности показал, что без процесса накопления всякая новая машина, всякое увеличение продукции в одном производстве происходит за счет сокращения продукции в других производствах; что всякие планы электрофикации, авиации и т. п. без процесса накопления поведут к сокращению других более важных отраслей промышленности; что отношение постоянного капитала к переменному, к заработной плате на каждой данной ступени общественного накопления есть величина постоянная, напр., 2 : 1 и увеличение этого отношения в какой-либо отрасли до 10 : 1 или до 15 : 1, если не происходит накопления, может быть только за счет

*) В период первоначального накопления развитие производительных сил происходило путем накопления товарного торгового капитала, а не путем технического прогресса (См. «Теория разв. нар. хоз.» и «Наука о нар. хоз.», стр. 138).

сокращения средств производства в других отраслях, главным образом, за счет сокращения продукции в земледелии. Увеличение же накопления возможно лишь за счет сокращения или необходимого, или непроизводительного потребления. К сожалению, как показывает современная экономическая литература, эти уроки войны и революции совершенно еще не усвоены не только широкими кругами населения, но и патентованными экономистами.

2.

До печального опыта мировой войны, как пришлось убедиться, было совершенно бесполезно пытаться доказать, что для народного хозяйства имеет не одинаковое значение производство «ценностей» в виде машин, пушек, предметов роскоши или пение кафе-шантанной певицы. Все это по. терминологии Маркса «общественно-полезные ценности», по терминологии австрийской школы предельной полезности, «субъективные полезности», ценные постольку, поскольку они пользуются спросом со стороны потребителей. Основная идея объективной, а не субъективной оценки потребления была недоступна ни марксистской, ни буржуазной школе, потому что и тут и там исходной точкой при анализе хозяйственных явлений было отношение к хозяйственным процессам самого хозяйствующего субъекта, а не подход к ним с точки зрения развития народного хозяйства.

Опыт войны наглядно показал, что рост производства предметов непроизводительного потребления ведет не к развитию

хозяйства, а к его разрушению, что объективная хозяйственная ценность различных продуктов совсем не соответствует субъективной потребительной ценности и не соответствует частнохозяйственной ценности, сводящейся к ценности меновой.

Все это различие, разумеется, не усваивается сразу даже и после войны (это показала критика «Мировой социальной проблемы»), но теперь оно гораздо легче может усваиваться и неизбежно будет усвоено несмотря ни на какое сопротивление. Теперь передо мной стоит вопрос не о том, будет ли усвоена изложенная мною идея, а лишь о том, как скоро и как широко она будет усваиваться и скоро ли она войдет в азбуку о народном хозяйстве.

Законы потребления национального дохода дают единственно научное основание для выяснения отрицательного значения для народного хозяйства милитаризма и ни один из моих критиков не указал, где он нашел научную обосновку этого вопроса, хотя о вреде милитаризма и войны все знают и все говорят. Но для развития народного хозяйства важно сокращение не только военных расходов, но и всяких других форм непроизводительного потребления. Для наглядного выяснения этого вопроса имел огромное значение опыт войны и революции. Задачей настоящего времени и является выяснение значения и результатов опыта последнего десятилетия.

Наиболее важное научное значение этот опыт имеет потому, что наглядно показал разницу и принципиальную противоположность частнохозяйственного и народнохозяйственного значения потребления. И если до войны можно было довольствоваться теми представлениями о потреблении, которые создавались на основе

частнохозяйственного потребления, то после опыта войны стало ясно, что «производительное» потребление с точки зрения частнопредпринимательской в виде затрат на военное производство, с народнохозяйственной точки зрения является расхищением национального дохода и капитала. Если до сих пор экономисты могли совершенно игнорировать эту сторону народного хозяйства, то теперь это уже им не удастся и волей-неволей придется все учебники политической экономии, в которых упоминается о потреблении, переделать, и пересмотреть не только вопросы о «производительном» и «непроизводительном» труде, но упомянуть и о потреблении национального дохода.

Уроки войны показали, что в современном капиталистическом обществе среди господствующих классов существуют элементы, поддерживающие милитаризм, грозящий новыми войнами, которые неизбежно поведут человечество к одичанию и варварству; что содержание огромных армий и затраты на вооружение в то время, когда воевавшие страны переживают небывалый кризис, требует резкой постановки вопроса о борьбе с величайшим в мире преступлением, — растратой национального дохода капиталистических стран в момент кризиса их производительных сил.

Когда вопрос стоит о будущих судьбах всего человечества, когда перед ним стоит опасность потерять все, что завоевано веками напряженного труда, гибелью замученных непосильной работой миллионов людей, тогда нужно особенно серьезно отнестись к урокам, данным недавним прошлым и использовать эти уроки для выхода из того тупика, в который привел человечество эгоизм немногочисленных, но влиятельных правящих групп современного общества.

ГЛАВА II.

Образцы критики.

3.

Наука о народном хозяйстве имеет несчастье быть такой наукой, в которой все считают себя знающими и компетентными.

Казалось бы, должно быть ясным каждому, что если для постройки одного химического завода и его управления требуются специальные знания и предварительное обучение в течение ряда лет, то тем больших знаний требуется для организации всего народного хозяйства и для понимания происходящих в нем процессов.

Между тем, в большинстве случаев каждый, прочитавший несколько брошюрок о народном хозяйстве, а иногда и не читавший их, считает себя вполне компетентным во всех вопросах организации народнохозяйственной жизни. Всегда приходится поражаться необыкновенным невежеством пишущих о хозяйственной жизни, особенно пишущих в повседневной печати и заключать из этого, что читатели такой «экономической» литературы еще более невежественны.

Подобное отношение к науке о народном хозяйстве имеет свое историческое оправдание в том, что ученые экономисты различных школ, в большинстве случаев,

исходили из каких-либо классовых или групповых интересов, представляя себе интересы народного хозяйства, как интересы того класса, который они защищали. Ясно, что представители рабочего класса не могли согласиться с отожествлением интересов народного хозяйства с интересами предпринимателей, которые эксплоатируют рабочих и которые готовы подчинить интересы всего народа интересам своего кармана.

С другой стороны, представители интересов крестьянства или предпринимателей не могли и не могут отожествлять интересы рабочего класса с интересами всего народного хозяйства, поскольку рабочий класс стремится увеличить свое потребление за счет дохода крестьянского хозяйства, или за счет накопления производственного капитала предпринимателями. Таким образом не требуется быть особенно грамотным в экономической науке, чтобы видеть, когда предприниматели или их идеологи опустошают карманы своих сограждан, а иногда и разоряют народное хозяйство (напр., в погоне за колониями), якобы во имя интересов народного хозяйства. Таким образом, сама экономическая наука, неизбежно затрагивающая самые жизненные интересы различных классов общества, дает основание каждому, прочитавшему «азбуку коммунизма» или прослушавшему курс популярных лекций по экономике, считать себя достаточно компетентным в науке о народном хозяйстве.

Поэтому приходится несколько раз растолковывать, повидимому, самые элементарные положения, поэтому приходится наталкиваться в таком серьезном журнале, как «Красная Новь» на «критическую» статью В. П. Милютина, в которой автор обнаруживает невероятное непонимание тех вопросов, о которых он пишет.

Для иллюстрации такого непонимания и для пояснения того, почему мне приходится снова возвращаться к «Социальной проблеме», чтобы разъяснить непонятое читателями и моими критиками, приведу выдержку из «критики» Милютина:

«Во всяком случае, — говорит Маслов, — законами потребления определяется характер распределения производительных сил, а поэтому изучение хозяйства приходится начать с изучения законов потребления, как общих законов во все периоды развития хозяйства».

«Подобная постановка вопроса приводит несомненно П. П. Маслова полностью в объятия австрийской школы. В этом положении главное открытие П. П. Маслова, увлекающее его на путь идеалистической методологии, при рассмотрении экономического развития.

«Именно австрийская школа поставила основой экономической жизни законы потребления. П. Маслов лишь лицемерно (!) отмалчивается по этому поводу. Т. Бухарин, давший превосходный разбор австрийской школы в своей книге «Политическая экономия рантье», вполне правильно указывает, что:

«В то время, как Маркс рассматривает общество прежде всего, как «производственный организм», хозяйство, как «производственный процесс», у Бем-Баверка (и у всей австрийской школы. *В. М.*)—производство отступает на задний план и на первое место выдвигается анализ потребления, потребностей и желаний хозяйствующего субъекта».

«На этой позиции стоит П. П. Маслов. К чему приводит подобная точка зрения? Прежде всего к отрыву от анализа развития производительных сил, к отрыву

от объективных условий развития организации труда и техники, к отказу от классовой точки зрения и к переходу в области «психо-физиологических переживаний», к переходу на субъективную точку зрения. П. Маслов ушел от социализма и от марксизма и на практике и в теории».

Все глубокомыслие и логика моего критика сводится к следующему силлогизму: австрийская школа говорит о потребительной ценности и Маслов говорит о потреблении, следовательно, Маслов последователь австрийской школы. На таком же основании я мог бы построить следующий вывод: правокадетский «Руль» бранит меня за «Социальную проблему», Милютин также бранит и обнаруживает такое же глубокое ее понимание; следовательно, Милютин правый кадет. И дальше следовали бы выводы, куда «ушел» Милютин.

Как увидит читатель далее, другой экономист — Солнцев смешивает изложенные мною законы потребления с законами реализации продуктов, изложенными Марксом, и уж одно это сопоставление двух критиков показывает степень понимания ими затронутых вопросов.

Дойти до такого непонимания народного хозяйства, чтобы не видеть зависимости распределения производительных его сил от характера потребления национального дохода, после того как это разъяснено, — может, конечно, не всякий. И я не останавливался бы на забавном противопоставлении Милютиным общественного производства общественному потреблению, о котором он не имеет понятия, если бы его рассуждения не были типичны для широкого круга лиц, с большим апломбом пишущих об экономических вопросах.

Для таких «экономистов» анализ народнохозяйственного потребления есть «анализ потребления, потребностей и желаний хозяйствующего субъекта», т.-е. для них существует только частнохозяйственная точка зрения, субъективное отношение к потребляемым продуктам и совершенно непонятно потребление как *хозяйственный процесс*, адекватный производству. Я конституирую, что для производства 10 тыс. топоров нужно «потребить» 1000 пуд. железа и стали и 1000 пуд. угля; что если эти тысяча пудов железа и стали и уголь употребить на изготовление ружей и штыков, то топоров не будет, хотя металлическое производство и останется; а Милютин глубокомысленно заключает, что я интересуюсь вкусами и потребностями буржуа, «психо-физическими переживаниями», а не производством, как полагается по глубоко понятому Милютиным Марксу!

В предисловии к «Мировой социальной проблеме» я не зря рекомендовал прочесть книгу два раза, так как предвидел и указывал на трудность понимания изложенных в ней идей. Я далеко не уверен, что мой критик все в ней усвоил бы после второго чтения, но, во всяком случае, он избавил бы себя от труда поучать меня марксизму, не смешал бы законов потребления с теорией австрийской школы «предельной полезности» и не обнаружил бы незнания ни австрийской школы, ни законов потребления.

Приведу еще пример: «Объяснение классовых интересов и классовой борьбы, громит Милютин, только вопросами распределения совершенно неверно», «не по Марксу». К сожалению, автор не пояснил, из-за чего происходит борьба «по Марксу», кроме распределения национального дохода между классами и для чего

нужна дворянству земля и политическая власть или для чего она нужна буржуазии, как не для возможности эксплоатации, т.-е. распределения в свою пользу.

Дальше я остановлюсь на возражениях, которые делаются и другими критиками, но и приведенных возражений достаточно, чтобы видеть необходимость снова разъяснить вопросы, затронутые в «социальной проблеме». Если эти вопросы требуют пояснения, то что же говорить об основных проблемах науки о народном хозяйстве, которые я считаю более важными, чем вопросы, затронутые в «Социальной пролеме» *).

В. П. Милютина особенно возмущает мое утверждение, что интересы рабочих, находясь в постоянном противоречии с интересами предпринимателей в области распределения национального дохода, могут совпадать с интересами предпринимателей в вопросе о развитии индустрии,- в вопросе о развитии производительных сил. В этом утверждении мой критик видит наиболее одиозное отступление от марксизма, оппортунизм, ревизионизм, буржуазность и прочие смертные грехи. Меня это тем более огорчает, что Милютин вместе со мной отлучает от марксизма и самого Маркса, который находил, что интересы рабочих могут совпадать с интересами предпринимателей не только в вопросе о развитии хозяйства, но даже иногда в вопросе распределения. Например, по вопросу о хлебных пошлинах в Англии Маркс так далеко уклонился от милютинского марксизма, что находил совпадение интересов рабочих с интересами предпринимателей.

---

*) Я не буду полемизировать с публицистикой и прямой неправдой автора, вроде следующей: «Он же (т.-е. Маслов) оправдывал «военные цели» своей буржуазии и добросовестно и «научно» ругал «чужую». Зачем так валить, как на мертвого? Я еще жив!

Так как эти ереси были высказаны до меня Марксом, то все эпитеты, которыми Милютин наделяет меня, должны быть отнесены к Марксу и я могу лишь порадоваться за него, что это отлучение от марксизма теперь уже не может его огорчить. Бедный Маркс, как бы досталось ему от Милютина, если бы он был жив!

Я пощажу читателя и не буду приводить таких же образцов критики другими авторами, так как и выше приведенных достаточно *), чтобы видеть, как плохо понимаются идеи, изложенные в «Социальной проблеме». Между тем, необходимо разъяснить и другие вопросы, которые не затронуты в «Мировой социальной проблеме», мимоходом ставились в других моих работах и имеют в настоящее время большое актуальное значение.

Я не стану также здесь разъяснять, что все теории ценности, в том числе и австрийской школы, имеют в виду распределение всего национального дохода в товарообмене, а моя теория потребления имеет в виду распределение производительных сил в народном хозяйстве **).

---

*) С другой стороны, как образец уклонения от обсуждения вопроса по существу, приведу цитату того же В. Милютина:

«Свою книгу П. Маслов начинает главой до известной степени религиозного свойства: «Элементы веры в социализме». Далее Милютин не говорит об этом ни слова.

В этой главе я указывал на боязнь консервативных элементов в социализме использовать новый общественный опыт и на наличность благочестивых старушек, которые со «святой простотой» несут вязанки дров под костер всякого мыслителя. Очевидно из скромности, чтобы умолчать о своей благочестивой роли, о своей вязанке дров, мой критик так и охарактеризовал главу «об элементах веры». Благодаря этой скромности содержание главы представлено неправильно.

**) Разъяснять здесь отличие распределения национального дохода от распределения производительных сил также не входит в мою задачу. Об этом я писал достаточно.

ГЛАВА III.

История одной идеи.

4.

Чтобы читатель лучше усвоил те идеи, которые лежат в основе моей книги «Мировая социальная проблема», и которые дальше поясняются здесь, я попытаюсь изложить историю этих идей, поскольку мне приходилось с ними оперировать. «История» будет, пожалуй, лучшей иллюстрацией к главе «Элементы веры в социализме» из «Мировой социальной проблемы», так как наглядно покажет, как трудно не только усвоить непривычную идею, но и изложить ее.

В конце 80-х годов, еще юношей, сидя в одиночном заключении, я целыми днями и вечерами читал историческую, а потом экономическую литературу, пытаясь найти закономерность в истории развития человечества.

В один из вечеров внезапно и совершенно неожиданно я как будто сразу прозрел: передо мной раскрылась вся хозяйственная жизнь общества во всей ее сложности и закономерности. Как будто я всю жизнь до тех пор сидел в камере со щитом перед окном и видел только эту камеру, но вдруг щит упал, стены раздвинулись и передо мной сразу открылся весь мир во всем его величии, многообразии и красоте.

Я, конечно, не могу передать того потрясающего впечатления, которое произвело на меня «откровение», но, повидимому, аналогичные чувства испытывает, по описанию Достоевского, эпилептик в течение одного момента перед припадком эпилепсии. Разница заключается в том, что это не было преходящим моментом, а процессом напряженной работы, начало которой проявилось с такой интенсивностью.

Повидимому, до этого момента происходила подсознательная работа на-ряду с той сознательной работой, которая выражалась в ознакомлении с фактами и теориями экономики; но эти факты до известного момента не сцеплялись и не укладывались в одно стройное целое.

Раньше, изучая историю и политическую экономию, я не замечал, что экономисты лишь говорят о народном хозяйстве, но изучают и наблюдают только частнохозяйственные явления; что кругозор самого выдающегося экономиста не заходит дальше кругозора каждого субъекта, принимающего участие в хозяйственной жизни и занятого лишь тем, какую долю хозяйственного продукта он получит; что всякая «политическая экономия» сводится к изучению распределения между хозяйствующими лицами и только в краткий период капиталистического хозяйства.

В самом деле, что составляет содержание «политической экономии». Учение о ценности, т.-е. о том в каких долях обмениваются между собой товаровладельцы и чем регулируется этот обмен, о ценах, о кредите, о заработной плате, как о доле дохода, получаемого в предприятии, о прибыли, получаемой в отдельном хозяйстве, о ренте и т. д.

До тех пор я не замечал, что основные моменты народного хозяйства не входят в кругозор экономистов, что ими не изучается ни продукция, т.-е. ни процессы распределения и перераспределения производительных сил в связи с их развитием, ни законы потребления народнохозяйственного дохода, а то, что изучается — лишь частнохозяйственные явления, наблюдаемые в течение короткого периода (капиталистического) развития народного хозяйства.

Если бы ботаники, вместо изучения всего растения, его корней, стебля, листов, органических процессов внутри растения и т. д., стали бы изучать только один цветок, не имея понятия о всех остальных частях растения, и если бы на основании изучения только цветка они давали бы учение о растительном мире, то ясно, насколько слабы были бы наши о нем знания.

Но то же самое давала нам политическая экономия. Изучая второстепенные явления, присущие только короткому периоду хозяйственного развития человечества, — капиталистическим отношениям хозяйствующих субъектов, — она оставляла в стороне изучение того самого важного и постоянного, которое было и остается в хозяйственной жизни на всех ступенях развития общества. Поскольку фактическая история давала нам некоторый материал, указывая на преемственность одних стадий развития хозяйства от других, постольку теория политической экономии в этой области ничего не давала, так как занимается анализом частнохозяйственных отношений при капитализме, без связи их с прошлым и будущим. Прошлое рисовалось как недостаточно выясненный скачок в капитализм, который возможно было бы и избежать; будущее — как скачок в другие социальные

отношения, не имеющие ничего общего с капитализмом.

Я не могу, конечно, передать читателю всего содержания «идеи» — этого не удалось сделать даже в течение истекших 33 лет. Я хочу только дать представление о ее размерах и характере.

Я представляю себе то время, когда все люди считали землю плоской «твердью», рисовали географические карты в глубоком убеждении, что земля, представляет собою безграничную плоскость. И вот тогда является открытие астронома, что видные в небе звезды такие же миры, как земля и как солнце, что не они вращаются вокруг земли, а земля является вращающимся шаром — пылинкой в безграничном мировом пространстве. Ведь опыт людей, все работы ученых географов противоречили этому открытию; убедить «знающих» людей, что земля не плоскость, а шар, было невозможно в границах того опыта, который был у людей. Вывод, что земля есть шар — не результат непосредственного опыта и наблюдений над поверхностью земли, а результат отвлечения от этого опыта, результат как будто абстрактной мысли, хотя в действительности она подтверждается наблюдением над мирозданием.

Точно также понятие о народном хозяйстве и законы его развития, законы распределения производительных сил и их развития не являются теми законными, которые вытекают из наблюдения частнохозяйственных отношений, сводящихся к обмену и распределению. Предстояла трудная задача указать, что за частнохозяйственными отношениями стоят экономические законы, регулирующие хозяйственную жизнь всего народного хозяйства, что прибыль является не

только результатом эксплоатации тех рабочих, которые работают на данного предпринимателя *), а что она распределяется в народнохозяйственном масштабе и получается и от крестьянина, и от независимого ремесленника, что рабочий крупного предприятия может получать часть дохода от кустаря и от крестьянина и т. д.; что распределение производительных сил всего народного хозяйства зависит от потребления и т. д. Все эти вопросы сразу выступили и потребовали своего объяснения.

Как в средние века астроном был поражен мыслью, что земля может быть также планетой, как наблюдаемые им планеты на небе, так меня поразило тогда явившееся представление о народнохозяйственной жизни.

Немедленно же я приступил к характеристике и анализу тех экономических законов, которые лежат в основе народного хозяйства и ближайшие недели посвятил этому.

Но оказалось, что задачу труднее исполнить, чем кажется на первый взгляд. Политическая экономия давала материал лишь о частнохозяйственных отношениях, главным образом о распределении между хозяйствами. Материалов, относящихся ко всему народному хозяйству тогда не было, так как экономисты этим не занимались; приходилось исходить из того материала, который давала наука, т.-е. из частнохозяйственных отношений.

Наиболее близко к идее о народном хозяйстве, после Кене, подошел, по моему мнению, Маркс, но не в первом томе, а во втором и третьем, который в то время

*) Тогда еще III-й том «Капитала» Маркса не вышел в свет.

еще не вышел в свет. Таким образом пришлось исходить из частнохозяйственных отношений и в первой своей работе остановиться на распределении из национального дохода, прибыли. Так как по первому тому «Капитала» Маркса, доход, получаемый предпринимателем (прибавочная ценность) получался от рабочих этого предпринимателя и соответствовал не размерам капитала, а количеству рабочих и степени их эксплоатации, то моя первая работа и озаглавлена была «Критика теории Маркса» *), где я доказывал факт распределения национального дохода пропорционально величине капитала каждого капиталиста и неправильность частнохозяйственной точки зрения.

Этот первый опыт напряженной работы показал, что изложение моментально явившейся «идеи» потребует годы, и одной человеческой жизни недостаточно, чтобы все это изложить. Между тем, для меня стало ясно, что без знания законов хозяйственной жизни, без изучения народного хозяйства, а не только частнохозяйственных отношений, все социальное строительство, все формы борьбы за социальные идеалы являются таким же знахарством в общественной жизни, каким оно является в медицине без знания человеческого организма. Если шаман лечит молитвами бурхану, то, хотя он, может быть, и заслуживает уважения за свою веру, тем не менее его лечение по меньшей мере бесполезно. Если общественный деятель самоотверженно борется за осуществление своих идеалов с такими же знаниями и с такой же верой, как шаман,

---

**) В вышедшем впоследствии III томе «Капитала» Маркса было то же решение проблемы прибыли, которое я дал в своей «критике».

то, заслуживая всяческого уважения, он все-таки не может излечить общественные недуги.

Я понимал, что как больной не может дожидаться того времени, когда шаманы научатся медицине, так и общество не будет и не может дожидаться, когда экономическая наука выяснит законы, регулирующие развитие народного хозяйства. Но для меня было ясно, что вместо занятия знахарством, нужно заняться выяснением этих законов. Это стало тогда моей жизненной задачей и превратилось как бы в маниакальную идею. Вероятно в то время я производил бы впечатление маниака, если бы имел общение с людьми, так как все другие вопросы отодвигались на второй план перед захватившей меня основной идеей.

Следующие два года, лишенный письменных принадлежностей, но получая книги по экономике, я писал свои теоретические соображения металлической гребенкой на книгах, выдавливая буквы зубцами гребенки, и раз в неделю заполнял своими теоретическими соображениями листы бумаги, выдававшейся для писем к родным. Таким образом и для родных я сделался «маниаком».

По выходе из узилища меня постигло первое разочарование. Все мои записи гребенкой на книгах в сыром цейхгаузе тюрьмы сгладились и от моей двухлетней работы ничего не осталось. Осталась лишь моя первая рукопись «Критика теории Маркса», которая была написана чернилами.

В начале девяностых годов, не помню в 1893 или 1894 году, я послал ее в Петербург группе марксистов, в которой были Потресов, Струве и Ульянов (Ильин), с просьбой издать книжкой, а по приезде в Петербург получил от этой группы предложение принять участие

в первом предполагавшемся тогда к изданию марксистском сборнике. Тогда вышел на немецком языке третий том «Капитала» Маркса. На мое предложение напечатать мою работу мне ответили контр-предложением написать изложение третьего тома Маркса, так как вопрос о распределении прибыли на капитал решался сходно с моим решением. Вполне понятно было желание товарищей по изданию — напечатать изложение труда гениального экономиста, а не статью на ту же тему неизвестного писателя. От предложения я отказался, так как не люблю излагать чужие мысли и попросил издать свою работу отдельной книжкой, а в сборнике было напечатано изложение новой книги Маркса, сделанное известным Э. Бернштейном.

Через год по моей справке мне сообщили, что моя рукопись зарезана цензурой, а через 15 лет, случайно, от П. Б. Аксельрода я узнал, что эта рукопись в 90-х годах была в Швейцарии у Г. В. Плеханова, где ее читал и Аксельрод. Итак, рукопись была задержана царской цензурой, и где-то затерялась, а я убедился, что мои маниакальные идеи не так легко воспринимаются, что к критике политической экономии нужно подходить осторожно, исходя из потребностей момента и считаясь с частнохозяйственным опытом и обывателей и ученых.

5.

Для выяснения законов экономической жизни и ее развития необходимо выяснить:

1) значение и роль естественных условий, главным образом, отношения площади земли к населению, которое выражается экономически в системах земледель-

ческого хозяйства, а социологически проявляется в аграрном вопросе.

2) Процессы затраты и восстановления энергии, составляющие материальную основу жизни вообще, а в человеческом обществе выражающееся в производстве и потреблении.

Так как производство является вместе с тем и процессом потребления, то изучение обеих этих основ хозяйственной жизни тесно связано друг с другом. изучением законов общественного потребления. Распределение и перераспределение производительных сил является лишь обратной стороной процесса потребления.

3) Наконец, процессы распределения национального дохода являются уже производным, зависящим от развития продукции от распределения и перераспределения производительных сил.

Центральным вопросом для понимания народнохозяйственной жизни является второй вопрос, но жизнь не считалась с соображениями теоретика и мне пришлось сначала заняться первым вопросом, при том не в теоретической постановке, а считаясь с запросами жизни, т.-е. в известной степени заняться «знахарством» в указанном выше смысле, не сделавши основной работы. Сознавая это, пришлось заняться «аграрным вопросом», без надежды, что работа будет связана с общей концепцией, которая меня занимала.

Только более чем через 20 лет удалось подойти к основным вопросам науки о народном хозяйстве. Но и тогда я не питал иллюзий относительно легкости усвоения изложенных там идей. Частнохозяйственный опыт каждого ничего не дает для понимания народного хозяйства в целом и для того, чтобы охва-

тить его в своем понимании, необходимо проделать огромную работу широких обобщений. Поэтому раньше не было никакой надежды, разрабатывая частный вопрос, хотя бы в самой широкой постановке, дать представление о народном хозяйстве в целом, как нельзя дать представление о лесе путем изучения составных частей деревьев, из которых состоит лес.

Но даже при изучении частного вопроса приходилось очень осторожно подходить к новым обобщениям.

Еще выпуская в свет первый том «Аграрного вопроса», я учитывал «элементы веры в социализме», ту психологию читателей, которую я характеризовал в первой главе книги «Мировая социальная проблема». Доказывая в «Аграрном вопросе», что процессы концентрации, капитализации и дифференциации крестьянского хозяйства происходят при развитии производительных сил, а при их падении происходит обратный процесс, я не упоминал, что это ничуть не соответствует концепциям Маркса, Каутского, В. Ильина и других марксистов, доказывающих неизбежность и необходимость процессов дифференциации и концентрации при капитализме во всяких условиях и даже при падении производительных сил в земледелии. Эта маленькая хитрость повела к тому, что идеи, изложенные в книге легче усваивались, укладываясь в общее русло марксистского мировоззрения.

«В теории развития народного хозяйства» и в книге «Капитализм» ставился вопрос более радикальный, вопрос о постановке науки о народном хозяйстве совершенно на новую почву: на изучение законов потребления, распределения и перераспределения производительных сил в народном хозяйстве. Тогда я понимал,

что потребуется не менее десяти лет для того, чтобы изложенные там идеи были поняты и усвоены хотя бы немногими читателями и не питал иллюзий на этот счет.

Теперь война и революция так остро поставили проблему потребления и социальную проблему, что, считая жизненный опыт лучшей школой для общества в понимании общественных явлений, я слишком переоценил его значение. Мне казалось не только своевременным поставить вопрос прямо о социальной проблеме в свете нового опыта, не только указать на элементы веры в социализме, но связать постановку социальной проблемы с проблемой потребления национального дохода. Казалось, что огромный опыт последних лет облегчает понимание как идей, изложенных в «Капитализме» и «Теории развития народного хозяйства», так и новую постановку «Социальной проблемы», как проблемы потребления национального дохода.

Оказалось, что я ошибся. Несмотря на то, что колоссальное непроизводительное потребление во время войны сократило национальный капитал воевавших стран, а следовательно и капиталы имущих классов, последние продолжают держать огромную армию, а ученые экономисты до сих пор не только не ставят на очередь проблему потребления национального дохода, но, как видно из дальнейшего, не понимают даже ее постановки.

Не лучше обстоит дело с умонастроением социалистов. Война и революция внесла большую сумятицу во взгляды и настроения социалистов различных оттенков, но эта сумятица не привела к тому, чтобы происходящие явления в общественной жизни помогли

новой ориентировке, помогли понять все значение новых общественных явлений. Точно так же, как и буржуазные экономисты, о которых я упомянул, социалисты не только не осознали значение проблемы потребления национального дохода и необходимости поставить ее в основу при решении социальной проблемы, но, как увидит читатель, не понимают ее даже тогда, когда она достаточно ясно поставлена.

Тем не менее опыт войны и революции так сильно ударил и ученых и обывателей, и теоретиков и практиков, что, несмотря ни на какое сопротивление ленивого ума, пересмотр существующих воззрений является неизбежным не вследствие пытливости ученых, а вследствие яркого противоречия жизненных явлений сложившимся представлениям о хозяйственных отношениях.

Опыт всех предыдущих лет приучил меня к тому, что политические знахари и «практики» относятся свысока к «теоретическим исканиям» и пересмотру установившихся воззрений: даже теперь наиболее невежественные из критиков отнеслись и наиболее сурово к «Мировой социальной проблеме». Но в настоящее время это меня не смущает: жизнь властно требует начать согласование социально-экономических воззрений с ее требованиями и наиболее живые умы должны пойти на это. Но ясно, что ту работу, которую я проделал в течение 34 лет они должны будут проделать в обратном порядке: исходя из требований текущей жизни, особенно остро поставившей вопрос о продукции и о социальной проблеме, неизбежно остановиться на понятии о народном хозяйстве и рассматривать экономические явления, исходя из интересов целого народного хозяйства. А это в свою очередь

поведет к пересмотру всех понятий о потреблении, о техническом прогрессе, о классовых интересах и т. д.

Политическая экономия сама по себе не дает почти никакого материала о народном хозяйстве в целом, ни о законах потребления, ни о распределении и перераспределении производительных сил, но в последние десятилетия статистика уже дает достаточно материала, необработанного теорией народного хозяйства, но чрезвычайно ценного для нее. Таким образом моя последняя работа «Теория кооперации», посвященная частному вопросу теории общественного накопления, вероятно, вызовет меньше всего возражений. «Мировая социальная проблема» вызвала не столько возражений, сколько скрытого в них непонимания ее основной идеи. Задача этой книги заключается лишь в том, чтобы выяснить те недоразумения, результатом которых явились эти возражения.

После сделанных замечаний должно быть, мне кажется, ясно, что при построении, как социального идеала, так и путей, ведущих к нему, необходимо принять во внимание и изучить:

1) постоянно действующие при всех стадиях развития общества экономические законы: законы индивидуального и общественного потребления (см. «Теорию развития народного хозяйства», ч. III или «Наука о народном хозяйстве», вып. I), закон увеличения производительности последовательных затрат (см. «Теория кооперации»), закон падения производительности дополнительных затрат на ту же площадь земли, «Системы хозяйства» (см. «Теория развития народного хозяйства»), вызывавший вековую борьбу за территории и т. д.

2) Процессы развития хозяйства: процессы организации хозяйства (см. «Теорию развития народного хозяйства), процессы распределения и перераспределения производительных сил, процессы накопления и т. д.

3) Экономические законы, присущие капиталистическому периоду развития хозяйства: процессы обмена и распределения.

Вышеизложенным я вовсе не хочу сказать, что мое решение этих вопросов правильно: может быть более правильно другое какое-нибудь решение, но без предварительного выяснения перечисленных вопросов социально-политическая идеология является знахарством, основанным не на знании объективной действительности, а на субъективных настроениях и пожеланиях, и только на них.

Я остановил внимание читателя на «истории одной идеи» для того, чтобы показать, что все перечисленные вопросы находятся между собой в тесной связи, и что читателю придется при рассмотрении социальной проблемы пересмотреть целый ряд других вопросов общей теории науки о народном хозяйстве. Я, конечно, далек от мысли, что могу своими слабыми силами избавить общество от социально-политического знахарства, но опыт войны и революции послужил достаточно внушительным уроком, чтобы заставить задуматься над поставленными вопросами не в той плоскости, в какой это было принято и решить предварительно ряд других вопросов, которые раньше не ставились.

Читатель может судить, при моем «маниакальном» отношении к основным вопросам науки о народном хозяйстве, какое впечатление должно производить писания моих критиков, которых занимает главным

образом вопрос, достаточно ли революционно я мыслю, нет ли в моих изысканиях «ревизионизма»...

К сожалению, в связи с поставленными мною вопросами ни один критик не поставил вопроса о том, блондин я или брюнет, чтобы в зависимости от этого определить свое отношение не только к «Социальной проблеме», но и ко всем затронутым мною вопросам. Сделано большое упущение...

Уже из изложенной мною «истории идеи» читатель может видеть, что сама идея анализа законов потребления в народном хозяйстве, идея распределения и перераспределения производительных сил не является опровержением идей, изложенных Марксом, а является анализом хозяйственных отношений в новой, совершенно другой плоскости, которая во времена Маркса не привлекала внимания и для которой тогда не было достаточно материала, дававшего возможность на фактах анализировать народнохозяйственные процессы. Капиталистический строй с развивающимися производительными силами не ставил перед обществом вопроса ребром о непроизводительном потреблении, о перераспределении производительных сил, так как, казалось, эти вопросы не имеют значения. Только война и революция поставила их, как практическую проблему, и дальше уклоняться от их решения становится невозможным.

Разумеется, в настоящее время для большинства людей кажется достаточным то, что знают одни от Маркса от его комментаторов и популяризаторов, другие от австрийской школы и т. д. Да и трудно подойти с народнохозяйственной точкой зрения к экономическим явлениям, когда опыт каждого имеется только частнохозяйственный. Для многих то, что я назвал

«откровением» не более, как увлечение пустяками, не имеющими огромного значения для понимания самых важнейших экономических явлений. И даже по прочтении моей книги большинством критиков многое еще не будет понято. Но

„feci quod potui
fauant meliora potentes".

(„Я сделал все, что мог, пусть лучше сделают те, кто может").

В главе «Элементы веры в социализме», написанной 13 лет тому назад, но напечатанной лишь в «Мировой социальной проблеме», я указывал, что всегда найдутся благочестивые старушки, пожелающие потащить дрова на костер под еретика, который скажет что-нибудь, выходящее за кругозор этих старушек. Мои ожидания полностью оправдались: нашлось много благочестивых старушек, из которых каждая по мере своих сил притащила свою вязанку дров под «Социальную проблему»...

Любопытно, что практическая сторона поставленных проблем легко усваивается, поскольку эмпирически подтверждается их практическая целесообразность, но усваивается как частность, не связанная с общими народнохозяйственными проблемами. До сих пор мои попытки указать эту связь были неудачными. Эта книжка является новой попыткой в надежде, что она будет удачнее.

ГЛАВА IV.

Проблема потребления.

6.

Я ожидал, что четыре года войны и четыре года революции, которые прошли до выхода в свет моей книги достаточно подготовили мыслящие круги общества к усвоению идей, изложенных в ней.

Прошло еще более года после выхода книги, а основная идея плохо усваивается читателем. Это видно из критических статей, написанных по поводу книги, хотя авторы этих статей глубоко уверены, что они не только все усвоили, но что все изложенное они раньше хорошо знали. К сожалению, благодаря отсутствию периодической печати, отражающей другие общественные течения, кроме коммунистического и строго академического, я не имею других печатных отзывов, но полагаю, что и остальные течения ничего нового не дали бы; об этом я могу судить по личным и по письменным отзывам. Несмотря на ясную постановку вопроса, его существо и трактовка прошли поверх сознания читателей и произошло для меня совершенно неожиданное положение: та сторона вопроса, на которую я усиленно обращал внимание читателей, оказалась ими незамеченной, потому что они не имели о ней представления, а иллюстрации и факты, приведенные

в книге, поняли в свете тех теорий, которые мною критикуются и опровергаются.

Я доказывал, что социальную проблему нельзя разрешить, не разрешивши проблему продукции, проблему сохранения и развития производительных сил. В свою очередь проблема продукции решается проблемой потребления: развите производительных сил определяется соотношением доли производительного и непроизводительного потребления национального дохода (поясню для Виленского: дохода народного хозяйства). Таким образом разрешение социальной проблемы выражается в сокращении до минимума непроизводительного потребления и в увеличении за его счет необходимого потребления народных масс при постоянном увеличении производительного потребления также за счет непроизводительного. Можно не соглашаться с самой постановкой вопроса и его решением, можно находить его ложным и пытаться его опровергнуть; все это показывало бы, что с постановкой вопроса критики не согласны, но понимают ее. Но утверждать, что так же ставилась проблема до мировой войны и революции, значит совершенно не понимать или ее прежней постановки, или моей. Может быть, в известной доле вина падала и на меня за недостаточно ясное изложение, но мне думается, что причина взаимного непонимания кроется в тех тенденциях человеческого мышления, на которые я указывал в главе об «Элементах веры в социализме». В привычные понятия и представления с трудом укладываются новые понятия не соответствующие сложившимся представле-

ниям: все, выходящие за пределы усвоенного, ускользает от понимания, как ускользают некоторые непонятные слова в речи, сказанной в общем вполне понятно.

Начну с критики Солнцева, который высказывает, повидимому, наиболее существенные возражения на изложенную мною теорию.

Солнцева нельзя упрекнуть в доктринерстве и этим объяснять непонимание им основной экономической проблемы, с которой я связываю решение социальной проблемы.

Я позволю себе целиком процитировать основное критическое замечание Солнцева, чтобы наглядно показать степень непонимания им основной проблемы

«Маслов напрасно думает, что «искусственное» разделение политической экономией производства от потребления и выбрасывания за борт экономического исследования вопросов потребления может совершенно исказить представление о народном хозяйстве (41 стр.): во-первых, всякая абстрактная теоретическая наука и политическая экономия, следовательно, всегда делает «искусственное разделение» при изучении какой-нибудь одной стороны сложного социального процесса или явления, и такие искусственные абстрагирования не только не затемняют обычно изучения народного хозяйства, но являются элементарной методологической необходимостью; во-вторых, вопросы потребления, как их понимает Маслов, политическая экономия, по крайней мере, в школе Маркса, не только не выбрасывает из поля изучения, но привлекает к исследованию, — правда, не как вопросы об явлениях потребления, а как вопросы о процессе реализации произведенных общественных ценностей (и прибавочной и всякой иной), т.-е. как раз в том

самом аспекте, который так занимает внимание Маслова. Заметим, что весь второй том «Капитала» имеет дело в сущности с процессом рыночной реализации созданных ценностей и именно с проблемой потребления в смысле Маслова. Чтобы доказать это, достаточно указать на введение к III части 2-го тома, где Маркс, между прочим, говорит: «Совокупность этого процесса (т.-е. процесса круговращения общественного капитала) включает в себе и производительное потребление (непосредственный процесс производства) с теми изменениями форм, которые для этого служат, и личное потребление со всеми превращениями форм или обменами» (гл. 18-я).

«Известная трехчленная Марксова схема общественного воспроизводства, в которой последнее разбивается на три производственных ветви—производство средств производства, производство предметов потребления рабочих и производство предметов потребления капиталистов — построена на анализе не только процессов производства, но и процессов реализации созданных в каждой производственной ветви ценностей; а этот последний процесс и есть процесс потребления, как его понимает Маслов, или, иначе говоря, — процесс рыночного обращения, как его называет Маркс. Если для удовлетворения потребности в тепле лицо А покупает на рынке за часть своих доходов или капитала дрова, то для экономиста мало интереса в самом процессе потребления купленных лицом А дров; для него в проблеме потребления данного лица важно лишь появление А на рынке и обращение на рынке части доходов или капитала А, реализуемого в дровах. Весь процесс воспроизводства построен у Маркса на анализе таких моментов реализации созданных обществом и циркули-

рующих на рынке ценностей, т.-е. на анализе процесса «потребления» ценностей. В этом смысле только и ставилась Марксом так интересующая Маслова проблема потребления».

Итак, вопросы потребления и воспроизводства выясняются «из анализа моментов реализации на рынке созданных богатств»; анализом продажи товаров выясняются процессы общественного потребления и их законы. Если бы Солнцев не излагал в своей статье моей книги, то можно было бы подумать, что он ее просто не читал, — так далек он от понимания основной ее идеи, — проблемы общественного потребления.

Предварительно я должен сделать поправку к изложению моей мысли Солнцевым. Я ничего не говорил об «искусственном разделении» политической экономией производства и потребления, а утверждал, что «процессы потребления нельзя выкинуть из поля зрения экономиста и что одностороннее изучение только процесса производства не может дать правильной картины народного хозяйства. Эта односторонность повела к роковым ошибкам в решении «социальной проблемы», т.-е. я писал не о том, что «существует искусственное разделение производства и потребления», а указывал на полное отсутствие представления у экономистов об общественном потреблении и его значении и как раз приведенная выше цитата из статьи Солнцева блестяще подтверждает это. Солнцев говорит, что «законы потребления в школе Маркса не выбрасываются из поля зрения и привлекаются к исследованию», но «как вопросы о процессе реализации общественных ценностей».

Возьмем реальный пример: капиталист изготовил снаряды для пушек и по схемам Маркса реализовал

их на рынке. Они «потребились» государством, будучи расстреляны на фронте. «Круговорот» капитала завершился, «прибавочная ценность» реализовалась в виде прибыли и страна «обогатилась», так как в народном хозяйстве, согласно схемам Маркса, увеличился капитал.

Другой капиталист произвел и реализовал на рынке машины. Результаты по схеме Маркса одинаковы, как и в предыдущем примере. Допускаю, что Солнцев разделяет эту точку зрения, но как можно смешивать теорию Маркса о реализации товаров на рынке с тем, что утверждаю я, когда с моей точки зрения в одном случае будет падение производительных сил страны, сокращение накопленного капитала, а в другом его увеличение?!

Смешивать законы общественного потребления с условиями реализации товаров на рынке, значит совершенно не понять проблемы общественного потребления.

Вся книга и посвящена доказательству того, что важный для отдельного потребителя момент реализации товара, важный с точки зрения его капитала, с точки зрения народного хозяйства имеет совершенно другое значение. «Реализация» на рынке снарядов дает для народного хозяйства минус, а машины дают плюс. В чем же дело?

В цитированном выше замечании Солнцев затрагивает основной вопрос о проблеме потребления. Как видно из цитаты, по мнению Солнцева, поставленная мною проблема в связи с проблемой продукции поставлена Марксом во II томе «Капитала», где он, анализируя процесс воспроизводства и расширенного производства, делит доход капиталиста на три части:

на предметы потребления рабочих, на средства производства и на предметы потребления капиталистов. Повидимому, Марксом ставится вопрос в такую же плоскость, в какую ставлю я, и мне следовало просто сделать ссылку на второй том «Капитала» Маркса, а не писать целый отдел о потреблении.

Однако, проверим, действительно ли я «открыл Америку» и стучался в открытую дверь или, несмотря на истекший год после выхода книги, необходимо еще стучаться этой новой книгой, чтобы облегчить понимание проблемы потребления и связанный с ней социальный процесс. Прежде всего выясним, принимались ли во внимание Марксом законы потребления, или эта чрезвычайно важная сторона хозяйственной жизни для политической экономии и в особенности для экономической политики раньше не входила в кругозор экономистов.

С точки зрения усвоения этой идеи широкими кругами читателей было бы выгодней, чтобы она была у Маркса, так как без колебаний, без дум и сомнений она была бы принята и усвоена многочисленными верующими. Но, как увидим, даже наиболее близкими, толковыми и ортодоксальными учениками Маркса (напр., Розой Люксембург), а также в экономической политике и в программах делались те ошибки, на которые я указывал, делались именно потому, что проблема потребления национального *) дохода не стояла перед

*) Один из критиков, Виленский, так далек от понимания предмета, о котором идет речь, что слово «национальный доход» он понимает не в смысле народнохозяйственного, а, повидимому, в буквальном смысле и доказывает, что вследствие отторжения и присоединения различных областей к государству, такого понятия, как национальный доход не существует. Разъяснять азбуку экономики народного хозяйства не входит в мои задачи.

ними и стояла вне их кругозора. Таким образом, этот вопрос важен не с той стороны, кто раньше сказал «э» и не только с точки зрения необходимости дополнить науку о народном хозяйстве отделом о потреблении, а потому, что социальная проблема поставлена мною как проблема потребления.

В «Мировой социальной проблеме» я приводил определение Марксом «производительного труда» и дал критику этого определения, но по вышеизложенным причинам все это прошло поверх сознания критиков и в их числе Солнцева. Снова остановлюсь на этом вопросе и поясню детальнее.

Маркс считает производительным трудом труд всякого трудящегося, дающий прибыль капиталисту. Труд рабочего, изготовляющего плуг, труд учителя, вдалбливающего детям предпринимателя учобу, труд рабочего, изготовляющего пушки и гранаты, труд танцовщицы, нанятой предпринимателем увеселять посетителей в кафешантане, — все это труд «производительный», дающий прибыль капиталу и содействующий его накоплению.

В своей книге я доказываю, что не с частнохозяйственной, а с народнохозяйственной точки зрения даже при капитализме не всякий труд, дающий прибыль предпринимателю, является производительным, увеличивающим сумму дохода и капитала в руках класса предпринимателей. Все огромное теоретическое значение различия в понимании частнохозяйственной и народнохозяйственной точек зрения на производительное и непроизводительное потребление, разумеется, непонятно ни для Солнцева, ни для других критиков. Дальше я остановлюсь подробнее на этом, а теперь, во избежание упреков в ложном толковании

Маркса, приведу теоретические соображения, верной, последовательной и толковой ученицы Маркса,—Розы Люксембург.

В своей книге «Накопление капитала» Люксембург посвящает целую главу *) вопросу о накоплении капитала во врёмя войны.

Пользуясь формулами Маркса и вполне согласно с его духом, Люксембург доказывает «неопровержимо», что благодаря росту изготовления вооружения во время войны, благодаря увеличению производства снарядов, пушек, ружей и проч., накопление капитала в руках класса капиталистов должно увеличиваться.

«Милитаризм с чисто экономической точки зрения является для капитала средством первого разряда для реализации прибавочной стоимости, т.-е. поприщем для накопления». Этот вывод, основанный на теоретическом исследовании К. Маркса процесса накопления и расширенного воспроизводства является неопровержимым, если стоять на частнохозяйственной точке зрения, на которой вслед за английскими классиками стоял и Маркс и последующие экономисты.

Рассмотрим аргументы Р. Люксембург и К. Маркса.

Во время войны государство собирает налоги и затрачивает их на производство оружия, снаряжения и продовольствия для армии. То-есть предприниматели, которые изготовляют оружие, снаряжение и продовольствие увеличивают средства производства в этих отраслях промышленности, увеличивают количество занятых в них рабочих и таким путем увеличивают

*) «Накопление во время войны».

сумму, получаемую ими прибавочной ценности и прибыли.

Повидимому, вывод Розы Люксембург неопровержим, а из этого вывода, как увидим, следует другой вывод, что война является «средством первого разряда» для экономического прогресса, так как он возможен только при накоплении.

Но, с другой стороны, опыт показал, что благодаря войне не только не увеличилось накопление капитала в воюющих странах, но произошло колоссальное его сокращение, если не считать «капиталом» бумажные «ценности», которые возросли в десятки, сотни и тысячи раз, в зависимости от затрат на войну; т.-е. если не считать орудия транспорта, машины, здания, сырье капиталом, а считать таковым бумажные знаки разного наименования и значения, то война повела к накоплению.

Что же произошло с реальным капиталом?

Так как орудия транспорта, машины, здания, сырье, готовые фабрикаты находились в руках капиталистов, а не рабочих, то и реальный капитал потеряли капиталисты, а не рабочие.

К. Маркс и Р. Люксембург считают капиталом именно реальные ценности, орудия и средства производства, а не «ценности», изготовляемые на типографском станке в виде различных «денежных знаков» и займов.

Получается неприятное для экономистов положение, что экономическая жизнь складывается «незаконно», не по тем законам, которые для нее написаны экономистами.

Если мы посмотрим на анализ экономистами значения мировой войны, то они так же находили, что

капиталисты обогащаются, между тем воюющие страны, в которых капитал находился в руках капиталистов, обеднели и реальный капитал у них уменьшился.

Противоречие между теорией и реальной действительностью невозможно разрешить без анализа законов общественного потребления.

Только когда мы анализируем доли производительного и непроизводительного потребления национального дохода, когда увидим, что производительное потребление абсолютно сокращается, только тогда мы можем видеть и объяснить, почему при увеличении прибыли одной группы капиталистов, доставляющих предметы военного снаряжения, у всей буржуазии в целом капитал сокращается, несмотря на увеличение его в отдельных отраслях промышленности.

Ни Маркс в своем анализе производительного труда и расширенного воспроизводства, ни Р. Люксембург, доказывавшая на основании анализа Маркса, что война является сердством накопления капитала, совершенно не имели в виду значения производительного и непроизводительного потребления народного дохода и значения накопления. А в «Социальной проблеме» я доказывал — и этого никто не опровергает, — что развитие народного хозяйства представляет с экономической стороны процесс производительного накопления, который с технической стороны выражается в техническом прогрессе. Таким образом Роза Люксембург и другие социалисты, доказывавшие, что война «средство первого разряда» для накопления капитала в народном хозяйстве (при капитализме — в руках капиталистов), тем самым доказывает, что война является «средством первого разряда» для экономиче-

ского прогресса, для развития производительных сил капиталистического общества! Этот вздор является логическим выводом из quasi научного анализа, сделанного при отсутствии понимания значения общественного потребления и значения накопления.

Жестокий опыт всех воевавших стран воочию доказал, что этот вывод является ошибочным, что благодаря войне реальный капитал в руках класса капиталистов не увеличился, а в огромной степени сократился.

В чем же дело?

Все соображения Розы Люксембург, все ее выводы, сделанные из предпосылок Маркса, правильны, а вывод, теперь очевидно для всякого, оказался неверным.

Оказался он неверным потому, что частнохозяйственные явления нельзя отождествлять с народнохозяйственными, что «производительное» (с точки зрения отдельного предпринимателя) потребление не является еще производительным с народнохозяйственной точки зрения; что Маркс, а вслед за ним Люксембург, Солнцев и другие не принимали во внимание этого различия.

Когда я до войны писал о законах потребления, то, при отсутствии военного опыта, мимо этих вопросов можно было просто проходить, не задумываясь над какими-то «законами потребления». Вопросам народнохозяйственного потребления вообще не было места в политической экономии, — так утверждали авторитеты в науке, а те законы, которые установлены статистикой, относятся к частнохозяйственному потреблению и действительно сами по себе имеют отдаленное отношение к науке о народном хозяйстве.

Если толковый экономист Солнцев не понял законов общественного потребления, то неудивительно, что

менее толковый экономист Первушин, печатающий *) специальный научный труд о потреблении «Очерки по теории массового потребления» ничего не нашел в изложенных мною законах потребления, кроме выводов Энгеля. Очевидно, что это вовсе не результат ограниченности или невежества этого автора. Проблема потребления в связи с проблемой продукции просто выходила из пределов его кругозора, старательного ученика по книжкам, по которым его учили. Неудивительно, что Первушин только усмотрел у меня законы индивидуального личного потребления и не имеет, даже по прочтении книги, представления о влиянии характера потребления на производство, на развитие производительных сил и так далее, и так далее.

Мы взяли для иллюстрации двух марксистов, Розу Люксембург и самого Маркса, которого уже нельзя обвинить в непонимании марксизма, взяли двух академиков Солнцева и Первушина и видели, что законы потребления находились и находятся вне их поля зрения. Но может быть в практике экономической жизни значение потребления хорошо усвоено, в особенности после тяжелого опыта войны и революции?

Снова обратимся прежде всего к академикам.

Перед нами полемика проф. Рафаловича с проф. Шапошниковым по поводу таможенной политики **).

Один из них защитник покровительственной таможенной политики и находит необходимым для увеличения производительности страны облагать высокими таможенными пошлинами ввозимые продукты. Проф.

*) См. журнал «Экономист» № 2—3.

*) «Народное хозяйство», февраль 1922 г. Статья Наблюдателя и «Очередные вопросы финансовой политики» со статьей Рафаловича.

Рафалович находит эту политику преждевременной и таможенные пошлины находит необходимыми только в интересах фиска.

Итак, экономисты представляют себе только две точки зрения в вопросе о таможенной политике: или защита интересов промышленников, покровительственная политика, или свобода торговли, покровительство потребителям.

Хотя мне по этому поводу приходилось свою точку зрения высказывать еще в 1916 году *), и даже раньше, но в то время это было совсем непонятно: какая же может быть еще третья точка зрения?

Эту точку зрения я и развивал в «Социальной проблеме», но не по вопросу о таможенной политике.

Попытаемся приложить к этому практическому вопросу изложенные мною принципы производительного и непроизводительного потребления и посмотрим, укладываются ли они в рамки протекционизма, или свободы торговли, о которых писал Маркс, пишут профессора Рафалович, Шапошников и другие.

Для развития разрушенного народного хозяйства необходимо сокращение ввоза предметов личного потребления, так как покупательные силы каждой страны ограничены и так как ввоз предметов личного потребления может происходить только за счет ввоза орудий и средств производства.

Мои коллеги напрасно будут стараться найти ту полочку, то, бишь, школу, куда можно было бы меня поместить с этой теорией. К школе покровительственной таможенной политики? Но ввоз машин и средств производства без пошлины подрывает их производство

*) См. «Итоги войны и революции».

в своей стране! К защитникам свободы торговли? Но как раз я настаиваю на ограничении ввоза предметов непосредственного потребления. Защита промышленников? Нет. Производители орудий и средств производства потеряют от конкуренции иностранцев. Защита интересов потребителей? Разумеется, нет. Что же? Защита интересов развития народного хозяйства, которые не совпадают ни с текущими интересами потребителей, ни с интересами отдельных групп производителей. Но эта защита народного хозяйства возможна только тогда, когда исходным пунктом взят анализ законов потребления в народном хозяйстве, а не законы индивидуального потребления.

Исходя из этой точки зрения, легко вскрыть ошибки как реальной таможенной политики, так и рассуждения о ней, хотя бы проф. Рафаловича, или Наблюдателя.

Ни Шапошников, ни Рафалович, ни Наблюдатель из «Народного Хозяйства» не различают предметов, ввозимых в страну, по характеру их потребления и не принимают во внимание того, что личное потребление одних продуктов ведет к сокращению хозяйственного потребления других продуктов. Проф. Рафалович и Наблюдатель боятся высокого обложения ввозимых предметов личного потребления, так как это поведет к сокращению потребления населения, и без того сократившего свое потребление до минимума.

«В виду чрезвычайных разрушений, произведенных в народном хозяйстве страны длительными войнами и блокадой, что привело к острому товарному голоду в стране и затруднительности восстановления в короткий срок туземной промышленности, должна

отпасть мысль о введении покровительственного таможенного тарифа, который должен был бы известным образом сжать иностранный привоз»...

Эта забота о повышении потребления иностранных продуктов широкими кругами населения в особенности была трогательна в то время, когда в обширных районах России существовал голод.

Правда, экономисты Наблюдатель и Рафалович требуют понижения и даже сложения пошлин на орудия и средства производства и, повидмому, не подозревают, что они служат одновременно и Богу и мамоне. Ведь ясно, что даже самая богатая страна, если будет больше ввозить предметов личного потребления, то меньше будет ввозить орудий и средств производства и обратно. Противоречие между личным и хозяйственным потреблением, имеющее огромное теоретическое и практическое значение, находится вне поля зрения экономистов именно потому, что проблема потребления в народном хозяйстве не рассматривалась политической экономией. В этом вопросе одинаково беспомощны и социалисты и несоциалисты.

Казалось бы, все это настолько просто, элементарно, что экономисты, посвящающие всю жизнь изучению экономических вопросов из поколения в поколение, должны все это знать.

Но... настолько же проста идея, что земля вращается вокруг солнца, а не держится на трех китах, и все-таки в течение тысячелетий люди были убеждены в последнем и сжигали тех, кто утверждал противное. Так же проста проблема производительного и непроизводительного потребления, производительного и непроизводительного накопления и тем не менее, не только написаны тысячи томов по экономике, причем не прини-

малась во внимание проблема потребления, но, что гораздо хуже, человечество бьется в тисках социальных противоречий и не находит выхода из экономических бедствий прежде всего потому, что экономическая проблема рассматривается, как проблема личного потребления, т.-е. как проблема распределения, а не как проблема народнохозяйственного потребления. Например, по вопросу о таможенной политике Наблюдатель, вслед за проф. Рафаловичем, так заканчивает статью: «Наша реальная заработная плата в России находится на таком низком уровне, что дальнейшее ее понижение (путем повышения таможенных пошлин на предметы потребления рабочих. П. М.) не только вызовет справедливый протест со стороны рабочего класса, но и поведет к дальнейшему упадку производительности труда и вместе с тем к приостановке развития промышленности».

Каждый социалист и, вероятно, сам Маркс подписался бы под таким заключением... настолько очевидно, что земля должна стоять на трех китах.

Однако, посмотрим. Для того, чтобы ввезти предметы личного потребления нужно в обмен вывезти или предметы личного же потребления, или сырье, средства производства. Т.-е. вместо вывезенных предметов потребления потребить ввезенные, или вывозить средства производства в обмен на предметы потребления, т.-е. потребить их лично.

Но низкая заработная плата связана с падением продукции вследствие недостатка орудий и средств производства, а не вследствие «дороговизны» продуктов. Повысить ее ввоз можно только при увеличении продукции, т.-е. при увеличении орудий и средств производства, т.-е. при увеличении ввоза средств про-

изводства, т.-е. за счет сокращения ввоза предметов непосредственного потребления. Только при этом условии, при условии увеличения продукции может развиваться промышленность, увеличиваться реальная заработная плата и сохранится рабочий класс. В противном случае, при ввозе предметов личного потребления вместо орудий и средств производства, не будет развиваться промышленность, не будет и рабочего класса и в конце-концов не на что будет покупать дешевые заграничные продукты. Мы видим, что киты начинают уплывать из под земли и ей приходится вертеться...

Но может быть у нас имеется богатый американский дядюшка, который нам даром пришлет товары?

Допустим; но все-таки даже у самого богатого дядюшки средства не безграничны и он может послать товаров на определенную сумму, и чем больше мы ввезем предметов личного потребления, тем меньше можем ввезти орудий и средств производства. Очевидно, только ограничение ввоза предметов личного потребления может дать толчек развитию промышленности, которое, в свою очередь, поведет к повышению реальной заработной платы (см. об этом мою книгу «Капитализм», посвященную анализу влияния развития производительных сил на высоту заработной платы). Где же киты, на которых покоились твердо цитированные выше доводы?! Увы, они уплывают и земле приходится вертеться.

8.

Хотя в «Социальной проблеме» я приводил иллюстрации для пояснения проблемы потребления, но так

как они не были поняты, поясню их в вопросе таможенной политики.

С точки зрения покровительства промышленности, нужно, например, автомобили облагать высокой пошлиной, разумеется, безразлично будут ли это легковые или грузовые автомобили, облагать, чтобы покровительствовать производству их в России. С точки зрения интересов потребителей, нужно предоставить свободу их ввоза.

С моей точки зрения вопрос решается характером потребления привозимых из-за границы автомобилей: грузовые автомобили служат для перевозки товаров, увеличивая производительность транспортного труда и должны ввозиться без пошлины или с минимальной пошлиной, хотя это не выгодно для производителей автомобилей в России. Легковые автомобили, с моей точки зрения, должны облагаться высокой, почти запретительной пошлиной, чтобы национальный доход не затрачивался на непроизводительное потребление.

Мы видим, что эта точка зрения не совпадает ни с фритредерской точкой зрения проф. Рафаловича и Наблюдателя, ни с протекционистской проф. Шапошникова, ни с точкой зрения Маркса в его статье о свободе торговли. Когда мы будем анализировать, в чем заключается основное различие этих взглядов, то мы увидим, что исходная точка зрения и фритредеров и протекционистов частнохозяйственная, исходящая из интересов частного единоличного потребления, или частного единоличного хозяйства.

Начнем с фритредеров.

Тем рабочим или потребителям, которые имеют достаточный заработок или доход, выгоднее дешевый кофе или чай, так как они больше могут его потре-

бить, но с точки зрения народного хозяйства ввоз предметов личного потребления происходит за счет ввоза орудий и средств производства, которыми и определяется количество занятых рабочих и производительность их труда. Сокращение средств производства, как показала война и революция ведет к сокращению количества занятых рабочих и к падению не только производительности труда, но и их реальной заработной платы. Т.-е. дешевизна ввозимых предметов личного потребления, которая «бесспорно» казалась выгодной рабочему классу, оказывается ему же не выгодной, так как повышение потребления отдельных лиц из рабочего класса будет сопровождаться общим ухудшением положения рабочего класса.

Опыт обсуждения таможенной политики и выработки таможенного тарифа на практике мне показал, что эта точка зрения, не соответствующая ни предпринимательской, ни потребительской, с большим трудом усваивается и теоретиками и практиками, фритредерами и протекционистами, хотя должна быть проста и понятна: в интересах развития народного хозяйства необходимо сокращение ввоза предметов непроизводительного потребления и расширение ввоза орудий и средств производства. После приведенных иллюстраций, я полагаю, делается понятным различие личного и народнохозяйственного потребления, личного и народнохозяйственного накопления, частнохозяйственного и народнохозяйственного понимания «производительного» труда. С точки зрения Маркса и его предшественников-классиков и позднейших экономистов, труд рабочего, производящего оружие и предметы роскоши, труд производи-

тельный, увеличивающий прибыль и накопление капитала, богатство страны, а с моей точки зрения это труд непроизводительный, увеличивающий богатство отдельного предпринимателя, но сокращающий богатство страны (при капиталистическом строе буржуазии, в руках которой находятся капиталы). Если тем не менее буржуазия не считает для себя невыгодным «вооруженный мир» и даже войну, то по той же причине, по которой экономисты непроизводительный труд считают производительным, потому что каждый капиталист, как и экономисты, стоит на частнохозяйственной точке зрения и не размышляет о влиянии непроизводительного потребления на состояние народного хозяйства.

Как ни покажется парадоксальным мое утверждение, но я настаиваю, что социалисты стояли целиком на частнохозяйственной точке зрения. И Роза Люксембург, доказывающая, что война увеличивает накопление капитала у капиталистов, и другие социалисты, доказывающие, что война выгодна не отдельной группе капиталистов, а всей буржуазии, и сами капиталисты, воображавшие, что увеличение в их руках бумажных денег, облигаций от военных займов вместо реальных ценностей чрезвычайно их обогатило, пока не выяснилось, что реальный капитал в воюющих странах сократился, — а он был исключительно в руках буржуазии.

Т.-е. социалисты, несмотря на жестокую критику капиталистического строя, при его анализе стояли на «буржуазной» точке зрения, так как исходили из частнохозяйственного опыта и совершенно не имели представления о производительном и непроизводи-

тельном потреблении, о производительном и непроизводительном труде с народнохозяйственной точки зрения.

Можно не соглашаться с моим взглядом, можно считать его ошибочным, а правильным общепринятое понимание хозяйственных явлений, но смешивать одно с другим, значит совершенно не усвоить мое понимание «Социальной пролемы».

Ведь я утверждаю, что сущность «Социальной проблемы» заключается не в «экспроприации экспроприаторов», не в уничтожении прибавочной ценности, а в уничтожении непроизводительного потребления; что при капитализме решение проблемы невозможно, главным образом, потому, что конечной целью каждого капиталистического предприятия является непроизводительное потребление; что социалистический строй, посколько он не разрешил проблемы сокращения непроизводительного потребления, постолько же он далек от решения социальной проблемы, как и капитализм. Я сознательно обхожу политическую сторону вопроса, какая власть, пролетарская, буржуазная или коалиционная может ближе подойти к решению проблемы. В другой своей работе в «Теории кооперации», посвященной анализу общественного накопления я указываю на три ступени развития идеологии рабочего класса. Естественно, что на каждой ступени своего развития он по разному относится к постановке и решению социального вопроса. Поэтому сходить с научно-экономической оценки социальных явлений к субъективно-политической, требующей в известной степени субъективного определения ступени идеологического развития общественных классов, я не хотел и

не хочу, так как не признаю за ней никакой научной ценности.

Я наиболее подробно останавливался на различных формах непроизводительного потребления и при капитализме и при социализме, чтобы пояснить первостепенное значение проблемы потребления при решении социальной проблемы; я приводил достаточно аргументов в доказательство того, что даже при господстве пролетариата, при «экспроприации им экспроприаторов» положение народных масс не улучшится, если не сократится непроизводительное потребление и если не увеличится потребление производительное.

Вытекающая из этих выводов критика программ социалистических партий не вызывает возражений со стороны моих оппонентов не потому, что они усвоили и поняли основную идею «Мировой социальной проблемы», а потому, что опыт жизни показал несостоятельность программ, а также показал важность проблемы продукции.

Я упоминал, что на опыте экономической жизни за последние годы достаточно ясно была видна необходимость развития производительных сил народного хозяйства. Так как марксисты и сам Маркс не раз упоминали о значении развития производительных сил (хотя в своей агитации среди рабочих масс и действовали в обратном направлении), то при указании на недостаточное понимание социалистами проблемы продукции мои оппоненты резонно отвечают, что и у Маркса и у марксистов есть цитаты, указывающие на значение развития производительных сил.

Эти указания напоминают постоянные ссылки христиан различных религий и сект на Библию и Священное Писание. Оказывается, что в Библии находили

ответы на все жизненные вопросы и испанские инквизиторы, сжигавшие еретиков и сами еретики, и лютеране, и преследователи, и преследуемые, и сторонники войны, и ее противники и т. д., и т. д. Все они находили ответы в Библии и Евангелии на все свои запросы соответственно своим убеждениям. То же случилось и с социалистами, которые находят, что на все вопросы, поднятые в «Социальной проблеме» есть ответы Маркса.

Было бы очень полезно, если бы у старых экономистов-классиков и в особенности у Маркса имелись указания на значение характера потребления национального дохода для развития народного хозяйства, потому что тогда правильные идеи экономической политики легче усваивались бы.

Я не без основания напечатал главу об «Элементах веры в социализме», как введение к «Мировой социальной проблеме», так как ожидал большого сопротивления мысли со стороны читателей непривычному комплексу идей, излагаемых в книге. К сожалению, это сопротивление превысило мои ожидания, так как, судя по критическим статьям, социальная проблема была воспринята не как проблема об общественном потреблении дохода народного хозяйства, а в старом ее понимании, исключительно как проблема распределения, но с поправкой, что развитие производительных сил при решении социальной проблемы не должно останавливаться; между тем, в таком понимании проблемы еще нет ее решения, потому что вопрос и заключается в том, как народное хозяйство может увеличить потребление широких народных масс без сокращения продукции и без сокращения производительного накопления, необходимого для развития народного хозяйства?

9.

Выше, при рассмотрении вопроса о таможенной политике, я указал, с каким трудом дается понимание народнохозяйственного производительного и непроизводительного потребления. Любопытно, что даже детальное объяснение этого на конкретном примере мало помогает делу. В журнале «Экономическая Жизнь Д. В. Р.» я написал статью «Основные принципы таможенной политики в Д. В. Р.», в которой пытался выяснить интересы развития народного хозяйства в этом вопросе. Так как на конкретном примере легче иллюстрировать мою исходную точку зрения, то приведу свои соображения и те возражения, которые вызвала моя статья.

«Направление таможенной политики, писал я. может определяться тремя исходными точками зрения:

1) интересами развития хозяйства всей страны. причем другие частные, хотя бы важные, интересы должны быть подчинены или согласованы с этой исходной точкой зрения;

2) интересами фиска, министерства финансов, а следовательно интересами содержания государственного аппарата на средства, получаемые от таможенного обложения;

3) интересами отдельных групп населения, выигрывающих или теряющих от того или другого направления экономической политики.

Наибольшее сопротивление здоровой таможенной политике, имеющей в виду восстановить производительные силы страны путем увеличения в ней орудий и средств производства, при современных условиях должны оказывать потребители. Это увеличение и

накопление капитала может происходить только за счет сокращения непосредственного потребления не только предметов роскоши, играющих, сравнительно, незначительную роль в общей сумме ввоза, но и за счет предметов массового потребления. Без сокращения ввоза предметов массового потребления все пожелания и стремления увеличить ввоз орудий и средств производства за счет предметов личного потребления явятся только благим, но не исполнимым пожеланием, так как покупательные и производительные силы страны являются крайне ограниченными.

Такому здоровому направлению таможенной политики могут помешать и интересы министерства финансов, если оно будет исходить из интересов текущего момента и стремиться строить таможенную политику только в целях получения наибольшего таможенного дохода в ближайшие месяцы, не заглядывая в будущее. Ибо высокое обложение, приближающееся к запретительной пошлине, может сократить таможенный доход от слишком высоко обложенных предметов и не сразу компенсирует выигрыш фиска от увеличения ввоза других предметов и от увеличения экономических рессурсов страны, благодаря здоровой таможенной политике. В особенности, как я заметил в другой статье, министерству финансов будет «больно» отказаться от выгодного обложения предметов роскоши, согласившись на полное запрещение их ввоза. Ведь министерство не только лишается, правда, ничтожного дохода от их обложения, но принуждено мириться с неизбежным существованием контрабанды этих товаров. Эти ведомственные огорчения едва ли успокоят те соображения, что уменьшение ввоза предметов роскоши для страны гораздо важнее потери незна-

чительной суммы таможенного дохода от их обложения.

Известным утешением за эти ведомственные огорчения может служить то, что категория других товаров, которые, не являясь предметами роскоши, не являются вместе с тем предметами необходимого личного потребления с точки зрения и государственных интересов и с точки зрения фиска могут подвергаться максимальному обложению. В этом случае и интересы народного хозяйства и интересы казны совпадают.

Предметы массового потребления в интересах народного хозяйства должны облагаться по возможности выше, чтобы сократить в достаточной степени их ввоз и вместе с тем увеличить доходы казны.

Наша таможенная политика в прошлом и до войны и во время войны была так бестолкова, ввоз предметов непосредственного личного потребления составлял и составляет такой огромный процент из суммы ценности всего ввоза, что Дальний Восток мог существовать только субсидиями из центра. Финансовое ведомство может спокойно в огромной степени увеличить скалу обложения пошлинами, и все-таки ему не удается сократить ввоз предметов непосредственного потребления до такой нормы, которая дала бы сколько-нибудь благоприятное соотношение между ввозом предметов личного потребления и ввозом предметов производительного потребления. Такое положение не допускало благоприятного торгового баланса между ввозом и вывозом.

Перед государственной властью Дальневосточной Республики стоит следующая перспектива—или путем повышения таможенных пошлин на предметы личного

потребления сократить их ввоз, в некоторых случаях даже с риском сокращения по отдельным статьям таможенных доходов и создать условия для хозяйственного возрождения, или, плывя по течению, допуская неограниченный ввоз предметов личного потребления, идти верными шагами не только к финансовому, но и к экономическому банкротству. Ибо характер внешней торговли Дальнего Востока как до войны, так и в настоящее время, был и является для него разорительным. Это видно из тех данных, которые приводятся в статье «Товарооборот по границам Д. В. Р. в дореволюционные годы».

В 1913 году, типичном для довоенного времени, всего ввозилось товаров по Дальневосточным границам на сумму 75.665 тыс. рублей. Из этой суммы только часть металлов и металлических изделий, ввозившихся на сумму 10.381 тыс. руб., и небольшая часть материалов и продуктов химического производства, которых всего ввозилось на 1.405 тыс. рублей, составляли орудия и средства производства, т.-е. имели значение для промышленности Дальнего Востока. Если принять во внимание, что в том же году, при ввозе на 75.665 тыс. руб. вывозилось всего товаров на 23.446 тыс. руб., то ясно видно, что внешняя торговля Дальнего Востока России являлась огромным насосом, который выкачивал из страны золото в обмен на предметы непосредственного потребления, главным образом на пищевые продукты, которых ввозилось в том же году на 53.582 тыс. руб.: мы в буквальном смысле проедали свой национальный доход, затрачивая его на предметы питания, привозимые из-за границы, хотя живем в стране, которая вывозила главным образом земледельческие продукты.

В настоящее время положение сложилось ещё более неблагоприятно для нашей внешней торговли. До войны Дальневосточные окраины России снабжались предметами фабричного производства центральной России. Мануфактура, кожевенные и металлические изделия для непосредственного потребления привозились не только для восточных областей России, но и составляли предметы вывоза заграницу, главным образом в Монголию в обмен на ее сырье. Теперь и мануфактура и кожевенные изделия для удовлетворения потребностей местного населения могут идти только из-за границы, так как производство промышленных районов России сократилось. При таких условиях будет еще более неблагоприятный торговый баланс и утечка золота заграницу еще более усилится, если разумная таможенная политика не ослабит этого процесса, направляя хозяйственную жизнь в сторону производительного потребления привозимых из-за границы товаров, т.-е. сокращая ввоз предметов непосредственного потребления.

Предметы непосредственного потребления, ввозимые из-за границы, можно разделить на следующие группы:

1) Предметы роскоши.

2) Предметы комфорта и потребления более имущих классов.

3) Предметы массового потребления настолько привычные, что потребление их мало сжимается от повышения пошлин.

4) Таковые же предметы, от которых население легко отказывается при повышении цен.

5) Предметы, которые производятся также и в России или легче могут быть заменены суррогатами, производимыми в России.

6) Наконец, имеются товары, ввоз которых или запрещается не из экономических, а других соображений (в интересах народного здравия, нравственности и т. д.), или торговля которыми реуглируется государством, или составляет монополию государства и т. д.

При индивидуальном различии обложения каждого товара в основу обложения товаров каждой из этих групп должны быть положены различные принципы вследствие различного их значения для народного хозяйства, для развития культурного уровня населения и т. д.

Ввоз большей части предметов роскоши целесообразнее совершенно запретить, исходя из того, что от этого не пострадает ни одна значительная группа населения, фиск немного потеряет, а покупательные силы страны значительно выиграют.

Предметы комфорта, потребляемые более имущими классами населения, требуют в интересах казны и в интересах сокращения непроизводительного потребления максимального обложения, а некоторые даже полного запрещения, напр., ликеры, вина и т. п. С другой стороны, некоторые из товаров этой категории, имеющие культурное значение, могут пользоваться более льготным тарифом: например, книги, научные пособия, инструменты и т. п.

Обложение предметов массового потребления, наиболее необходимых для населения, имеет и наибольшее значение для общей суммы таможенного дохода, так как благодаря своей массе они могут дать наибольший доход. Но обложение этих предметов тяжело отзывается и на благосостоянии населения, которое вынуждено покупать по дорогой цене необходимые ему

товары. Однако, современное экономическое положение страны, из которого она не выйдет в течение ряда лет, вынуждает государственную власть и ради сжатия ввоза и ради обеспечения своих доходов допустить высокое обложение таких предметов, как чай, кофе, хлопчатобумажные ткани и т. д.

Еще более высокому обложению должны подлежать товары, потребление которых легче сжимается, чем потребление товаров предыдущей категории: потребление сахара и изделий из него, риса, шерстяных материй и т. п. продуктов может сжаться и значительно содействовать сокращению ввоза этих товаров. Для фиска сокращение ввоза может компенсироваться высотой обложения, а для всего народного хозяйства от этого будет несомненный выигрыш.

Наконец, предметы, которые производятся и в России, требуют высокого обложения не столько в интересах развития производства их у нас в стране, сколько для сокращения их ввоза для более благоприятного торгового баланса. При этом переработанные продукты, поскольку возможна переработка и в России, должны в особенности высоко облагаться. Если хлеб в зерне не допускает особенно высокого обложения, так как составляет самый необходимый предмет потребления, то мука может быть обложена максимальной пошлиной, чтобы сократить переплаты за перемол зерна. То же можно сказать про мыло, табачные и другие изделия, подлежащие максимальному обложению в видах сокращения ввоза и расширения переработки их внутри страны.

Привоз орудий и средств производства имеет различное значение в зависимости от значения их для продукции страны, для развития хозяйства и, нако-

нец, в зависимости от возможности их производства в России.

Некоторые товары, являясь средством производства, материалом для производства одних продуктов, вместе с тем являются и предметом непосредственного потребления. Так, соль потребляется непосредственно и вместе с тем служит материалом для засолки продуктов, для химического производства и т. д. Таможенное обложение такого рода товаров должно зависеть от значения их для развития промышленности при переработке их в пределах нашей страны и значения промышленности при добывании самого сырья. В одних случаях добывание средств производства для их переработки имеет такое большое экономическое значение, что выгоднее затруднить их ввоз, хотя это и отразится в известной степени на их переработке. Так, обложение пошлиной пшеницы, служащей материалом для мукомольного производства, сахара—для производства кондитерских товаров, в известной степени влияет на размеры производства, но целесообразнее обложить более высокой пошлиной муку и изделия из сахара, чем допускать беспошлинный ввоз этих материалов.

С другой стороны, ввоз железа и стали, хотя бы в виде материала для изготовления изделий, целесообразнее облегчить, так как это даст возможность расширить обработку этого материала.

По отношению к вывозу товаров таможенная политика государства при настоящих экономических условиях гораздо проще. Наш край может взамен предметов обрабатывающей промышленности вывозить только добываемое здесь сырье. Всякие затруднения вывоза лишь ослабляют нашу платежеспособность, тяжело ложатся на экономическое благосостояние населения.

Если сейчас и существует вывозная пошлина на пушнину, то она, являясь косвенным налогом на охотников-звероловов, сильно понижает уровень их благосостояния и вызывается лишь крайней недостаточностью у государственной власти доходов, необходимых для покрытия ее расходного бюджета.

В дальнейшем окажется необходимым оказывать препятствия вывозу некоторых видов сырья в совершенно необработанном виде, например, леса кругляком, некоторых ценных руд и т. д., чтобы обеспечить их хотя бы первоначальную переработку внутри страны, — в настоящее же время, единственно, может быть обложение пошлиной вывозимых руд в фискальных целях, т.-е. не в целях сокращения вывоза.

Изложенными вкратце соображениями исчерпываются основные принципы таможенной политики, но провести их в жизнь довольно трудно. Как я уже упоминал, проведению в жизнь наиболее целесообразно построенной таможенной политики всегда оказываются препятствия как внутри страны, так и извне.

Обычно по выработке таможенного тарифа проявляются указанные выше точки зрения: точка зрения финансового ведомства, точка зрения отдельных заинтересованных групп населения и, наконец, интересы народного хозяйства в целом. Последняя точка зрения, не соответствуя реальным интересам отдельных лиц и групп населения, подавляется этими интересами и в большинстве случаев интересами народного хозяйства жертвуют ради конкретных интересов фиска или потребителей.

Если принять во внимание, что в довоенное время, когда орудия и средства производства страны не были разрушены, в Россию ежегодно ввозилось машин на

сумму около 270 милл. рублей, несмотря на то, что производство их внутри страны определялось на сумму 450 милл. рублей в год, то можно поэтому судить, на какую сумму необходим ввоз орудий производства, чтобы восстановить производительные силы страны: ведь каждому должно быть ясно, что только для удовлетворения четвертой части потребностей страны в орудиях производства, необходимых для восстановления хозяйства, не хватит всей суммы нашего вывоза, хотя бы он весь шел на средства и орудия производства. Ведь каждому должно быть ясно, что, когда население дошло до трупоедства вследствие сокращения продукции, нужно все силы страны напрячь на усиление продукции, а не проедать остатки ее рессурсов. И тем не менее на мою статью делаются следующие возражения:

«Проф. Маслов, останавливаясь на основных принципах таможенной политики, пишет: «предметы массового потребления в интересах населения должны облагаться по возможности выше, чтобы сократить их ввоз и вместе с тем увеличить доход казны». С точки зрения здоровой таможенной политики подлинных интересов народного хозяйства с этим положением согласиться невозможно. Можно ввести высокую пошлину на предметы роскоши и фабрикаты не массового потребления, но применить эту меру к предметам массового потребления, значит вести политику, в корне подрывающую народное хозяйство Д. В. Р., далеко еще не вышедшей из состояния колонии, больше потребляющей, чем производящей».

В приведенной цитате особенно великолепно признание необходимости увеличения непосредственного

потребления заграничных продуктов «в стране, больше потребляющей, чем производящей», т.-е. в признании необходимости «в подлинных интересах народного хозяйства» еще больше увеличить потребление за счет производства. И нужно заметить, что речь идет не о жизненно необходимых предметах при условии, когда сокращение ввоза грозит населению голодной смертью, не в период неурожая и голода. Цитированный автор желает увеличения ввоза из-за границы предметов, не являющимися жизненно необходимыми.

В цитате мне особенно нравится, что автор говорит о «здоровой таможенной политике» и даже «подлинных интересах» народного хозяйства. Повидимому, мой критик заботится о «подлинных интересах» народного хозяйства, а не частного хозяйства. В чем же различие от моей точки зрения?

Если бы спросить любого из моих критиков—почему народное хозяйство пострадает от сокращения ввоза из-за границы предметов массового потребления, то он ничего не ответил бы кроме того, что сократится потребление тех или других заграничных товаров.

Т.-е., что они очень желают увеличения потребления товаров, привозимых из-за границы, т.-е., чтобы вместо двух пудов вывезенной из России пшеницы потреблялся один пуд заграничного риса или полпуда сахара, или лишний аршин заграничного ситца. Но почему от этого выиграет народное хозяйство, почему, если вместо плуга в страну будет ввезено несколько пудов сахара, то народное хозяйство выиграет?

В некоторых районах России совершенно вывелись свиньи. Можно ввозить туда свинину для непосредственного потребления, или живых племенных свиней

для их разведения. В первом случае ввозились бы предметы массового потребления, во втором — средства производства. Если бы Россия была богатой страной, то она могла бы ввозить и т о и д р у г о е. Но при нашей бедности приходится в ы б и р а т ь и л и то, и л и другое. Если страна, как подтверждает мой критик, «больше потребляет, чем производит», то какая ей грозит перспектива? Кажется не требуется гениальности, чтобы сообразить, что ей грозит голод и разорение. Но как же это предупредить? Только увеличением продукции и относительным сокращением непосредственного потребления привозимых из-за границы продуктов. Между тем не только провинциальные, но и «столичные» экономисты уверяют, что вследствие нашей бедности, вследствие превышения потребления над производством нужно увеличить потребление заграничных продуктов.

Блестящая логика и блестящее понимание «интересов народного хозяйства»!

По существу те же соображения, как и моего критика, приводятся Наблюдателем из «Экономической Жизни» в приведенной выше цитате: и там автор, как и другие экономисты, отождествляет интересы текущего момента потребителей с интересами народного хозяйства.

Не трудно видеть, что эти возражения являются лишь частным случаем общего понимания социальной проблемы, которая сводится к стремлению увеличения личного потребления без всякой связи с увеличением продукции, т.-е. хозяйственного потребления.

Ведь ясно, что в приведенном выше примере, при ввозе вместо свинины свиней страна через несколько лет будет производить достаточно свинины не только

для потребления, но может быть и для вывоза, а при ввозе свинины вместо свиней страна в конце-концов будет вымирать с голода.

Мы видим, что интересы потребителей отождествляются с интересами народного хозяйства, его проедание отождествляется с его развитием.

Приведу еще одно возражение из «Сибирских Огней» (№ 3).

«Проф. Маслов предлагает установить пошлину почти на все продукты, не изготовляемые на территории..... Таким образом марксист проф. Маслов нарядился в тогу протекциониста Листа..... Облагаются предметы широкого потребления, мука, рис, сахар, хлопчатобумажные ткани и проч., волей-неволей покупать их будут и в казну денежки потекут, но как будет обстоять дело с благосостоянием самого населения и развитием производительных сил — это вопрос другой». Я не буду останавливаться на курьезном превращении меня в «протекциониста» за введение пошлин на продукты, не производящиеся в стране, настолько нелепа «протекция» производству, которое не существует. Характерно и здесь полное непонимание значения потребления. Почему сокращение потребления риса, иностранных материй и пр. отразится отрицательно на народном хозяйстве? Почему хозяйство крестьянина пострадает, если он вместо риса купит заграничную жнейку или молотилку? Повидимому, изложенные мною соображения настолько ясны и понятны, что и неэкономисту не трудно их усвоить.

Но уже такова субъективная сила желаний, что «экономисты» решают, за отсутствием своей, поесть заграничной свининки, сахара и других вкусных вещей, не дожидаясь увеличения продукции своей

страны, и приходят к абсурдному выводу, настаивая на увеличении потребления заграничных продуктов потому, что мы бедны, что следует тем больше потреблять, чем беднее страна. Разумеется, все мои соображения не относятся к такому моменту, как острый неурожай, угрожающий массе населения голодной смертью: стихийное бедствие не может быть руководящим в экономической политике: во время неурожая проедаются средства производства, не только в обмен на жизненно необходимое.

Мы на нескольких конкретных случаях иллюстрировали глубокое непонимание общей проблемы продукции и невозможности ее понимания без анализа производительного и непроизводительного потребления. Тем не менее у меня нет уверенности в том, что и после сделанных замечаний эта проблема не будет также пониматься, как понимали ее цитированные выше критики и Роза Люксембург. Так трудно усвоить идею интересов народного хозяйства, не подчиненную каким-либо групповым интересам.

10.

Чтобы выяснить разницу значения личного потребления с частнохозяйственной и народнохозяйственной точки зрения, остановлюсь на следующих примерах. Один капиталист из полученной им прибыли затратил 500 тыс. рублей на роскошный дом-особняк.

Другой капиталист столько же проиграл в карты.

Третий потратил на поездки заграницу.

Четвертый затратил в производство.

С точки зрения частнохозяйственной, доступной всем читателям, первый и четвертый накопляют капи-

тал, а не затрачивают его непроизводительно, так как дом-особняк можно так же продать, как и предприятие. Второй и третий одинаково затратили накопленный капитал непроизводительно.

Как же они затратили капитал с народнохозяйственной точки зрения?

Второй случай — проигрыш в карты, — если он произошел в пределах данного народного хозяйства, вовсе не являлся потреблением: произошло лишь перемещение суммы в 500 тыс. руб. от одного собственника к другому. Народное хозяйство от этого перемещения ничего не теряет.

Являясь, с точки зрения частного хозяйства бессмысленной и непроизводительной потерей, такая растрата, как проигрыш в карты частного капитала вызывает даже вмешательство государственной власти, налагающей опеку на расточителя.

Но с точки зрения народного хозяйства переход имущества от расточителя к другому лицу не наносит никакого ущерба народному хозяйству, если это имущество не потребляется.

Совершенно другое значение имеет первый случай, постройка на те же 500 тыс. руб. роскошного особняка. Являясь, с частнохозяйственной точки зрения «вложением капитала» для его сохранения в прочном имуществе в виде роскошного дома, эта затрата с точки зрения народнохозяйственной является непроизводительной затратой национального капитала на непроизводительное накопление, уменьшая его производительное потребление. «Здравомыслящие люди», в том числе и почтенные экономисты, найдут безумной мысль, что с точки зрения защиты интересов народного хозяйства подлежит наложению опеки не картежный игрок,

а строитель роскошного особняка, или любитель драгоценных камней.

Другое значение имело и имеет «непроизводительное» общественное накопление, в виде общественных зданий, музеев, статуй и т. п. Удовлетворяя эстетическим потребностям всего общества, эта форма накопления является формой накопления общественной культуры и средством повышения общего культурного уровня населения, и представляет собой накопленное общественное богатство, хотя бы в ущерб удовлетворению более настоятельных потребностей широких народных масс: такое «непроизводительное» общественное накопление должно лишь исходить из наличного состояния производительных сил страны, увеличиваясь по мере их развития.

ГЛАВА V.

Классовые интересы.

11.

Некоторые из моих критиков очень иронизируют над моей «надклассовой» точкой зрения, иронизируют, разумеется, потому, что не понимают ее. Чтобы эта точка зрения была понятна, я рекомендую подумать над изложенными выше соображениями по поводу таможенной политики. Те экономисты, которые высказываются за свободный беспошлинный провоз заграничных продуктов стоят на точке зрения рабочего, как потребителя, стремясь доставить ему дешевле заграничные предметы потребления. Те, которые стоят за покровительство промышленникам, стоят за их интересы, но в чьих интересах изложенная мною точка зрения, исходящая из задачи развития народного хозяйства? Она не в интересах текущего момента рабочего, как потребителя, но в интересах рабочего, как участника хозяйственной жизни, как представителя рабочего класса, потому что только при существовании промышленности он может оставаться рабочим, а не безработным. А существование промышленности в отсталой стране возможно лишь при процессе нако-

пления, а не при процессе проедания национального дохода.

В Дальневосточной Республике при высокой заработной плате в типографиях и малой производительности труда (низкого минимума выработки) стоимость издания книги заграницей может оказаться ниже, чем в Д. В. Р. и может повести к закрытию типографий и во всяком случае к сокращению числа рабочих. Что же соответствует классовым интересам рабочих — сокращение ли производства, или отказ от борьбы за повышение заработной платы до тех пор, пока не повысится их продукция. Если они должны бороться за повышение заработной платы у частных предпринимателей, то почему они должны отказаться от стачек в государственных предприятиях, принадлежащих рабоче-крестьянской власти? Очевидно, во имя сохранения производства и народного хозяйства. Значит, они должны подчинить свои классовые интересы интересам народного хозяйства. Но это та ересь, за которую бранят меня критики, упрекая меня в попытке стать на надклассовую точку зрения. Из этого противоречия нельзя выйти, не подчинивши классовые интересы (настоящего) интересам народного хозяйства (будущего), и, если мне на это возражают, то просто не подумавши над теми противоречиями, в которые сами впадают. Если одни экономисты-марксисты стоят за свободную торговлю, против протекционизма, то другие, напротив, являются протекционистами в самом обычном смысле. Например, в журнале «Народное Хозяйство» (№ 7, 1922 г.) М. А. Савельев пишет: «в общем и целом тут должен быть проведен принцип строгого протекционизма, обеспечивающего возможность восстановления всех тех отраслей промышлен-

ности, которые имеют в настоящее время возможность расширения и укрепления на внутреннем рынке»... Однако, «когда дешевый импортный товар не только не стоит на пути конкуренции местной национальной промышленности, но и является агентом по расширению и углублению рынка». Итак, с одной стороны, протекционизм, с другой — поощрение потребления (углубление рынка) предметов непроизводимых в стране, т.-е. кофе, какао, чай, рис и проч. А как это отразится на народном хозяйстве, на процессе накопления и развития его производительных сил? На этом вопросе не останавливается ни один автор. Для них проблема производительного и непроизводительного потребления — закрытая книга. В. М. Милютин, тащите еще вязанку дров на костер: я осмеливаюсь оспаривать и протекционистов и фритредеров, утверждаю, что земля вертится и утверждаю, что «классовая точка зрения» (увеличения непосредственного потребления) должна подчиняться интересам народного хозяйства!..

Останавливаясь на классовых интересах в классовой борьбе, происходящей в капиталистическом обществе, я в «Социальной проблеме» указал, что для развития народного хозяйства необходимо подчинить классовые непосредственные интересы (настоящего) интересам народнохозяйственным (будущего). Из этого следует, что, принимая факт борьбы классовых интересов, как элемент, неизбежно существующий в капиталистическом обществе, я лишь указывал, что этот элемент может быть использован в интересах хозяйственного развития общества. После этого доказывать значение классовой борьбы казалось бы излишне. Но Милютин убеждает: «нужно ли теперь доказывать значение классовой борьбы, ее цель, задачи после целого

ряда десятилетий развития и углубления ее, в момент, когда она превратилась в социальную революцию» и т. д.?

Мною ставится вопрос о наиболее целесообразном направлении и использовании огромной важности фактора классовой борьбы в процессе исторического развития, а в ответ на это меня убеждают, что классовая борьба чрезвычайно важный фактор этого развития.

В. Милютин и не подозревает, что в современной экономической политике советской власти под влиянием экономической необходимости приходится руководствоваться тем же принципом, на который я указывал в «Социальной проблеме», принципом ставить в основу интересы народного хозяйства. Ибо, если бы советская власть руководствовалась текущими интересами рабочего класса, а не интересами народного хозяйства в целом, она предоставила бы рабочему классу проедать остатки национального капитала.

Выше я приводил пример забастовки в государственной типографии при предположении, что дальнейшее повышение платы поведет к сокращению типографских работ вследствие иностранной конкуренции. Я далее указывал, что если иметь в виду классовые интересы рабочих и стремиться их защищать, то нужно направлять борьбу за эти интересы, согласуя их с интересами развития народного хозяйства. А это возможно путем борьбы за сокращение непроизводительного потребления прежде всего буржуазии и современного государства.

На эти положения В. Милютин делает возражения, что я предлагаю «отрешиться от классовой борьбы». Мне приходится констатировать снова непонимание

изложенных мною идей, так как не могу же я подозревать в злостном их искажении критиком *)

Итак, классовая борьба существует на всем протяжении истории человечества, но значение классовой борьбы в различных условиях и в различных формах не одинаково. Я уже указывал, что разрушение машин рабочими в конце XVIII и начале XIX века вовсе не было полезно рабочим и вовсе не содействовало развитию производительных сил. Следовательно, различные формы классовой борьбы могут иметь различное значение: в одном случае она играет положительную роль, ведет к улучшению положения рабочего класса и к развитию производительных сил, а в другом случае отрицательную роль и ведет к разрушению хозяйства и его производительных сил и, следовательно, к ухудшению положения рабочих. Это я хотел сказать и довольно ясно сказал в «Социальной проблеме», ну, а Милютин находит, что это неверно, что всякая классовая борьба, только потому, что она классовая, уже тем самым играет положительную роль. Но тогда, почему Милютин защищает новую экономическую политику, хотя бы против максималистов, которые предлагают и отстаивают другую форму классовой борьбы?

Очевидно потому, что считает ту форму классовой борьбы, которую защищают максималисты, неправильной и вредной; но из этого следует, что не всякая классовая борьба играет положительную роль.

---

*) Впрочем, констатируя непонимание, я не могу сказать, что не встречается и прямое искажение. Так, Милютин утверждает, что я предлагаю рабочим и капиталистам «помириться, согласиться и договориться», поделить между собой национальный доход и т. д. Это просто выдумка моего критика и я не могу объяснять ее непониманием.

12.

Если теоретиками-«экономистами» не была понята и усвоена идея о несовпадении классовых интересов рабочих с интересами развития народного хозяйства, то экономисты-практики, трактующие практические интересы народного хозяйства должны были в жизни столкнуться с этими противоречиями между теорией и практикой.

Благополучный выход из этого противоречия нашелся в изобретении нового слова, которое, конечно, не устранило самого противоречия, но дало возможность говорить о классовых интересах, как об интересах народного хозяйства.

В статье «О совете съездов красных промышленников» («Нар. Хоз.», № 5, 1922 г.) И. Межлаук назвал классовые интересы настоящего, интересы немедленного повышения экономического положения рабочего класса «цеховыми интересами», а интересы развития народного хозяйства «классовыми интересами» и путем такой словесной замены благополучно пришел к выводу, что интересы народного хозяйства («классовые интересы») стоят выше классовых («цеховых») интересов рабочего класса.

Экономический опыт, который является лучшим учителем, заставил отстаивать интересы народного хозяйства против узкоклассовых интересов, выражаемых профессиональными организациями, преследующими исключительно задачи повышения экономического уровня рабочих, не считаясь с интересами народного хозяйства.

Межлаук понимает, что признание этого противоречия классовых интересов (интересов настоящего)

с интересами народного хозяйства (интересами будущего) является ересью по старой идеологии, но выход из этого противоречия находит в том, что теперь в Советской России перед рабочим классом, не так как в буржуазном государстве, стоит задача развития народного хозяйства, — организация производства в национализированных предприятиях.

Но если классовые («цеховые») интересы рабочих могут находиться в противоречии с интересами развития народного хозяйства и в буржуазном государстве, то можно ли во имя этих «цеховых» или классовых интересов останавливать развитие хозяйства в буржуазном государстве и не поведет ли это к регрессу и, в конечном счете, к ликвидации рабочего класса вместе с ликвидацией промышленности?

Не являлось ли с этой точки зрения разрушение машин в начале XIX века правильным приемом «классовой» политики? Если разрушение промышленности в советском государстве вредно для рабочего класса, то не так же ли вредно для него разрушение ее и при капитализме?

Все эти вопросы встают перед экономистами-практиками, которые на опыте хозяйственного строительства натолкнулись на указанные нами противоречия.

Как бы не решались поставленные выше вопросы, как бы ни назывались текущие интересы рабочего класса, «цеховыми» ли, или «классовыми», их столкновение с интересами народного хозяйства приходится признать и уже нельзя, как было прежде, отождествлять классовые интересы настоящего с интересами развития народного хозяйства.

Важна, разумеется, не фразеология, а реальная политика, и вот, называя классовые интересы цехо-

выми, Межлаук намечает правильную экономическую политику, указывая на необходимость согласовать интересы развития народного хозяйства с классовыми интересами рабочих, стараться сохранить рабочий класс от вырождения и вместе с тем не мешать развитию производительных сил страны. Путанная терминология лишь мешает правильному проведению экономической политики, т. к. заставляет делать натяжки, чтобы подвести под «классовые интересы», напр., правильную таможенную политику, о которой я писал, политику по отношению к развитию крестьянского хозяйства и т. д.

Увеличение продукции крестьянского хозяйства вполне ясно связано с интересами развития народного хозяйства, но назвать это «классовыми интересами» рабочих, значит делать очевидную натяжку. Но лучше правильная экономическая политика с бестолковой фразеологией, чем бестолковая политика, хотя бы с правильной терминологией...

ГЛАВА VI.

Тенденция развития хозяйства.

13.

Непонимание существа «Социальной проблемы» не только раньше, но и теперь по прочтении книги критиками, заключается, между прочим, в следующем: критики, несмотря на разъяснения, не могли понять, что «Социальная проблема» есть проблема экономическая, а не политическая.

Конечно, постановка в жизни социальной проблемы сопровождается борьбой заинтересованных групп и классов, но возможность и правильность разрешения социальной проблемы определяется не характером и напряженностью этой борьбы, а характером народного хозяйства, которое организуется при решении социальной проблемы. Как я доказывал в книге «Мировая социальная проблема», решение определяется тем, поскольку в народном хозяйстве сокращается непроизводительное потребление и накопление, и поскольку за его счет расширяется необходимое потребление, то-есть потребление трудящихся, не сокращая производительного накопления и потребления.

Это положение критики могли опровергать, если они с ним не согласны, или признать. Между тем для них, в особенности для Виленского, совершенно непонятна

такая постановка. Для него непонятна самая проблема, которую он подменяет проблемой революции и политической борьбы. Это непонимание тем более курьезно, что в настоящее время уже закончена попытка решения социальной проблемы путем борьбы за власть, то-есть путем политической борьбы, причем опыт показал, что победа в борьбе за власть социалистов не привела еще к решению социальной проблемы.

Виленский совершенно не понял ни значения этого опыта, ни прочитанной им книги и приступает к ее критике прежде всего с вопросом, достаточно ли революционен ее автор?

Сделавши экскурсию даже в область моей биографии, Виленский приходит к заключению, что я недостаточно революционен и поэтому мое решение социальной проблемы никуда негодится. Если судить по «революционности», то левые коммунисты, противники новой экономической политики, несравненно «революционнее» Виленского, который, повидимому, помирился с нею, т.-е. не только является сторонником существующего строя, но и противником тех «революционеров», которые хотят немедленного социализма, и для них является «контр-революционером».

Ведь даже для того, чтобы решать вопрос о том, является ли коммунист Виленский, приемлющий «НЭП», революционером или контр-революционером, нужно исходить не из субъективного настроения Виленского, а из анализа сущности социальной проблемы и возможности ее решения. Я не буду повторять аргументов, которые приводил в своей книге в доказательство того, что социальная проблема есть проблема экономическая, а не политическая, что борьба

за власть является борьбой за орудие власти для попытки решения социальной проблемы, что эта борьба ничуть не обеспечивает ее решения, что самое тщательное. равномерное распределение хозяйственных благ не обеспечивает производительные классы от тяжелой их эксплоатации со стороны непроизводительных групп населения. Укажу хотя бы на изжитый период «военного коммунизма», когда, по отзывам коммунистических экономистов, на одного работающего пролетария приходилось пять контролеров и других бюрократов, тоже пролетариев.

«Революционер» Виленский в то время этого не понимал, пока жизнь показала наглядно, что экономика требует понимания ее, а не революционных фраз... Но... оставим возражения Виленского, так как они сами по себе не интересны.

Я начал с замечаний по поводу этих возражений потому, что за ними скрываются неправильные понимание социальной проблемы более серьезными людьми.

Представления социалистов о будущем хозяйственного развития мирового хозяйства рисуется в следующем виде: при капитализме происходит имманентное постоянное развитие общества в направлении концентрации капитала, пролетаризации мелких хозяйств, превращение большинства населения в пролетариев и сосредоточение капитала в руках немногих эксплоататоров.

Задача социалистов заключается лишь в том, чтобы, сорганизовавши достаточно политических сил, перестроить общество на новых социальных началах, захвативши политическую власть.

14.

Рассматривая эту концепцию, нужно прежде всего выяснить, должна ли неизбежно происходить концентрация капитала, пролетаризация мелких хозяйств и превращение большинства населения в пролетариев, или это не неизбежно?

В связи с этим стоит вопрос, неизбежен ли социализм, придет ли неизбежно к нему современное капиталистическое общество?

Чтобы правильно ответить на этот вопрос, посмотрим на опыт войны и революции в России и на его результаты. Едва ли кто-либо станет оспаривать положение, что в результате войны и революции в России вместо концентрации капитала, вместо пролетаризации мелких собственников и увеличения пролетариев, произошел обратный процесс: колоссальное увеличение мелких собственников, и соотвественно этому сокращение числа пролетариев, распыление капитала и вместе с этими процессами падение производительных сил страны. Поскольку в других воевавших странах произошло сокращение капитала вследствие увеличения непроизводительного потребления во время войны, в них также должно было произойти сокращение числа занятых рабочих в крупных капиталистических предприятиях.

Не трудно видеть, что падение производительных сил в России, распыление капитала, сокращение числа наемных рабочих и увеличение числа мелких собственников, все эти явления тесно связаны между собой. Т.-е. поскольку правилен вывод, что при развитии производительных сил в стране, при накоплении капитала

происходит концентрация капитала, сокращение числа мелких собственников и увеличение числа наемных рабочих, постольку все эти результаты накопления капитала и развития производительных сил сменяются обратными процессами при сокращении капитала, при падении производительных сил; если непроизводительное потребление увеличивается в таких размерах, как было во время войны и революции, то ни процесса пролетаризации мелких собственников, ни процесса концентрации капитала не будет, а начнутся обратные процессы. На это я указывал еще в «Аграрном вопросе», наблюдая развитие сельского хозяйства. Падение производительных сил в индустрии во время войны и революции подтверждают уже давно сделанные выводы. Но если указанные процессы связаны с развитием производительных сил, т.-е. с процессом накопления капитала, то в зависимости от этого процесса находится и возможность осуществления социалистического строя, ибо ясно, что при увеличении количества мелких собственников и при сокращении числа наемных рабочих обобществление орудий и средств производства все более и более затрудняется независимо от того, в чьих руках находится политическая власть. Такой факт, как возникновение мировой войны показывает, что в капиталистическом обществе имеется достаточно разрушительных сил, которые могут повести производительные силы страны к упадку и не только остановить развитие их и процесс накопления, но и создать обратный процесс разрушения производительных сил и их уничтожения. В настоящий момент целый ряд стран, при самых различных политических условиях продолжают разрушать свои производительные силы содержанием огромных армий,

отдаляя этим момент обобществления даже части своего производства.

Мне уже приходилось в «Мировой социальной проблеме» указывать на то, что национализация предприятий сама по себе не является еще шагом вперед к социализму, если она не дает толчек к процессу накопления национального капитала. До сих пор как в капиталистических странах, так и в Советской России национализированные предприятия в лучшем случае являлись источником средств для фиска, т.-е. для непроизводительных расходов со стороны государства, а в большинстве случаев только поглощают часть национального дохода, получаемого в частных хозяйствах и поддерживаются государством вследствие их важного государственного значения. Т.-е. многие национализированные предприятия существуют лишь постольку, поскольку они поддерживаются доходом, получаемым государством с частных хозяйств, поскольку последние существуют. Следовательно, национализация в этих случаях не является средством накопления и развития производительных сил, а средством их разрушения. Теперь мы подходим к ответу на поставленные выше вопросы. Процесс концентрации капитала, пролетаризации и уничтожения мелкой собственности не неизбежен, поскольку в капиталистическом обществе существуют разрушительные силы, грозящие остановить процесс накопления и развитие производительных сил: достаточно еще одной мировой войны, чтобы отбросить человечество назад к периоду варварства.

В связи с этим находятся и вопросы о неизбежности наступления социализма или обобществления производства.

Обобществление производства является процессом, который находится в тесной связи с процессом накопления и развитием производительных сил и может развиваться только в зависимости от последнего. Правда, во время войны вмешательство государства не только в распределение, но и в производстве достигало достаточно больших размеров, но едва ли кто-либо, кроме наиболее невежественных «экономистов», увидит в этом социализацию, а не результат разрушительного действия войны.

Следовательно, поскольку в современном обществе есть элементы разрушительные, которые не только могут остановить развитие народного хозяйства, но и отбросить его далеко назад, постольку нельзя говорить и о неизбежности хозяйственного развития общества, хотя тенденции этого развития прочно заложены в капиталистическом обществе и хотя все более и более растут силы, противостоящие разрушительным силам, стремящихся к непроизводительному потреблению накопляющегося дохода. Тем не менее, даже теперь, несмотря на недавний опыт мировой войны, прогрессивным силам еще не удается уничтожить всеобщее вооружение и опасность войны в культурных странах.

И нужно признать, что социалисты до настоящего времени не только ничего не сделали для выяснения отрицательного значения войны, но в значительной мере содействовали неправильной оценке экономического значения войны и колониальной политики.

Выше я приводил «научные» доказательства Розы Люксембург «прибыльности» войны, как средства накопления капитала.

Так как накопленные капиталы являются главным орудием технического прогресса и развития народного

хозяйства, то война на основании цитированной мною экономической теории вовсе не является гибельным для народного хозяйства предприятием.

С другой стороны, социалистические писатели доказывали, что колониальная политика, завоевание новых колоний является необходимостью для развития капиталистического строя, что без колоний предстоит крушение его от перепроизводства, кризисов и т. д.

Оставим пока вопрос о «зрелости» и «незрелости» капиталистического строя для социализма, так же как и вопрос о том, может ли существовать социалистический строй без обмена с колониями; из идеи о необходимости колоний и колониальных войн для капитализма следует вывод, что, поскольку страна не может избавиться от капитализма, постольку ей необходимы колонии, добытые хотя бы путем войны, огромных затрат на содержание армии.

15.

Относительно исторического значения колониальной (экзотической) торговли мне приходилось писать подробно в «Теории развития народного хозяйства» и здесь я изложу это в нескольких словах. Самой первичной формой накопления капитала является колониальная торговля «экзотическими» товарами. По мере развития товарного производства ее относительное значение постепенно уменьшается, хотя абсолютно товарообмен между промышленными и колониальными странами все более и более растет. Но монопольная торговля с колониями, при которой группа капиталистов из метрополии захватывает ее, все больше и больше теряет свое значение.

Поэтому, несмотря на то, что, например, Соединенные Штаты Северной Америки отложились от Англии и перестали формально быть ее колонией, товарообмен между Англией и Соединеными Штатами возрастал в огромных размерах. Необходимы ли были Соединенные Штаты для английского капитализма, как колонии Англии, или английский капитал прекрасно мог развиваться и при независимости Соединенных Штатов от Англии? Если, как колония, Соединенные Штаты были необходимы, то почему отторжение их от Англии не нанесло чувствительного удара развитию хозяйства Англии? Если Соединенные Штаты не были необходимы, то почему Англия затеяла войну с ними, чтобы подчинить их? Очевидно, что как колония Соединенные Штаты не были необходимы для Англии, и если Англия воевала, и стремилась их покорить, то не вследствие необходимости колоний для развития капиталистического народного хозяйства, а вследствие выгодности колоний для отдельных малочисленных групп правящих классов Англии, которые свои выгоды выставляли как выгоды всего капиталистического хозяйства, хотя, как я покажу, колонии часто мешают развитию народного хозяйства.

Социалисты, начиная с Маркса, подтверждали ту же мысль о жизненной необходимости для капиталистического общества колониальной политики.

Выше я указал, что на различных ступенях капиталистического развития значение колоний различное: если на самой первой ступени развития торгового капитала колонии были необходимы для получения монопольной прибыли, то на дальнейших ступенях развития капитализма экономическая роль их сводится к роли поставщиков сырья, одинаково, находятся ли

они в зависимости от метрополии, или являются самостоятельным государством.

В книге «Экономические причины мировой войны» *) я писал: колониальные войны занимали такое место в истории человечества, из-за них столько проливалось крови, что нет ничего удивительного в том, что существует в современном обществе убеждение в необходимости колоний для процветания и экономического развития капиталистической страны, убеждение в том, что промышленность не может развиваться без колоний.

Между тем, по мере развития торговли и капиталистического производства, торговля с капиталистическими странами играет все большую и большую роль и постепенно ослабляет значение торговли с собственными колониями. Все больше и больше места занимает торговля, основанная на договорных отношениях между обменивающимися странами.

Тем не менее для некоторых групп капиталистического общества, обыкновенно наиболее влиятельных, владение колонией имеет большое значение, как источник сверхприбыли, основанный на физическом насилии. Занимая незначительное место в общем балансе хозяйственных оборотов страны, колониальная торговля имеет огромное значение в международных отношениях; например, германские колонии в Африке охватывают колоссальную площадь и требуют значительных расходов на их сохранение, а из-за Морроко Германия готова накинуться на Францию и затеять войну. Между тем собственные колонии в германском народном хозяйстве играют ничтожную роль, исклю-

*) Изд. 1914 г.

чая небольшой колонии Киачо-Чао, служившей базой для укрепления торговли с Китаем.

Быстрое экономическое развитие Германии происходило несмотря на почти полное отсутствие торговли со своими колониями.

Напротив, во Франции, как и в некоторых других европейских государствах, имеются обширные колонии с большим количеством населения, тем не менее экономическое развитие Франции, как и других европейских стран, далеко отставало от экономического развития Германии. Франция, Португалия и другие европейские страны держали за собой обширные колонии, а германская торговля с этими колониями неуклонно расширялась.

Мы видим, что капиталистические страны, имеющие обширные колонии, отстают в своем экономическом развитии, между тем как Германия, которая приобрела колонии позднее и имеет в них слабую торговлю, экономически развивалась быстрее других европейских стран. Этот факт совершенно опровергает распространяемые империалистами взгляды о необходимости колоний для экономического развития страны, но, разумеется, не ослабляет их аппетиты на получение выгодных монополий и синекур в колониях и не мешает вовлекать капиталистические страны в колониальные авантюры. Ибо, несомненно, та или другая группа предпринимателей может получить в завоеванных колониях такую прибыль, какую другим путем трудно получить...

Тем не менее для всего народного хозяйства в целом колониальная политика не только не необходима, но во многих случаях является безусловно вредной, задерживая экономическое развитие страны. Французские

колонии, требуя огромных затрат на их сохранение, на проведение железных дорог и т. д. дают очень мало для французской промышленности. Французская железная дорога в Синегале, идущая на протяжении 200 км. от Данара до Сен-Луи, в течение 15 лет стоила метрополии на одни ежегодные субсидии более 25 милл. франков. Суданская дорога, длиной 613 км., обошлась метрополии за 19 лет в 40 милл. франков, истраченных на ежегодные субсидии. Чтобы дать понятие о значении этой дороги, следует указать, что на десятый год своего существования она дала выручки от провоза товаров всего на сумму 452.000 франков, между тем расходы по эксплоатации линии и ее охране обошлись в 7.220.000 франков.

Другая дорога на алжиро-маррокской границе наполовину узкоколейная, наполовину ширококолейная, такого рода, что путешественники пешком и в повозках двигаются параллельно рельсовой колее по обыкновенным колесным дорогам.

Таковы колонии Франции и такова их доходность для народного хозяйства.

Тем не менее страна затрачивает колоссальные средства на охрану их и готова ввязаться в войну из-за этих убыточных колоний, потому что они выгодны некоторым влиятельным группам Франции. Если все-таки Германия начала захватывать новые колонии, если в ней империалисты вели и ведут усиленную агитацию за приобретение и завоевание новых колоний, якобы необходимых для народного хозяйства, то исключительно в эгоистических интересах небольших групп юнкерства и промышленников. За эту роскошь, иметь свои колонии — население Германии платилось не только значительными расходами, но и значительными

затратами на развитие военного флота, необходимого для колониальных авантюр. При ничтожном торговом значении для Германии ее собственных колоний английские и французские колонии для ее торговли имеют гораздо большеее значение. Создается парадоксальное положение, неизвестное широкой публике, которая вводится в заблуждение империалистами: чужие колонии могут быть выгоднее для страны, чем ее собственные. Например, французские колонии, на которые Франция тратит значительные средства, являются очень важным рынком для германской торговли и промышленности. Из общей цифры 23 милл. франков германского, австрийского, африканского ввоза в чужие колонии, главная доля, 20 милл., приходится на африканские колонии Франции.

В Сиаме Германия выступала с 346 кораблями вместимостью в 376.000 тонн, тогда как французская торговля велась всего 25 кораблями с 9.000 тонн. С 1897 г. по 1911 г. германская и австрийская торговля во французских колониях удвоилась.

Очевидно, если германские империалисты, как и империалисты других стран, вопят о необходимости колоний и о предстоящей гибели промышленности страны без этих колоний, то не столько в целях расширения сбыта товаров, сколько для увеличения вывоза «интеллектуальных сил», т.-е. паразитических элементов, накопляющихся в капиталистической стране, и для вывоза товаров по монопольным ценам, дающим сверхприбыль.

При значительной торговле Германии с французскими и английскими колониями собственные ее колонии играют ничтожную роль.

Вывоз Германии в другие страны достигает суммы в 7.474 милл. марок, из них вывозится в немецкую Африку на 19,4 милл. марок, в немецкую восточную Африку на 13,1 милл. марок, в Камерун на 8,7 милл. марок. Итого на сумму около 44 милл. марок или около половины процента общей суммы вывоза. Очевидно, эти колонии вовсе не необходимы для капиталистического развития Германии.

Напротив, мы видим, что в английские и французские колонии Германия вывозит на гораздо большую сумму, чем в свои собственные. Так, в австралийский союз вывозится из Германии на 63,3 милл. марок, в Канаду на 36,6 милл., в Британскую Индию на 89,3 милл. марок и т. д.

Из этих цифр ясно, что для народного хозяйства капиталистических стран колониальный захват имеет меньшее значение, чем в предшествовавшие столетия, когда капитал образовался почти исключительно на эксплоатации колоний (Итальянского города, Испании, Португалии, Голландии и Англии). Теперь захват колоний может даже задерживать капиталистическое развитие, как во Франции, поглощая значительную часть производительных сил страны на насильственное удержание колоний.

Между тем, заинтересованные группы и социалисты, как я заметил, с другими благими намерениями, сумели внушить другим группам населения, что эта половина процента сбыта в свои колонии является необходимой для существования капитализма и борьба за захват колоний выставляется, как борьба за существование страны.

Содержание огромных армий и борьба за колонии и рынки не является необходимостью для капитали-

стического строя. Оставаясь пережитком от предыдущей эпохи, эта борьба представляет одну из многих отвратительных сторон капиталистического строя.

Но имеет ли смысл «причесывать» капитализм, бороться с его отрицательными сторонами, если даже эти отрицательные стороны устранимы; не лучше ли оставить язвы капитализма зиять, пока не наступит час окончательного крушения капитализма со всеми его отрицательными сторонами?

Когда-то существовала теория железного закона заработной платы, проповедуемая Лассалем, из которой вытекает вывод, что положение рабочих при капитализме ни в каком случае не может улучшиться. Долгое время считалось непреложным положение К. Маркса, что с развитием капитализма положение рабочих неизбежно ухудшается. Тем не менее в жизненной практике никто из социалистов не осмеливался проповедывать рабочим о бесплодности их борьбы за повышение заработной платы в рамках капиталистического строя и ограничиться ожиданием социальной революции и уничтожения капитализма: слишком было ясно для каждого, что «пока солнце взойдет, — роса очи выест», пока капитализм существует, рабочим нужно бороться за свое существование.

Точно такое же значение имеет борьба с милитаризмом, с колониальными и завоевательными авантюрами. Ни содержание армии, на завоевание колоний не являются жизненно необходимыми для капитализма, не являются настолько необходимыми, как эксплоатация наемного труда. И если рабочий может бороться и борется за улучшение своего положения, стремясь сократить получаемую от него прибыль предпринимателя, то тем важнее и легче для него бороться

за сокращение непроизводительных расходов, за счет которых может улучшиться его положение, легче бороться потому, что и другие классы общества, в особенности крестьянство, заинтересованы в сокращении этих расходов, если они увидят, что эти расходы вовсе не необходимы. К сожалению, политики, экономисты и социалисты, все в один голос доказывали необходимость для современного капиталистического строя и содержания армии и завоевания колоний. Бессилие лиги наций и всех разговоров о всеобщем разоружении является не доказательством необходимости для капитализма армий и завоевания колоний, а доказательством дряблости и бессилия тех слоев имущих классов, которые, чувствуя тягость всеобщего вооружения, без твердого вмешательства крестьян и рабочих не могут решительно сбросить эту тяжесть. Между тем, широкие слои населения еще не уяснили себе возможность существования современных государств без этого ненужного им бремени и может быть одним из самых тяжких грехов и ошибок второго интернационала до мировой войны была неправильная оценка значения армий и колониальной политики.

ГЛАВА VII.

Ошибки второго интернационала.

16.

Основной ошибкой международного союза рабочих в лице второго интернационала было отсутствие резкого и определенного разграничения национальных и интернациональных интересов и их согласования. Под национальными интересами я подразумеваю интересы каждого отдельного народного хозяйства, представители которых в лице рабочих входили в рабочий интернационал. Так как рабочий класс каждой страны тесно связан своими интересами с ее хозяйственным развитием, так же как развитие рабочего класса тесно связано с развитием хозяйства этой страны, то первой задачей интернационала, естественно, должна бы быть задача считаться с интересами хозяйственного развития каждой страны. Реальных интересов вне конкретных интересов рабочих и народного хозяйства различных стран в интернационале, вообще, не существует и его задачей в первую очередь являлось не только выяснение этих интересов, но и согласование их в таком направлении, чтобы удовлетворение интересов представителей одной страны не происходило за счет интересов другой страны; чтобы деятельность интернационала содействовала рабочему классу всех стран выйти

из своего рабского положения путем планомерной организации его классовой борьбы; чтобы улучшение его положения происходило ни за счет других стран, ни за счет хозяйственного развития своей собственной страны. Между тем, до войны, как я уже упоминал не раз, теоретики-социалисты и весь интернационал в целом, ничуть не имели в виду интересы развития народного хозяйства, как целого, было чуждо социали-народного хозяйства как целого, было чуждо социалистам. Не даром коммунист Виленский утверждает, что национального народного хозяйства не существует. И это не единичное мнение среди социалистов. В их понятии существуют классовые интересы рабочих, классовые интересы капиталистов, интересы крестьянского индивидуального хозяйства, промышленного и т. д., но понятие о народном хозяйстве в целом отсутствует. Таможенная политика, как я указывал, представляется только в виде покровительства или группе предпринимателей или группе потребителей: приходится еще доказывать и разъяснять, что существуют интересы всего народного хозяйства в целом, что оно может развиваться или падать, в зависимости от того, считаются ли с его интересами, как такового. Вернусь снова к моему излюбленному примеру — к войне. От войны некоторые группы населения могут обогащаться, некоторые разоряться, но все народное хозяйство теряет свои производительные силы: для него война, армия и все формы непроизводительного потребления являются разрушительными, задерживающими хозяйственное развитие.

Когда понятие народного хозяйства хорошо усвоено (а этого как раз и не было у социалистов), тогда уже легче ориентироваться в значении того или другого

вида потребления, тех или других классовых интересов и т. д., тогда классовые интересы не являются чем-то самодовлеющим, вне конкретных рамок народного хозяйства, а поставленными в определенные хозяйственные условия и находятся в зависимости от этих условий. Возьмем те же вопросы таможенной политики, которые мы уже обсуждали.

Если исходить из тех же посылок, из которых исходил Маркс в речи о «свободе торговли», или исходить из цитированных выше замечаний Наблюдателя из «Народного Хозяйства», интересы рабочих требуют беспошлинного ввоза предметов потребления, так как удешевляется их цена.

Допустим, что, руководствуясь этими интересами, в России отменяются таможенные пошлины и ввоз товаров из Германии удешевляет цены всех ввозимых товаров вдвое. Потребители-рабочие благоденствуют в течение первого месяца, пока производство всех ввозимых продуктов в России не остановится вследствие невозможности конкурировать с высокой техникой Германии и пока рабочие не окажутся на улице, выброшенные остановкой производства.

Наиболее невежественные оппоненты возразят, что с конкуренцией легко справиться, оборудовавши русские предприятия так же технически высоко и даже лучше, чем в Германии, электрофицируя страну и т. д.

После моих разъяснений в «Социальной проблеме», едва ли стоит долго останавливаться на том, что технический прогресс не является результатом добрых пожеланий кого бы то ни было, а является результатом накопления капитала.

Опыт России во время революции показал, что при отсутствии накопления капитала невозможно не только

технически улучшить производство, но даже сохранить его в прежних рамках. Впрочем, многие и сейчас еще не понимают, что развитие производительных сил страны и ее технический прогресс не создаются декретами и организационными планами, а только путем накопления, т.-е. увеличения производительного потребления. Итак, исходя из классовых интересов рабочих, требующих повышения реальной заработной платы путем отмены таможенных пошлин, мы приведем народное хозяйство к остановке всего промышленного хозяйства, к остановке предприятий и безработице. Оказывается, что, преследуя «классовые интересы» рабочих в ущерб развития народного хозяйства, мы приходим не только к его разрушению, но и подрываем самую возможность существования рабочих, как при капитализме, так и в современной Советской России. Понимание социалистами классовых интересов рабочих в изложенном мною смысле подтверждает почти каждая статья современных социалистических писателей. Беру попавшую мне статью председателя совета министров Дальне-Восточной республики П. Никифорова («Д.-В. Телеграф», сентябрь 1922 г.), главного руководителя экономической политики огромного края и читаю: «При господстве буржуазии рабочий класс добивался улучшения своего положения путем активных действий, стачкой, саботажем. Стачки и саботажи действовали разрушающе на частнокапиталистическое хозяйство и понижали емкость его производства. Однако, рабочий класс пользовался этим оружием, пользовался не только для улучшения своего экономического положения, но и в целях разрушения враждебного ему частнокапиталистического аппарата — орудия господства буржуазии». Конечно, социалисты не

заходили так далеко, как цитируемый автор (саботаж, ломку машин, разрушение промышленности, они не считали средством улучшения положения рабочих), но ясного понимания интересов народного хозяйства и необходимости согласования с ними интересов рабочих не было, а улучшение положения рабочих мыслится без параллельного накопления капитала, необходимого для развития производительных сил.

Не выяснивши зависимости классовых интересов рабочих от развития производительных сил страны, от накопления капитала, второй интернационал неизбежно должен был натолкнуться не только на противоречие ближайших непосредственных классовых интересов с интересами развития хозяйства, но и на противоречие хозяйственных интересов различных капиталистических стран, устранение которых интернационал не считал своим делом, хотя рабочие различных стран в момент вспыхнувшей войны принуждены были считаться с ними. Естественно, что если интернационал не мог указать выхода из противоречия, которого он не замечал, то рабочие массы стали искать его в рамках национальных, в защите хозяйственных интересов своей страны, хотя эти интересы, как я указывал на примере колониальной политики, освещаются неправильно и толкуются ложно.

Такая же коллизия классовых и народнохозяйственных интересов может быть и в другом всяком вопросе. Например, введение восьмичасового труда во всех странах является большим завоеванием рабочих, но если экономически отсталые страны не будут защищаться таможенной политикой при фабричном производстве от передовых стран, то, вследствие технической отсталости, производство в первых будет задавлено и

рабочие вместо восьми часов получат безработицу. Это не значит, что не следует вводить восьмичасового рабочего дня в фабричных предприятиях, а значит, что такая мера требует целого ряда мер экономической политики, которые должны помешать разрушению промышленности более отсталых стран. Приведенная выше цатата из статьи председателя совета министров лишь в грубой форме выражает непонимание социальной проблемы, выражавшееся другими, а через них и вторым интернационалом более осторожно. Социалисты-европейцы, конечно, понимали, что прямо разрушать производительные силы капиталистического общества не следует. Но они не имели в виду, что впереди решения проблемы распределения еще стоит проблема накопления, что решение этой проблемы, в свою очередь, зависит от характера потребления национального дохода, что решение задач, ставившихся интернационалом, тесно связано с решением указанных проблем в рамках каждого национального (народного) хозяйства, т.-е., что это решение гораздо сложнее, чем предполагалось. Этого второй интернационал не понимал и натолкнулся на те внутренние противоречия, на которые натолкнулись все воюющие страны.

Даже после мировой войны, как видно из современной социалистической литературы, значение поставленных выше вопросов неясно и приведенная цитата из статьи Никифорова не является случайностью.

Наиболее яркой иллюстрацией понимания проблемы накопления является отношение к новой экономической политике в России (НЭП).

Я указал лишь основные моменты идеологии второго интернационала, которые рано или поздно должны были привести его к кризису и заставить поста-

вить в основу социалистической идеологии не проблему распределения, а тесно связанную с ней проблему продукции, которая сводится к проблеме сокращения непроизводительного потребления. Это в свою очередь заставит бороться с милитаризмом и постоянной угрозой войны не пустыми, хотя и горячими фразами, а систематической борьбой с ним в национальных и международных рамках в союзе со всеми заинтересованными в этом классами, хотя бы в союзе «с чертом и его бабушкой».

ГЛАВА VIII.

Новая экономическая политика в Р. С. Ф. С. Р.

17.

«Новая экономическая политика», выразившаяся в денационализации некоторых отраслей промышленности, в предоставлении некоторой свободы частнопредпринимательской деятельности в сфере производства и торговли, явилась результатом поворота от периода так-называемого «военного коммунизма», когда почти все стороны хозяйственной жизни страны подвергались государственной регламентации и регулированию.

НЭП не явилась уступкой притязаниям имущих классов, а явилась неизбежным шагом, вызванным разрушением хозяйственной жизни страны в предшествующую эпоху. Тем не менее, судя по экономической и публицистической литературе, а также по некоторым мероприятиям, цели и значение новой экономической политики непонятны не только рядовым деятелям.

Попытаюсь выяснить значение новой экономической политики и причины, почему и при ней пока происходит процесс проедания не только национального дохода, но и накопленного капитала в виде зданий, железнодорожного инвентаря, основного капитала фабрик и заводов и т. д.

При национализации частных предприятий и торговли вместо процесса накопления в каждом предприятии происходил процесс потребления имеющегося накопленного капитала, главным образом потому, что все участники предприятия были заинтересованы в увеличении своего личного потребления, но ничуть не были заинтересованы в увеличении продукции и в накоплении капитала. Если бы они и были заинтересованы в этом, то ничего не могли сделать потому, что при неизбежной централизации распоряжения производством и обменом состояние предприятия зависело от центральных бюрократических аппаратов, оторванных от каждого отдельного предприятия и слишком громоздкого, чтобы вести их целесообразно.

Таким образом вместо накопления происходил процесс проедания тех средств производства, которые еще оставались. Промышленность и города стали существовать как пенсионеры на те средства, которые удавалось взять от деревни, от мелкого хозяйства и за счет выпуска бумажных денег, который сводил к нулю выручку от продажи крестьянских продуктов на деньги. Разница между частным хозяйством и национализированным предприятием ярче всего видна из сопоставления крестьянских хозяйств и совхозов.

Крестьянские разоренные хозяйства, имея никуда негодный инвентарь, постоянно облагаемые данями, тем не менее содержали городское население и продолжают из своего ничтожного дохода отдавать значительную часть на государственные потребности. Совхозы, обеспеченные землей, лучшим инвентарем и субсидиями, продолжают проедать имеющиеся у них средства, снашивать и ломать инвентарь, ничего не давая государству. Разница между теми и другими заключа-

лась в том, что мелкие собственники заинтересованы не только в сохранении своего собственного хозяйства, но и в его развитии, накоплении, разумеется, с целью увеличения своего личного потребления по мере увеличения продукции хозяйства. Поскольку частное хозяйство заинтересовано в производительном накоплении, постолько оно играет положительную роль в развитии народного хозяйства. Поскольку оно имеет в виду использовать это накопление в виде непроизводительного потребления, постолько оно играет отрицательную роль и постолько общественное хозяйство имеет преимущество перед частным.

Очевидно, расширение поля деятельности частно-предпринимательской, с точки зрения интересов народного хозяйства, имеет своей задачей дать возможность выявиться первой положительной стороне частного хозяйства, а не второй, чтобы вызвать не повышение личного потребления частных предпринимателей за счет накопления средств производства, а увеличение последних, т.-е. новая экономическая политика не могла иметь в виду личные приятные удовольствия «нэпманов», а имела в виду интересы развития хозяйства, увеличение производительного накопления и производительного потребления.

Такие же задачи могли быть поставлены и по отношению к крестьянству.

Между тем, большинству деятелей экономической политики совершенно не ясны ни задачи новой экономической политики, ни то, что она может и должна дать.

Поэтому происходит такое явление, что делается все, чтобы усилить отрицательную сторону частно-хозяйственной организации производства и торговли и

уничтожить ее положительную роль в народном хозяйстве, т.-е. все делается для того, чтобы уничтожить всякий смысл новой экономической политики и почти ничего не делается для того, чтобы остановить процесс проедания оставшегося капитала. Между тем, как я заметил, целью новой экономической политики является не стремление правительства доставить удовольствия предпринимателям получать все «радости жизни», а использовать стремление к индивидуальному приобретательству в целях развития народного хозяйства.

Каким путем это возможно?

18.

Начнем анализ с крестьянского хозяйства. Для развития его производительных сил необходим процесс расширенного воспроизводства, т.-е. необходимо, чтобы крестьянин мог и ему было выгодно расширять свое хозяйство, увеличивать в крестьянском хозяйстве количество скота, посева, орудий производства и т. д.

Это возможно только путем индивидуального или кооперативного накопления.

Но накопление и расширение хозяйства выдвигает мелкого собственника из его среды и превращает в более зажиточного собственника, переводит его в категорию зажиточных. Хотя новая экономическая политика и допускает накопление и расширенное воспроизводство, но переход в категорию более зажиточных собственников влечет довольно неприятные последствия в виде перехода в категорию лиц, по отношению к которым государственная власть стоит довольно враждебно. Не только принимаются с ее стороны шаги

чтобы в той или иной форме путем усиленного обложения и другими мерами отнять то, что накопляется но и не дается прочной уверенности, что излишек не будет отобран. Естественно, что мелкий собственник, если он не обладает непреодолимой страстью к накоплению, стремится лично потребить то, что он мог бы накопить, т.-е. вынуждается предпочесть личное потребление своего дохода производительному потреблению и накоплению. Это стремление увеличивается тем, что при отсутствии орудий производства из-за границы привозятся не необходимые крестьянину орудия производства, а предметы личного потребления или орудия, которые не нужны крестьянину. Изготовление и привоз тракторов может быть и интересны для сельскохозяйственных выставок, но не нужны крестьянину, не имеющему и сохи. Поэтому на страницах газет, а может быть и в действительности производятся тракторы, а мелкое крестьянское хозяйство вместо расширения производства во многих местах сократило посевы. Там же, где посевы не сокращаются, крестьяне переходят к расширению таких культур, которые или легче скрыть от обложения, или предназначены для потребления в пределах своего хозяйства. Поэтому расширение посевов замечается в промышленной нечерноземной полосе, где производительность земледельческого труда ниже, где раньше жили покупными сельскохозяйственными продуктами.

Мелкое хозяйство обнаружило огромную способность к приспособлению даже там, где, повидимому, наносится ему наиболее тяжелый удар. Коммунальные хозяйства «деревенской бедноты» пользовались особенным покровительством власти и в первое время

в них объединялась действительно «беднота». Но жизненными являлись хозяйства более зажиточных крестьян и, в целях самосохранения, последние (в Сибири) организуются в «коммуны», чтобы не только избежать неблагосклонного к ним, как «богатеям», отношения властей, но пользоваться их покровительством.

В настоящее время с появлением НЭП'а народнические тенденции к поравнению крестьян исчезают и вводится более здоровая экономическая политика, выразившаяся в земельном законе. Тем не менее в практике, в особенности на местах, настолько еще сильны традиции недавнего прошлого, что восстановление народного хозяйства, если и происходит, то с большими трениями и препятствиями. Тенденция взять от крестьянина весь избыток производимых им продуктов мешает не только процессу накопления, но и восстановлению хозяйства, которое не может происходить без процесса накопления.

Если у крестьян вместо увеличения средств производства происходит их сокращение, то это значит, что получаемый от земледелия доход или потребляется непроизводительно благодаря отчуждению, или потребляется внутри хозяйства.

До сих пор все делалось для увеличения непроизводительного потребления сельскохозяйственного дохода и очень мало делалось для увеличения его производительного потребления. И в этом виновата не новая экономическая политика, а непонимание экономическими деятелями тех задач, которые должна ставить экономическая политика вообще и новая политика в частности.

19.

Еще более плачевные результаты получаются при новой экономической политике в области торговли и промышленности.

Здесь с точки зрения интересов народного хозяйства она имеет смысл лишь при условии, если она содействует развитию воспроизводства, т.-е. производительного накопления получаемого дохода, а не личному его потреблению и здесь также важно использовать стремление частного предпринимателя к расширенному воспроизводству, вызываемое стремлением увеличить личное потребление.

«Инстинкт» личного накопления можно сравнить с инстинктом пчел, собирающих и накопляющих мед для «личного» их потребления. С точки зрения пчеловода крайне нецелесообразно, как мешать пчелам летать для сбора меда, так и предоставлять его весь съедать пчелам. «НЭП» должна стремиться использовать этот «инстинкт» накопления.

Но, вследствие указанных причин, он использовывается таким образом, что поощряется непроизводительное потребление, а не поощряется производительное накопление, расширенное воспроизводство, необходимое для развития производительных сил. Здесь дело обстоит значительно хуже, чем в сельском хозяйстве. Казалось бы, ясно, что для развития хозяйства необходимо развитие накопления и расширения воспроизводства, для которого нужна прибыль. Но примириться с тем, что буржуй будет накоплять и расширять производство многие, проводящие новую экономическую

политику, не могут. Формы ущемления прибыли были настолько разнообразны, самая возможность получения ее так неустойчива и проблематична, что организовать предприятия решаются или лица, расчитывающие получить невероятную сверхприбыль, или лица, которым нечего терять. Поэтому арендуют национализированные предприятия в надежде использовать полученный основной капитал, который в процессе изнашивания исчезнет, но даст прибыль. Не рискуя полученную прибыль вновь затратить в производство, предприниматель предпочитает лично ее потребить, т.-е. вместо процесса расширенного воспроизводства и производительного накопления происходит процесс проедания основного капитала, непроизводительного его потребления. Непроизводительному потреблению получаемой прибыли и основного накопленного раньше капитала содействует в особенности форма аренды предприятия. При аренде предприниматель не только не заинтересован в расширении предприятия и в увеличении его основного капитала, но, напротив, заинтересован в его уничтожении путем превращения изнашивающегося основного капитала в ценность изготовляемых товаров. Не заинтересованный в накоплении производительного капитала, частный предприниматель или стремится превратить прибыль в предмет своего личного потребления, занимается непроизводительным накоплением драгоценностей, или просто проматывает получаемую прибыль в кутежах и прочих удовольствиях.

Получается парадоксальное положение, что, при крайней нищете страны и населения, Москва по размерам непроизводительного потребления в форме роскоши и мотовства необыкновенно преуспевает. По-

сколько принимаются все меры к тому, чтобы сделать невыгодным производительные затраты и производительное накопление, постольку же не принимается никаких мер к сокращению непроизводительного потребления. Монополия внешней торговли дает возможность ввозить предметы непроизводительного потребления, но ничуть не содействует ввозу орудий и средств производства. Вместо того, чтобы регулировать торговлю в сторону сокращения ввоза предметов личного потребления и расширения хозяйственного потребления, интересуются вопросом о том, кто ввозит и вывозит, вместо вопроса — что надо ввозить и вывозить. Разумеется, это не содействует накоплению и расширению воспроизводства. Для того, чтобы частному предпринимателю купить не бриллиант или соболий мех, а машину из-за границы, нужно проделать столько формальностей, дать столько взяток без надежды на успех, но с надеждой попасть в подвал, что только фанатик накопления и продукции, — каких вероятно мало, — предпочтет купить заграничную машину, а не бриллиант или соболя своей жене или даме сердца.

Между тем, с народнохозяйственной точки зрения не важно кто ввезет из-за границы товар, а важно что ввозится, предмет ли личного, или производительного потребления.

Производительное накопление капитала частного предпринимателя может выразиться в улучшении техники, в увеличении продукции предприятия и, следовательно, в его увеличении. Между тем, прибыль направляется в русло или непроизводительного потребления, или непроизводительного накопления.

20.

Слабая сторона новой экономической политики, кроме указанных, заключается еще в том, что форма хозяйственных отношений ставится выше их содержания.

Иллюстрирую эту мысль на примере пушной монополии в бывшей Дальне-Восточной республике.

Когда здесь была введена пушная монополия, цена на белку упала до 40 к., так как государство не имело возможности скупать всю пушнину на местах. Нормальная цена белки от 1 р. 50 к. до 2 р. Мелкие скупщики давали промышленникам-охотникам только четвертую часть цены потому, что или были принуждены провозить товар контрабандой, или с помощью больших взяток.

Таким образом от монополии государство не выиграло, так как могло скупить только небольшую часть пушнины, хотя и по чрезвычайно низкой цене.

Промышленник-зверолов терял три четверти своего заработка и выигрывали только мелкие скупщики-спекулянты из китайцев, японцев и русских. Крупный капитал не рисковал ввязываться в опасную спекуляцию. В огромной степени увеличился доход взяточников, доходивший до тысячи рублей золотом в день только в одной Чите. Доход государства был ничтожным, так как при недостатке средств и при бюрократическом управлении скупка пушнины имела ничтожные размеры и часто вместо дорогих песцов оказывались заячьи шкурки.

Все это было выгодно для государственного торгового аппарата, но очень невыгодно для фиска и для населения.

Отмена пушной монополии и обложение 10% вывоза дало огромное повышение дохода казны, повышение цен на пушнину на внутреннем рынке, т.-е. выгодно для добытчиков пушнины, но невыгодно для казенного торгового аппарата, оказывавшего усиленное сопротивление отмене монополии.

В настоящее время здесь распространился слух, что вводится снова монополия на вывоз пушнины и цены на рынке уже стали падать, крупный капитал сворачивает свои операции и вместо него уже снова выступает мелкий скупщик и спекулянт, главным образом китаец.

Таким образом вновь вводимая форма торговли ничуть не содействует развитию промысла, а мешает ему; являясь выгодной для отдельных лиц или для небольшой группы спекулянтов, она ничуть не изменяет организацию промысла, а лишь затрудняет сбыт добытой пушнины, сокращая необходимый для этого капитал.

Между тем, всякая новая форма хозяйственной организации является постольку ценной и нужной, поскольку она увеличивает продукцию сравнительно со старыми формами. Без этого критерия самые остроумные хозяйственные комбинации могут привести к разрушению народного хозяйства, а не к его развитию.

Новая экономическая политика имеет смысл только при этом условии, ибо, повторяю, в ее задачи не могло входить стремление увеличить личное потребление спекулянтов и взяточников...

21.

До войны и революции главным рынком для обрабатывающей промышленности была деревня, ее сельскохозяйственное население. В настоящее время, при падении производительных сил страны, покупательные силы города значительно упали и для индустрии деревня, как рынок, приобретает еще большее значение. Но и покупательные силы деревни вследствие ее экономического истощения упали. В статье «Некоторые итоги работы ВСНХ» («Народное Хозяйство», № 5, 1922 г.), П. А. Богданов указывает, что при сокращении промышленности «играет роль и понижение покупательных способностей крестьянина, который не может покупать за наличные деньги». Недостаток покупательных сил у крестьянина обусловливается тем, что крестьянское население облагалось высокими налогами для затраты отчуждаемых от крестьянина средств на непроизводительное потребление и на содержание убыточных предприятий государства. Получается порочный круг: если сохранится слишком высокое обложение налогами крестьянского населения, чтобы поддерживать убыточную промышленность и накоплять средства производства для ее дальнейшего развития, то сократится рынок для этой промышленности вследствие сокращения покупательной силы крестьян. Если их налоговое обложение понизится, то весь доход от государственных предприятий, если он и получится, будет поглощаться на государственные потребности, накопления же капитала для развития производства не будет происходить.

Многие экономисты еще до сих пор не усвоили идеи, что не достаточно одного желания государственной власти национализировать все крупное производство и крупную торговлю, чтобы сохранить их в руках государства: не усвоена мысль, что при ограниченности государственных средств недостаток их или в торговле или в промышленности поведет к сокращению или торговли, или промышленности, или того и другого вместе.

Было бы ошибочно делать из этого вывод, что выходом из такого положения является денационализация всех предприятий и передача их в частные руки. Частный капитал в настоящее время так бессилен, что не может справиться с потребностями торговли и промышленности, но привлечение его в производство и торговлю по мере его накопления и облегчения возможности его производительного, а не непроизводительного накопления, является необходимым условием выхода из того порочного круга, на который я указал. Хотя теоретически и в законодательном порядке в центре признано, что необходимо развитие крестьянского хозяйства для выхода из экономического кризиса, но практически это не проводится.

Я уже упоминал о том, что старушка история проделывает над обществом такие шутки, какие никому и не снились. Одной из таких шуток является факт, что в данный исторический момент люди, исповедующие экономический материализм, считающие правовые, нравственные, умственные и политические отношения надстройкой над экономическим фундаментом, являются в действительности чистейшими идеалистами. «Материалисты» надеются добиться развития производительных сил административными распоряжениями,

а не накоплением орудий и средств производства. «Материалисты» предполагают, что «не место красит человека, а человек место», то-есть, что обыкновенное казенное предприятие, управляемое другими лицами даст лучшие результаты.

Этот идеализм вызван, как я покажу дальше (глава «Кто виноват»), исторической необходимостью, побуждающей искать новых людей для экономического и государственного строительства, в надежде, что новые люди и построят нечто новое.

Условия, на которые я укажу дальше, заставили не только взять в руки государства все крупное производство, но и вести его производство на таких же началах, на каких ведутся государственные предприятия в каждой капиталистической стране.

Но даже при наилучших объективных условиях ведение государственных предприятий обычно не сопровождается накоплением капитала, хотя отдельные предприятия дают огромный доход. Почта и телеграф, железные дороги и проч. при казенном ведении хозяйства дают большой доход, но этот доход потребляется государством не на накопление, а потребляется на государственные потребности. В условиях же расшатанного народного хозяйства, при отсутствии умелого и честного аппарата даже такие монопольные предприятия начинают давать убыток и государственное хозяйство, имея в своих руках крупную промышленность, вместо накопления орудий и средств производства, постепенно изнашивает их.

Причинами таких результатов государственного капитализма являются, как организационные условия, так и чисто экономические.

Приведу лишь одну иллюстрацию экономической нецелесообразности.

На Дальний Восток посылается с большими полномочиями человек, который «блокирует» иностранный «буржуазный» рынок, запретивши вывоз за границу угля, единственного продукта, дававшего государству прибыль, и таким образом не только открывает и укрепляет рынок для частных углепромышленников Манчьжурии, но разрушает свое государственное предприятие, выбрасывает на улицу рабочих и так далее, и никто, разумеется, не смеет громко критиковать.

С другой стороны, экономические условия ведения предприятия для производства на рынок требуют во многих производствах такой гибкости и приспособления к требованиям рынка, что казенные предприятия некоторых отраслей в современных условиях не в состоянии приспособиться к ним. Ведение предприятий в убыток, т.-е. отчасти за счет дальнейшего сокращения основного капитала страны, отчасти за счет дохода частных предприятий, главным образом, за счет крестьянского хозяйства, еще существует.

Если принять во внимание те условия накопления, в которых находится частное хозяйство и которые я выше характеризовал, то будет ясно, что в экономической политике должны произойти значительные изменения.

Кроме целого ряда условий, влияющих на убыточность государственного капитализма, основным экономическим препятствием развитию производительных сил является несоответствие размеров оборотного капитала в совокупности всех казенных предприятий с размерами основного капитала. Для того, чтобы совокупность различных предприятий работала производи-

тельно, не достаточно захватить в свои руки орудия производства.

Для фукционирования предприятий необходимо целесообразное распределение всего капитала между основным в виде фабрик и заводов и оборотным в виде: 1) товарного фонда, реализация которого дает рессурсы для ведения дальнейшего производства и торговли, 2) сырьевого материального фонда для обработки и 3) фонда для заработной платы.

Чем больше национализировано предприятий, тем больший фонд оборотного капитала требуется для того, чтобы национализированные предприятия работали с полной нагрузкой, чтобы они не были убыточны.

Допустим, что имеется мощная электрическая станция в 50.000 килоуатт, которая при полной нагрузке дает очень дешевую электрическую энергию. Если в предприятия, которые пользуются ею, требуется всего 10.000 килоуатт, а эксплоатировать в большем количестве ее нельзя вследствие недостатка накопленного капитала, электрическая станция будет давать убыток, ее энергия будет непроизводительной затратой национального дохода, хотя при полной нагрузке она очень выгодна.

Благодаря тому, что все национализированные предприятия требуют огромного количества всех трех видов оборотного капитала, его не достает в том или в другом виде для того или иного предприятия. А благодаря этой недостаче, каждое предприятие не может работать с полной нагрузкой и делается убыточным.

Так же, как производительность почвы определяется минимумом одной из многих солей, необходимых для произрастания растения, так и продукция предприятия определяется минимумом необходимых для производ-

ства фондов. Правительство, перегруженное основным капиталом национализированных предприятий, не обладает дотаточным количеством ни одного из необходимых фондов оборотного капитала для безубыточного использования этих предприятий, несмотря на то, что много фабрик и заводов стоит без использования.

Мы видим, что частнокапиталистического накопления, благодаря изложенным выше причинам, почти совершенно не происходит, что значительная часть основного национализированного капитала ни в какой форме не используется, а та часть, которая используется, не только не ведет к накоплению, но поглощает часть национального дохода, получаемого в частных предприятиях, крестьянских хозяйствах. Поэтому происходит дальнейшее сокращение национального капитала и будет происходить, пока государство не оставит в своем распоряжении только ту часть производства и торговли, которая имеет наибольшее государственное значение или со стороны фиска, или по своему масштабу.

Очевидно, чем дальше будет заходить процесс сокращения национального капитала, тем меньше у государства будет возможностей вести национализированные предприятия, тем больше их перейдет в частные руки.

Таким образом, с экономической стороны является наиболее целесообразным оставить в руках государства, в отраслях, имеющих наибольшее государственное значение, столько основного капитала, столько предприятий, сколько соответствует его рессурсам в виде оборотных капиталов.

На-ряду с этим, только поставивши частное хозяйство в такие условия, чтобы они были вынуждены и

могли давать производительное назначение получаемой прибыли, возможно производительное накопление капитала.

В настоящее-же время огромная часть из государственного и частнохозяйственного капитала потребляется в самых различных формах в виде жилищ и зданий, в виде машин и т. д.

Некоторые экономисты-практики уже понимают, что для избежания убыточности государственных предприятий нужна полная их нагрузка и, следовательно, закрытие многих менее производительных предприятий. Повидимому, это наиболее рациональное решение, если исходить из интересов фиска, а не из интересов народного хозяйства. Оставивши несколько предприятий, дающих прибыль, казна может получать от них доход, но при этом произойдет не только значительное сокращение числа занятых рабочих, но и непроизводительное разрушение основного капитала в закрытых предприятиях. Из боязни частнохозяйственного накопления будет происходить дальнейшее разрушение производительных сил страны, так как страна, обладающая чрезвычайно ограниченным основным капиталом, при ведении только государственных крупных предприятий, не в состоянии будет использовать даже тот основной капитал, который остался. Получается парадоксальное положение: страна бедна вследствие недостатка средств производства, но на-ряду с этим огромная часть этих средств производства будет находиться в бездействии вследствие монополизации производства в руках государства и вследствие невозможности использовать находящиеся у него в руках наличные сердства производства. Таким образом, в индустрии получается такое же положение, какое создалось в зем-

леделии, где хозяйство более зажиточных крестьян-товаропроизводителей оказалось разрушенным, а совхозы и колхозы поглощали государственные средства, но ничуть не заменили собою частных товаропроизводителей. Но в сельском хозяйстве вместо крупных хозяйств товаропроизводители-крестьяне могут производить для рынка продукты без организации крупных предприятий, между тем как развитие индустрии требует организации крупных предприятий. Поэтому закрытие крупных предприятий не может компенсироваться развитием мелкой промышленности, поэтому, при направлении «в ударном порядке» средств производства в одну отрасль промысленности, начинает падать другая отрасль, при направлении в другую отрасль — падает первая или третья и т. д. Поэтому происходят постоянные скачки различных отраслей то вверх, то вниз, а в общем процессе продолжается разрушение основного капитала. Еще до сих пор экономисты не могут догадаться, что производство не военные маневры и развивается оно не «ударными» маневрами, а процессом накопления.

22.

Характер потребления национального дохода выражается в относительном развитии так-называемой «тяжелой» и «легкой» индустрии.

Тяжелая индустрия занята производством средств производства, а легкая индустрия производством предметов непосредственного потребления.

Процесс развития народного хозяйства и процесс накопления выражается, главным образом, в относительном развитии тяжелой индустрии, а процесс сокра-

щения производительных сил, процесс проедания национального капитала в относительном развитии легкой индустрии за счет тяжелой. На первый взгляд кажется очень легко остановить процесс разрушения производительных сил и заменить его процессом их развития путем субсидий и поддержания тяжелой индустрии за счет легкой индустрии.

Такого рода попытки и делались: «в ударном порядке» ассигновались значительные средства на поддержание той или другой отрасли хозяйства. Однако, если рассматривать народное хозяйство в целом, то не трудно увидеть, что пока характер потребления национального дохода не изменится, пока непроизводительное потребление не сократится, никакие искусственные меры для развития тяжелой индустрии не помогут. В самом деле, допустим, что значительная часть производительных сил перебрасывается, хотя бы в железоделательную промышленность и производство железа значительно увеличивается. Благодаря отвлечению средств производства из других отраслей промышленности, благодаря тому, что большая часть национального дохода идет на личное потребление, спрос со стороны народного хозяйства на рынке все-таки будет в виде спроса на предметы личного, а не производительного потребления. Железо, машины, материалы и проч. будут производиться в большем количестве, но спроса ни них не будет: производство железа будет убыточным, а легкая индустрия будет давать высокую прибыль, так как она удовлетворяет большому спросу.

С другой стороны, передвижение средств производства из легкой в тяжелую индустрию создаст в последней относительный избыток изделий, которые некому

покупать; вместе с тем, это поведет к сокращению, хотя и прибыльной, легкой индустрии, в которой создастся превышение спроса над предложением приготовляемых изделий.

В настоящее время, несмотря на очень большое сокращение тяжелой индустрии против прошлых лет, все-таки она является более убыточной, чем легкая индустрия. Это и является признаком размеров непроизводительного потребления национального дохода и сокращения основного капитала страны.

ГЛАВА IX.

Учет народного хозяйства.

23.

В своих предыдущих работах, излагая законы потребления, я считал излишним упоминать, что эти законы при практическом использовании их в экономической жизни, потребуют целого ряда работ, построенных на совершенно новых принципах, что изучение народного хозяйства, исходя из законов потребления, потребует совершенно нового подхода к явлениям экономической жизни.

Так как затронутые мною вопросы были плохо поняты читателями, то я и остановлюсь на их практической прикладной стороне.

Когда мы подходим к бюджету частного хозяйства, то мы никогда не смешиваем производительных расходов в этом предприятии (т.-е. производительного потребления) с непроизводительными расходами самого предпринимателя. Если предприниматель затратил несколько тысяч рублей на покупку себе бриллиантов, то эта сумма не входит в расход (потребление) самого предприятия. Таким образом, в частном хозяйстве не смешиваются «производительные» и «непроизводительные» расходы, производительное и непроизводительное потребление.

Напрасно мы стали бы искать в любом статистическом исследовании учета какой-либо стороны потребления в народном хозяйстве такого анализа его хозяйственной жизни, на основании которого могли бы отделить производительное потребление от необходимого или непроизводительного. Такая задача, повидимому, никому не приходила в голову. Между тем, для всякого, кто что-нибудь понял из того, что я писал о законах потребления, должно быть ясно, что эта сторона народнохозяйственной жизни должна быть изучена в первую очередь, прежде чем решать не только социальную проблему, но чтобы просто воздействовать на народное хозяйство без опасности получить результаты, противоположные тем, которые имелись в виду. Ни западно-европейским, ни нашим русским социальным политикам не приходило в голову, что прежде всего они не знают того народного хозяйства, которым они руководят, что ни там ни тут даже не знают, какая доля национального дохода затрачивается непроизводительно, в какой мере возможно изменение потребления в сторону увеличения производительного потребления, какие меры возможны для осуществления этого и т. д.

Выше я писал о таможенной политике и указывал на возможность путем таможенных тарифов сокращать личное потребление, чтобы увеличить производительность страны. Но в настоящее время таможенная статистика даже не ставит такие задачи, как регистрация ввоза и вывоза по характеру потребления ввозимых и вывозимых предметов. Если бы мои критики поняли, что я писал о законах потребления, что из написанного мною следует вывод о большей части

статистических сведений по народному хозяйству, как о мало пригодном хламе, который не дает понятия о народном хозяйстве, то они или жестоко обругали бы меня, или глубоко задумались бы над поставленной проблемой, но во всяком случае не сказали бы, что написанное мною для них не ново: ибо постановка вопроса о потреблении национального дохода требует совершенно новой постановки статистического изучения как народного хозяйства, так и частнохозяйственных бюджетов.

Нужно признать, что статистики по отношению к частному хозяйству ушли далеко дальше экономистов: бюджетные исследования частных хозяйств (мелких) подходят к правильной постановке изучения потребления, они разделяют «личное» и «хозяйственное» потребление, правда, недостаточно отчетливо, но во всяком случае дают ценный материал для изучения частного хозяйства. Если статистическое исследование по изучению народного, а не частного хозяйства не пользуется тем методом, на который я указал, то потому, что не сделана предварительная работа экономистами по выяснению экономического значения различных категорий потребления. На экономистах лежит вина за то, что статистический учет народнохозяйственных явлений носит бессистемный характер, что исследования народного хозяйства представляют собой огромную свалку огромного количества фактов, не связанных в собирании их и разработке основной идеей о народном хозяйстве, как хозяйстве производящем, потребляющим и накопляющим производительно и непроизводительно.

Таким образом, для ознакомления с народным хозяйством необходима предварительная теоретическая

экономическая работа определения и классификации по характеру потребления различных хозяйственных благ, производимых в стране, вывозимых из нее и ввозимых из-за границы, по характеру их накопления и, в связи с этим, перераспределения производительных сил.

В настоящее время, исходя из общего обзора народного хозяйства и почти полного прекращения домостроительства в России, можно лишь констатировать, что существование других отраслей промышленности происходит за счет сокращения постройки зданий, т.-е., что в стране происходит «проедание» зданий, — основного капитала страны, — что перераспределение производительных сил произошло в сторону производства предметов непосредственного потребления не только за счет накопления, но и за счет накопленного. Но напрасно мы стали бы искать более точных данных о состоянии народного хозяйства по характеру потребления национального дохода или потребления уже накопленного капитала. Этих данных не дает ни русская, ни западно-европейская статистика и экономическая литература потому, что ни там ни здесь с этой стороны к народному хозяйству не подходили. А так как эта сторона составляет сущность народнохозяйственной жизни, то я имею полное основание утверждать, что экономисты не имеют понятия о том предмете, который они изучают. После того, что мною написано в предыдущие годы и после того глубокого непонимания, которое проявили критики-экономисты, я считаю себя в праве «дерзить», делать упреки экономистам, «спецам», не усвоившим уроки жизни, с особенности уроки войны и революции.

На третьем всероссийском статистическом съезде в ноябре 1922 г. предложен был в порядке дня, между прочим, вопрос о «статистической предпосылке единого хозяйственного плана в связи с проблемой баланса народного хозяйства».

Не говоря уже об «едином хозяйственном плане», который предполагает предварительное знакомство с народным хозяйством, только «проблема баланса народного хозяйства» предполагает знание характера производительного и непроизводительного потребления и накопления, происходящих в народном хозяйстве. Между тем, даже понятия о производительном и непроизводительном потреблении поставлены только мною и еще не обсуждались серьезно в экономической литературе, так как не были поняты.

Хорошо будет составлен баланс народного хозяйства, когда составные элементы этого баланса не только не известны, но еще и не подвергались обсуждению!

Я боюсь, что и теперь эта идея не будет понята. Поэтому попытаюсь иллюстрировать свою мысль еще одним примером.

В Россию ввозят предметы производительного и личного потребления. Все эти предметы имеют различное значение для народного хозяйства. Казалось бы, экономистам весьма важно знать, какое значение имеет для народного хозяйства ввоз каждого предмета. Я цитировал соображения одного из моих критиков, который утверждает, что ввоз предметов массового потребления необходим для развития народного хозяйства. Но почему? Ввоз каких предметов и в каком количестве? Ведь нельзя же строить жизнь на голословном утверждении, что, например, при данном состоянии

народного хозяйства необходимо ввезти для его развития миллионы пудов сахара. А почему не железа, не мануфактуры, не машин и т. д. и почему миллион, а не десять и т. д., и т. д. Ведь для того, чтобы это утверждать и строить политику внешней торговли, нужно ясно знать, какое значение для народного хозяйства имеет потребление того или другого продукта, найти этому объективный и научный критерий. Но для этого нужно определить характер потребления каждого из привозимых и вывозимых предметов. Но кто над этим задумывался? Давалось ли определение различных типов потребления и накопления с народнохозяйственной точки зрения? Из приведенных выше цитат, хотя бы из статьи Милютина, очевидно, что ему даже не приходит в голову этот подход к потреблению народнохозяйственного дохода. И Милютин не составляет исключения. Так в праве ли я «брюзжать» и негодовать, что основные народнохозяйственные проблемы для экономистов еще terra incognita и после тридцатилетней работы проявлять некоторое «нетерпение», когда на мои указания важности исследования «народнохозяйственного потребления» мне отвечают «жупелами» и экивоками на австрийскую школу.

Я уверен, что на статистическом съезде экономисты с апломбом будут говорить о проблеме баланса в народном хозяйстве, оглушая слушателей ультрамарксизмом и в то же время не имея понятия о том, чем вызывается то или иное распределение производительных сил страны.

Я причисляю себя к школе Маркса, хотя и осмеливаюсь многое критиковать. Мне надоело поучение меня «марксизму» со стороны недоучек. И вот я делаю публичный вызов всем марксистам и немарксистам дать

объяснение распределения и перераспределения производительных сил без помощи тех законов потребления, которые я дал в своих работах, да кстати попытаться сбалансировать дефицитное народное хозяйство без анализа и изменения характера потребления национального дохода. Стыдно, когда народное хозяйство находится в крайнем положении, на серьезную постановку вопроса отвечать по-детски: «а Маслов был оборонцем». Было бы смешно, если бы вместо дальнейшего обсуждения вопроса я ответил: «а Милютин стал оборонцем». Нужно более серьезно относиться к затронутым важным вопросам...

Далее я предлагаю во всех курсах политической экономии и во всех теоретических исследованиях найти объяснение разницы для народного хозяйства производства пушек вместо машин, пороха для войны вместо ситца и добычи бриллиантов вместо добычи железа, или опровергнуть мое утверждение, что для народного хозяйства, для развития его производительных сил существует огромная разница в характере потребления национального дохода. Я предлагаю найти научные доказательства, а не публистические рассуждения о том, что война вредна, а роскошь предосудительна. Я утверждаю, что мои критики, которые это «знают», не найдут нигде научного объяснения и не опровергнут моих утверждений. Это, разумеется, плохое утешение, так как важнее вопрос не о том, что работа никем не была сделана, а важно ее сделать. Необходима не только классификация производимых и потребляемых благ, но и учет их, как хозяйственных элементов, составляющих народное хозяйство. Важно не только знать сколько производится и ввозится автомобилей, но и сколько из

них получает хозяйственное производительное назначение, важно знать не только сколько добывается железа, но и его хозяйственное назначение. Без такого учета может получиться вывод, что хозяйство развивается, если в стране стало больше производиться пушек и снарядов. Ведь находятся же «экономисты», которые видят успех «нэпа» в том, что в стране больше ресторанов, кондитерских и даже кафе-шантанов.

Своеобразный обскурантизм, который особенно резко проявляется в некоторых критических статьях, заставляет писать о научном вопросе не с сухой педантичностью ученого, а со страстью публициста. Надеюсь, что читатель не будет в претензии на это, если примет во внимание, что приходится разъяснять вопросы, о которых уже приходилось писать не раз...

24

Экономическая наука в области теории охватывала настолько ограниченный круг явлений экономической жизни, затрагивая, главным образом, вопросы обмена и распределения, что при обсуждении вопросов потребления и распределения производительных сил приходится пользоваться или терминологией, связанной с другими понятиями, или прибегать к новым терминам. Например, классификация предметов по характеру их потребления не укладывается в те три категории, которые я дал: необходимое, производительное и непроизводительное.

Поскольку необходимо было определить вообще значение характера потребления национального дохода с точки зрения развития народного хозяйства, можно

было удовольствоваться указанными тремя категориями и двумя категориями накопления производительного и непроизводительного. Но при конкретном учете и анализе народного хозяйства придется дать целый ряд категорий народнохозяйственных благ, имеющих различное значение в пределах каждой из трех категорий потребления и двух категорий накопления.

Здесь я не имею в виду дать программу учета и анализа народного хозяйства, а лишь намечаю метод статистического и экономического исследования. Разбивши во всех отраслях продукцию и потребление по перечисленным главнейшим категориям потребления и накопления, придется в свою очередь дробить каждую категорию на целый ряд второстепенных категорий по их значению для народного хозяйства в каждый момент его развития.

Поясню примером: сахар является предметом массового потребления, причем в богатой стране с высокой продукцией, напр., в Соед. Штатах С. А., он является предметом необходимого потребления, а при настоящем экономическом положении России он является непроизводительным потреблением. Автомобили в Соед. Штатах являются предметом или производительного (грузовые) или необходимого (пассажирские) потребления. Но когда один из советских ответственных работников сообщил мне, что предполагает выписать 40 тыс. автомобилей, так как недостает лошадей и когда я нашел это непроизводительной затратой, он никак не мог понять, на чем основано мое утверждение, если в Соединенных Штатах получается огромная экономия затраты человеческого труда. Разумеется, при анализе различных категорий продуктов будет

ясно, какое потребление будет производительным, какое малопроизводительным и непроизводительным.

25.

В русской экономической литературе я знаю только одну прекрасную работу с попыткой анализа и учета русского народного хозяйства, — книгу проф. Гриневецкого «Послевоенные перспективы русской промышленности». И эта работа служит иллюстрацией беспомощности экономиста при анализе хозяйства ориентироваться в нем без анализа характера потребления национального дохода. Беспомощность проявляется не только в невозможности объяснить многие явления современной экономической жизни, но, что гораздо хуже, в неправильных экономических перспективах.

Приведу несколько иллюстраций: «В то время как на Западе, пишет проф. Гриневецкий, вспомогательные рабочие по транспорту, по охране и по содержанию составляли обычно от 5 до 8%, в нашей промышленности относительное число этих рабочих колебалось от 10 до 20%, в некоторых случаях повышалось еще более». Все это автор объясняет недостатками техники. «Придется усиленно развивать и улучшать дворовые пути и тягу, обращаясь к электровозам, нужно будет усилить внутренние пути, улучшить оборудование кранами, подъемными машинами и т. д.»

Повидимому, решение вопроса чрезвычайно просто. Еще в «Теории развития народного хозяйства» я указывал, что в Германии производительность металлургических заводов вдвое выше, чем в России потому, что там на каждого рабочего затрачен основной капитал вдвое выше, чем в России.

Проф. Гриневецкий, не подозревая, проводит ту же мысль: нужно на каждого рабочего затратить вдвое, втрое больше основного капитала, т.-е. страна должна быть в несколько раз богаче, т.-е. она должна накопить в два, три раза больше капитала, т.-е., чтобы оборудовать предприятия так же как в Европе, нужно сделаться так же богатыми, накопить столько же, сколько накоплено в Европе, а чтобы сравняться с Соед. Штатами Сев. Америки нужно накопить столько же, сколько накоплено и там. Как же это возможно? Только путем превращения большей части национального дохода не в предметы личного потребления, а в орудия и средства производства. А это тем труднее, чем меньше национальный доход, чем ниже производительность труда, так как население страны не может совершенно отказаться от личного потребления ради накопления, хотя бы потому, что оно вымрет с голода. Следовательно, накопление возможно на счет непроизводительного потребления.

Но о значении непроизводительного потребления проф. Гриневецкий не имел никакого понятия, так же как и другие экономисты. Поэтому он не может разрешить загадки, почему произошло падение, например, металлургической промышленности в России во время войны, когда она при расстройстве и утрате некоторых отраслей развела новые и как раз такие, которые по технической организации и по процессам работы являются более современными.

«В смысле умения организовать дело, ставить новые производства и быстро добиваться результата наша отсталая металлообрабатывающая промышленность сделала за время войны крупный шаг вперед». Автор при-

водит данные огромного увеличения продукции за время войны в 1915 и в особенности в 1916 году. Эта загадка разрушения производительных сил страны при увеличении продукции и не может быть разгадана без анализа потребления национального дохода.

Таким образом, вся огромная и очень умная работа проф. Гриневецкого осталась бесплодной, а его выводы и практические указания совершенно бесполезными, так как приводили к тривиальному положению, что нужно лучше, технически совершеннее, организовать производство, организовать так же, как делается в богатых странах, т.-е. «сделаться богаче». Выводы аналогичные современной пропаганде «электрофикации» России.

Впрочем, пропаганда электрофикации играет ту положительную роль, что, по крайней мере, часть национального дохода не затрачивается непосредственно на личное непроизводительное потребление, а накопляется в виде электрических предприятий. Правда, с точки зрения рационального распределения производительных сил многие из этих предприятий в настоящее время менее полезны для развития хозяйства, чем простейшие орудия и средства производства для сельского хозяйства, за счет которого организуются эти предприятия. Но лучше что-нибудь, чем ничего, чем непроизводительная затрата средств, получаемых, главным образом, от крестьянства. Как в частном крестьянском хозяйстве для его сохранения необходимо учитать значение потребления каждой ценности и определять, можно ли без ущерба для хозяйства вместо рабочей лошади заводить выездную лошадь или автомобиль, вместо плуга устраивать электрическое освещение

и т. д., так и в народном хозяйстве без правильного его учета и характера потребления нельзя подойти к рациональному строительству хозяйственной жизни. Между тем, одни проектируют электрифицировать страну, другие проектируют ввезти сотни и десятки тысяч автомобилей, чтобы иметь более рациональную и выгодную тягу, а третьи хотят потреблять больше заграничного сахара и свинины. Где же критерий рационального использования национального дохода? Очевидно, критерий может быть найден, с одной стороны, в теоретическом анализе значения потребления каждой категории продуктов при данной стадии развития хозяйства и данной степени накопления капитала.

С другой стороны, необходим учет, как степени накопления в народном хозяйстве экономических благ каждой категории, так и размера производства и характер потребления производимых благ, и в первую очередь размеры производительного потребления и непроизводительного.

Между тем, с этой стороны не только нет подхода, но, как видно из возражений, хотя бы Милютина, такого рода подход совершенно не понимается и смешивается с субъективной оценкой потребительских благ.

Я утверждаю, что студенты первого курса, слушатели «науки о народном хозяйстве», понимают в этой науке больше, чем большинство моих критиков. Студенты первого курса обязаны решить следующие три задачи: 1) на теорию ренты: Определить на каком расстоянии от рынка, какой продукт будет производиться при определенном его сборе с десятины, при определенной его цене на рынке

и при определенной стоимости провоза пуда с версты. Эта задача дает математически вполне точное и определенное решение.

На законы личного потребления дается, например, такая задача:

В народном хозяйстве имеется 10 милл. хозяйств, из которых a) 5 милл. имеют ежедневного дохода по 50 к., b) 4 милл. по 1 р., c) 500 тыс. по 2 р., d) 400 т. по 4 р., e) и сто т. по 10 р. Пища в группе a) составляет 60% бюджета, в группе b) 40%, в группе d) 30%, а в группе e) 20%. Средняя норма потребления пищи на каждое хозяйство 9 тыс. каллорий в день. Стоимость каллорий в различных продуктах следующая: на одну копейку можно купить: в картофеле 600 каллорий, в ржаном хлебе 200 калл., в овощах 100 калл., в мясе 50 калл., в дичи 20 калл., в фруктах 5 калл. Стоимость квартиры определяется в 10 коп. за куб. саж. в день. Определить общую сумму потребления в народном хозяйстве каждого продукта предметов 1, 2 и 3-й необходимости, принимая в основу питания хлеб, и определить общую кубатуру всех жилищ. Эта сама по себе элементарная задача требует лишь понимания объективных законов потребления, и не арифметически, а экономически дает определенное решение.

Наконец, на производительное потребление дается аналогичная задача, причем степень накопления капитала и размеры накопленного капитала с приблизительной точностью определят технику производства, так же как в задаче о личном потреблении в общих чертах определяется характер потребленных продуктов.

Так как критики, поучающие меня теории политической экономии не поймут этого сразу, поясню детальнее.

Каждая ступень технического оборудования требует определенного отношения накопленного капитала к живому труду. Если при ручном труде требуется отношение 2 : 1, при паровой машине 4 : 1, а при электрификации 8 : 1, то в народном хозяйстве, при накоплении средств производства — 3 : 1, будет определенное количество рабочих, занятых ручным трудом, определенное количество работающих с паровой машиной и определенное количество с электричеством. При этом, чем больше рабочих будет работать с электричеством, тем больше рабочих будет занято ручным трудом при данной степени накопления капитала и тем меньше будет работать при паровой машине. Следовательно, производительное потребление подчиняется таким же законам, как и личное потребление и поддается такому же учету. И если многие фантазируют насчет технических возможностей без учета процесса потребления и накопления, то этим лишь показывают, насколько они далеки от понимания народного хозяйства в целом.

Из приведенных выше соображений читатель может видеть, что к народному хозяйству можно подойти не только с пустопорожними фразами, характеризующими лишь настроение автора, но и с объективным анализом и учетом производительного и личного потребления его дохода, определением возможности его продукции и наиболее целесообразным распределением его производительных сил. Для этого в первую очередь необходимо изучить характер потребления национального дохода.

Я указывал в «Социальной проблеме», что современное капиталистическое хозяйство с развитием милитаризма подвергает опасности всю современную

культуру, все экономические завоевания современного общества. Но я также указывал, что решение социальной проблемы требует обстоятельного знакомства с народнохозяйственным организмом, требует изучения условий и законов потребления национального дохода *).

---

*) Здесь я не останавливаюсь на анализе условий, которые в каждом производстве определяют условия изменения отношения накопления капитала к живому труду.

ГЛАВА X.

Перераспределение производительных сил в процессе накопления.

26.

Если бы каждое национальное хозяйство было совершенно изолировано от других, то распределение в нем производительных сил происходило бы по той схеме, которую я дал для товарного хозяйства в «Теории развития народного хозяйства» и в «Науке о народном хозяйстве». В зависимости от настоятельности потребностей и от количества продуктов, в которых являет спрос в данной стране, производительные силы распределились бы исключительно под влиянием настоятельности потребности в определенных количествах различных продуктов.

Но благодаря различию естественных условий и благодаря различной степени накопления капитала производительность труда при производстве продуктов в различных странах и даже в различных районах одной и той же страны неодинакова. Поэтому перераспределение производительных сил между различными странами происходит в том направлении, что каждая страна стремится производить и для других стран те продукты, при добывании и производстве которых труд в ней более производителен, чем в других странах. Это

различие определяется, как я заметил, или различием естественных условий, или в степени накопления капитала.

Например, Россия была более бедной страной, чем другие европейские капиталистические страны, чем Германия, или Англия. Поэтому в производствах, требующих относительно более высокого строения капитала, более богатые страны имели и более производительный труд. Россия могла поддерживать конкуренцию своего производства даже внутри страны лишь путем покровительственных таможенных пошлин. Но, в свою очередь, имея более редкое население на окраинах, она могла с небольшой затратой накопленного капитала получать большое количество продуктов сельского хзяйства, так как экстенсивные хозяйства при равных технических условиях являются более производительным. Поэтому реже населенные страны, как С.-А. Соединенные Штаты, Аргентина, Канада, Австралия, Южная Африка, Сибирь являются поставщиками сельскохозяйственных продуктов на мировой рынок; а плотно населенные Бельгия, Англия, Германия, имея другое преимущество, больший накопленный капитал, могут, благодаря большим затратам на орудия и средства производства, производить для других стран продукты обрабатывающей промышленности.

Это различие в производительности труда при добывании и обработке различных продуктов и служит основанием не только международной торговли, но и перераспределения производительных сил между странами таким образом, что одни продукты производятся в значительно большем количестве против потребности в них внутри страны, а других продуктов производится значительно меньше· наконец, некоторые товары и

совсем не производятся, а только ввозятся из других стран.

Если бы Англия была совершенно отрезана от других стран, то в ней произошло бы колоссальное перераспределение производительных сил от индустрии к земледелию: земледелие, чтобы удовлетворить потребность страны в предметах питания должно было бы поглотить в два—три раза больше рабочих рук, отнятых от индустрии. При этом введение почти огородной культуры хлебов повело бы к понижению производительности земледельческого труда в несколько раз. С другой стороны, земледельческие страны, не имея достаточно накопленного капитала в виде машин, должны были бы производить ручным трудом те изделия, которые производятся в Англии при помощи машин.

Перераспределение производительных сил между различными странами при развитии капитализма происходит стихийно, под давлением конкуренции. Экономическая политика при этом руководствуется не столько интересами развития производительных сил страны, сколько интересами влиятельных групп предпринимателей, заинтересованных в получении прибыли от своего предприятия.

Напомним, хотя бы, хлебные законы в Англии, которые препятствовали ввозу хлеба в Англию для повышения земельной ренты лэнд-лордов, хотя привозный хлеб стоил дешевле и хотя для развития производительных сил Англии было выгоднее ввозить хлеб, а в обмен за него производить предметы обрабатывающей промышленности.

Таким образом, разделение труда между странами происходит или вследствие различия в них «строения

капитала», т.-е. степени его накопления, или вследствие различия естественно-исторических условий. Разумеется, никакие покровительственные пошлины не могут повысить общей суммы накопленного капитала, т.-е. его строения, отношения к живому труду, хотя могут искусственно привлечь его из одной отрасли производства в другую. Напр., высокие таможенные пошлины на мануфактуру могут содействовать передвижению капитала из других отраслей в текстильную промышленность и повысить здесь сумму основного капитала лишь за счет других отраслей производства, или за счет ввоза иностранного капитала.

Отчасти благодаря влиянию заинтересованных предпринимателей, отчасти благодаря историческим условиям в различных странах развиваются не те отрасли промышленности, которые являются в силу естественных условий и условий накопления капитала наиболее производительными и выгодными, а такие, которые искусственно поддерживаются за счет других.

27.

Таким образом, экономическая политика может иметь огромное влияние на перераспределение производительных сил, как внутри страны, так и между различными странами.

В экономической политике, ставящей в основу интересы не отдельных групп предпринимателей, а интересы хозяйственного развития страны должны быть приняты во внимание: 1) естественные условия, увеличивающие производительность труда в той или другой отрасли производства сравнительно с другими странами, 2) степень накопления капитала, допускаю-

щая высоту «строения капитала», т.-е. отношение постоянного капитала к переменному без ущерба для других наиболее важных отраслей промышленности. При игнорировании этих условий может создаться картина, что в деревне, освещенной электричеством, население от недостатка пищи и одежды будет ходить нагишом и заниматься трупоедством.

Буржуазные правительства европейских стран не интересовались этой стороной вопроса в своей экономической политике. Также мало интересуется и Советская власть, которая старается вести «плановое хозяйство», но не только не руководствуется в своих планах указанными выше соображениями, но не принимает мер к тому, чтобы собрать для этого необходимый материал.

Попытаемся в общих чертах наметить рессурсы народного хозяйства России, чтобы определить, в каком направлении должно произойти перераспределение производительных сил для наиболее выгодного использования их.

В другом месте мне приходилось указывать, что кроме увеличения дополнительных затрат капитала на единицу живого труда, т.-е. кроме повышения строения капитала, увеличение производительности труда в некоторых случаях возможно путем рационализации хозяйства, часто не требующей или требующей, относительно, мало дополнительных затрат. Особенно большое значение имеет рационализация хозяйства в земледелии и скотоводстве.

Благодаря относительной редкости населения в обширных районах России, благодаря плодородию почвы земледелие и скотоводство здесь может быть относительно более производительным, чем в других

странах, плотнее населенных. Большая производительность труда может быть достигнута без значительного накопления капитала, необходимого в других отраслях промышленности.

Разумеется, никакая рационализация сельского хозяйства невозможна при условии, если весь избыток производимых сельским населением продуктов будет отчуждаться в виде налогов. Но, допуская, что сельское хозяйство накопляет, увеличивает мертвый и живой инвентарь, возможно увеличение продукции не только путем накопления, но и путем рационализации. Улучшение сортов семян, переход к производству более ценных на рынке продуктов, переход скотоводческого хозяйства к молочному, улучшение пород скота дает большой экономический эффект с относительно небольшими затратами капитала. Живого же труда в хозяйстве имеется достаточно для более рационального хозяйства. Поэтому развитие сельского хозяйства является при данных условиях наиболее выгодным сравнительно с другими отраслями производства.

Например, в стране накопляется в течение года капитал в размере 100 милл. р., который можно затратить или на земледелие, или на изготовление автомобилей и других сложных машин. При высоком строении капитала в этих отраслях, при капитале в 100 милл. р. могли бы работать 20 тыс. человек, которые создадут ценностей значительно меньше, чем при той же дополнительной затрате в сельском хозяйстве. Здесь, при 100 милл. р. накопления продукция удвоилась бы не менее, чем у миллиона сельскохозяйственного населения. Т.-е. в одном случае прилагался бы более производительный труд 20 тыс. рабочих, а в другом случае.

при той же степени накопления, прилагался бы более производительный труд миллиона тружеников.

Благодаря такому результату приложения капитала с высоким и низким его строением при редком населении, в таких странах, как Канада, Австралия, Южная Африка, Аргентина и т. д,. накопленный в сельском хозяйстве капитал идет на увеличение продукции сельскохозяйственного труда, на расширение запашек, а не в обрабатывающую промышленность до тех пор, пока возможно расширение посева. Разумеется, и там известная доля накопляющегося капитала должна пойти на другие отрасли промышленности, прежде всего на увеличение транспорта, так как только с увеличением сети железных дорог, пароходства и т. д. возможен сбыт продуктов сельскохозяйственного производства.

Обыкновенно в реже населенных странах имеются природные богатства, которые дают возможность более бедной стране производить и добывать продукты на мировой рынок. Богатейшие залежи золота в Австралии, Трансваале, Калифорнии, Аляске, Сибири делали эти страны поставщиками золота на мировой рынок. Если при эксплоатаци этих богатств происходило накопление капитала, то по мере их истощения накопленный капитал переходил в другие отрасли промышленности. Если же такого накопления не происходило, край опустошался и никакого полезного для края результата от эксплоатации богатых недр земли не получалось.

Другое значение имеет эксплоатация лесов, представляющих в России огромное богатство. Между тем, как минеральные богатства, при отсутствии их эксплоатации, хранятся в недрах земли, леса, при

отсутствии их эксплоатации, гниют и горят от лесных пожаров. Напротив, при рациональной их эксплоатации, использующей только прирост лесов, они могут дать огромный доход без сокращения общего количества древесины, т.-е. без сокращения естественных рессурсов страны.

Представляя огромную ценность, особенно теперь, когда в Западной Европе, как и во всем мире, запас мягких лесных пород в огромной степени сократился, в России леса до сих под мало эксплоатировались, но хищнически расхищались, уничтожались и уничтожаются пожарами и т. д.

В Сибири мне приходилось наблюдать, как сельские хозяева сжигали леса в обхват толщиной для расчистки под луг, хотя вниз по реке имеется большой город, опустошающий свои окрестности вырубкой леса на дрова и постройки. Лесные пожары, при которых гибнут сотни тысяч десятин ежегодно, являются общеизвестным бедствием.

Эти огромные богатства погибают потому, что раньше накопляющийся в стране капитал искусственно направлялся в другие отрасли народного хозяйства, так как ни государственная власть, ни, тем менее, частные предприниматели не руководствовались интересами народного хозяйства. Поэтому в сахарно-рафинадном производстве предприниматели пользовались вывозными премиями, чтобы конкурировать с западно-европейским производством, а в эксплоатации лесов, где ни одна страна не может конкурировать с Россией по их богатству, она играла второстепенную роль. Население настолько мало ценило эти богатства, а правительство так мало заботилось о том, чтобы научить их ценить, что расселение населения сопро-

вождалось нарочитым опустошением населяемого края от наиболее ценных лесов. Даже в настоящее время на огромном пространстве Восточной Сибири, наиболее богатой лесами, на протяжении 5 тысяч верст не имеется ни одного высшего лесного учебного заведения, зато почти в каждом большом городе в высшем учебном заведении учатся словесности и литературе: Россия хотя нищенская, но за то очень литературная страна... *).

Итак, максимальное развитие производительных сил в стране возможно при максимальном использовании ее естественных рессурсов. Для этого накопляющийся капитал должен направляться на увеличение продукции максимального количества рабочих рук, прилагаемых к наиболее выгодным (по естественным условиям) отраслям промышленности, и максимального увеличения их продукции.

Разумеется, если увеличивающийся, благодаря развитию наиболее выгодных отраслей производства, капитал будет потребляться непроизводительно, то результаты будут плачевные.

28.

В настоящее время существует предрассудок, что при «плановом» хозяйстве при «государственном капитализме», а впоследствии при социализме, можно руководствоваться не принципом наибольшей выгодности той или другой отрасли промышленности, а степенью надобности удовлетворения той или другой потребно-

*) Еще щедринский «мальчик без штанов» указывал, что «у нас хоть шаром покати, да за то занятно».

сти. Дескать, при капитализме предприниматели руководствовались стремлением получить наибольшую прибыль, а при государственном капитализме и при социализме нужно руководствоваться другими принципами.

Но что такое «прибыль» капиталистов? Это та часть национального дохода, которая не потребляется непосредственно в продукции, т.-е. в потреблении рабочих и в процессе производства. Эта часть при капиталистическом строе идет в распоряжение капиталиста и частью им потребляется, частью идет на расширение производства.

При госкапитализме и при социализме она превращается в доход общества или государства, т.-е. распорядителем этого дохода является не предприниматель, а государство. Но существо дела от этого не меняется: будет ли этот доход называться прибылью, или просто государственным доходом, доходом пролетарского государства, его величина обусловливается и определяется теми же законами, которыми обусловливается и определяется сумма прибыли частного предпринимателя. Поэтому если какая-нибудь отрасль промышленности не дает прибыли, то она невыгодна ни в капиталистическом, ни в госкапиталистическом, ни в социалистическом обществе. Поэтому, поскольку будет существовать обмен между различными странами, при всех формах организации хозяйства распределение и перераспределение производительных сил будет происходить по изложенным мною законам. При каком бы то ни было строе Англия не будет производить хлеб для вывоза в редко населенные страны. Эти страны, в свою очередь, не будут и ни могут вывозить в Англию изделия, на которые, вследствие недостатка капитала, за-

трачивается больше труда, чем в Англии. Эта зависимость производительных сил от естественных условий останется всегда, так как указанными факторами определяется производительность труда.

Естественные условия являются постоянным элементом, определяющим производительность труда в различных условиях. Накопление капитала (орудий и средств производства) является тем переменным элементом, который вызывает перераспределение производительных сил. Это значит, что при данной ступени накопления капитала, в зависимости от степени накопления производительность труда в различных отраслях хозяйства может быть ниже, или выше, чем в других странах. Накопление капитала увеличивает производительность труда в тех отраслях хозяйства, в которых приложен накопленный труд. Обычно это увеличение производительности труда больше и выгоднее в тех отраслях промышленности, в которых благоприятны и естественные условия. С этим приходится считаться и в экономической политике, и в тех экономических перспективах, которые приходится строить при построении хозяйственной жизни каждой страны.

Разумеется, в тех отраслях промышленности, где уже капитал накоплен в виде фабрик, машин и т. д., этот капитал должен быть использован полностью, но дальнейшее развитие хозяйства и перераспределение его производительных сил должно быть направлено на использование тех естественных условий, которые дают преимущество России перед другими странами. Эти преимущества России заключаются в обширной редко населенной территории, в ее лесных и минеральных богатствах. Но, разумеется, ее экономическое развитие даже при самых благоприятных естествен-

ных условиях возможно только при сокращении (относительном) непроизводительного потребления.

Вследствие сокращения индустриальных средств производства и вследствие сокращения общей суммы национального дохода, т.-е. при падении производительных сил также должен происходить процесс перераспределения, как и при их развитии, только в обратную сторону.

До мировой войны в различных странах происходил процесс развития производительных сил и вместе с тем росло если не относительное, то абсолютное увеличение непроизводительного потребления. Накопляющийся в стране капитал и ее развитие вело к урбанизации населения, к росту городов и промышленных центров. С другой стороны, непроизводительное потребление, как имущих классов, так и государственного аппарата также сосредоточивалось в городах. Поэтому происходил быстрый и относительный, и абсолютный рост городов. Падение производительных сил страны, отражаясь на сокращении и государственных доходов и индустриального населения, должен повести к сокращению городского населения. В особенности тяжело должно отразиться сокращение государственных доходов на той части городского населения, которая жила этими доходами, на положении интеллигенции, живущей интеллектуальным трудом и на положении рабочих, обслуживавших потребности городского населения.

Город, разумеется, не может примириться с тем, что национальное хозяйство, и, в особенности, деревня не может его содержать в прежних размерах и при прежнем уровне удовлетворения потребностей. Город начинает негодовать на деревню, что она ему мало дает,

несоответственно его аппетитам. Является стремление города взять из деревни по возможности больше, хотя бы путем репрессий. Но производительные силы являются курицей, несущей золотые яйца только при условии, если она не будет убита, если эксплоатация деревни не поведет к падению ее производительных сил.

В России от деревни взято больше, чем следует, и городу придется ограничить свои требования, т.-е. или ограничить свои потребности, или рассосаться, перейти в некоторой своей части к производительному труду. Но переход к производительному труду не так прост, как кажется, так как для этого требуются средства производства, которые в стране сократились.

Часть рабочих уже ушла в деревню и занялась там земледелием, или ремеслом, т.-е. в известной части перераспределение производительных сил произошло, индустриальная армия сократилась.

Гораздо труднее положение слоев населения непривычных к физическому труду. Поскольку переход к нему для этих слоев затруднителем, постольку им в известной части предстоит нищенское существование и сокращение своих потребностей до минимума.

Поэтому в период падения производительных сил средний уровень заработка представителей умственного труда относительно должен более падать, чем представителей физического труда. Так как сокращение «непроизводительных» расходов при падении производительных сил неизбежно, то острая безработица в области и интеллектуального труда должна крайне тяжело отразиться на городских слоях населения. Это, как я заметил, обостряется еще неприспособленностью большинства упомянутой категории к физическому труду. Таким образом, перераспределение производи-

тельных сил при их падении грозит наиболее тяжелыми последствиями квалифицированному умственному труду, требующему наибольшей подготовки и стоившему дороже всего для народного хозяйства. Последствий этого, к сожалению, устранить нельзя, возможно только их смягчить.

ГЛАВА XI.

Проблема продукции.

29.

В «Мировой социальной проблеме» и здесь я снова и снова, при обсуждении различных вопросов, возвращаюсь к проблеме продукции, или развития производительных сил. Это постоянное возвращение к одному и тому же должно быть тем более досадно, что, по мнению всех моих критиков, эта проблема всегда ставилась социалистами.

Я не буду возвращаться к пересмотру взглядов социалистов на эту проблему до опыта войны и революции. Этот последний опыт так много дал, что теперь можно ожидать более вдумчивого отношения к занимающей нас проблеме.

Возьмем труд наиболее вдумчивого из коммунистов экономиста проф. Варга, стоявшего во главе социалистической революции в Венгрии, и посмотрим, насколько недавний огромный опыт расширил понимание им важнейшей экономической проблемы.

Е. Варга посвящает целую главу «проблеме производительности труда».

По его мнению, продуктивность труда зависит:

1) От естественных условий страны, изменяющихся медленно. Поэтому он не входит в их рассмотрение.

2) От рациональности труда.
3) От производительности труда.
4) Интенсивности труда.
5) Численного соотношения между производительными и непроизводительными элементами населения.

1) Под рациональностью труда автор понимает «различия в продуктивности труда, вытекающие из интеллектуальных качеств трудящихся». В доказательство значения такого рода «рациональности труда» автор произвел обследование причин различной производительности культуры хлебов в разных странах. С этой целью он сопоставил среднюю урожайность (курсив мой. П. М.) хлебов с гектара за период десятилетия 1905—1914 годов и получил, таким образом, ряд стран, расположенных по степени урожайности. Оказывается, «что этот ряд показывает несомненное совпадение с общей культурой страны, с развитием грамотности. Чем меньше неграмотность, тем больше производительность сельского хозяйства».

Я привел довольно большую цитату из исследований проф. Варга, чтобы показать, что он даже не имеет правильного представления о проблеме производительности труда.

Обследуя урожайность, он обследовал не производительность труда, а интенсивность культуры земли, которые обычно находятся в обратном отношении к производительности труда. Это я показал еще в «Аграрном вопросе» и в «Теории развития народного хозяйства». Там я указывал, что в Восточных Штатах Северной Америки урожайность в три раза ниже, чем в Англии, а производительность труда в 9 раз выше. В Западной Сибири урожайность такая низкая, как нигде в Европе, а производительность труда выше,

чем где бы то ни было в Европе. Поэтому Аргентина, Соединенные Штаты, Австралия, Сибирь, имея наиболее низкую урожайность сравнительно с Европой, производят большее количество хлеба, чем земледельцы в европейских странах.

Таково понимание Варга проблемы продукции. Еще менее основательно установление причинной связи между урожайностью земли и грамотностью. Если бы автор попытался установить связь между урожайностью и количеством писем, посылаемых населением, то нашел бы между этими явлениями такую же связь, как между урожайностью и грамотностью, ибо на высоту урожая имеет главное влияние плотность населения.

Из этого не следует, что грамотность и образование не имеют влияния на продукцию страны, но значение этого влияния ничтожно сравнительно с значением орудий производства, т.-е. сравнительно с техникой, которая не только определяет производительность труда, но и требует соответственной подготовки работающего субъекта, и обусловливает ее: английские рабочие могут лучше работать машинами, чем китайцы, потому, что целое поколение рабочих работает уже при лучших технических условиях и благодаря большей производительности своего труда в течение поколений находились в лучших условиях, чем китайцы.

2) Под интенсивностью труда автор понимает различие в продуктивности труда от полезных эффектов производительных движений, а это, по признанию автора, завист от средств производства.

3) «Рассматривая народ, как производящее целое, можно установить то

положение, что общий продукт его труда, при данной рациональности, производительности и интенсивности, будет зависеть от соотношения между количеством производительных элементов населения и количеством элементов, лишь потребляющих блага» (курсив автора).

Не трудно видеть, что автор, не имея понятия о производительном и непроизводительном потреблении, делает и неправильный вывод. Во время падения Римской империи, когда тысячи рабов обслуживали одного господина, создавая для него дворцы, предметы роскоши и т. д. количество элементов лишь потребляющих блага, т.-е. патрициев было немного и тем не менее производительные силы страны падали. Перед отменой крепостного права «количество элементов лишь потребляющих блага» было меньше, чем при капитализме, но производительные силы тогда развивались слабо. Во время русской революции «лишь потребляющие элементы» совершенно были уничтожены, а производительные силы страны падали. Я не буду повторять своих аргументов в пользу того, что развитие продукции зависит от производительного накопления, но из приведенных соображений Варга видно, что для него проблема продукции совершенно не ясна. Единственный пункт, где автор приближается к правильному пониманию проблемы, — это указание на различие продуктивности труда вследствие различия средств производства. Но автор, конечно, не дошел до мысли, что технический прогресс есть результат производительного накопления, т.-е., что основным фактором развития производительности труда

является производительное накопление, которое в свою очередь есть результат увеличения общественного производительного потребления и относительного сокращения непроизводительного. Из цитированных выше строк видно, что автор не имеет никакого представления о производительном и непроизводительном общественном потреблении.

Как видно из критического анализа воззрений социалистов, сделанного в «Мировой социальной проблеме», и, как видно из писаний экономистов (одинаково социалистов и не социалистов), даже в настоящее время они еще не понимают, что «технический прогресс» есть техническая сторона и техническое определение процесса производительного накопления, что возможные для отдельных отраслей хозяйства и для отдельных предприятий технические улучшения за счет накопленного капитала в других предприятиях, для всего народного хозяйства в целом невозможны без процесса производительного накопления и без увеличения производительного потребления. Я не думаю, что требуется исключительное напряжение мысли моих читателей и в особенности экономистов, хотя бы и не привыкших оперировать с понятием «народного хозяйства», чтобы усвоить эту идею.

Только при ее понимании возможен выход из того тупика, в которое зашло европейское и русское рабочее движение: наличность понижения заработной платы и безработицы при остановке процесса накопления капитала. Заработная плата не может быть повышена за счет накопления капитала, а может повыситься, не

задерживая развитие хозяйства, только за счет сокращения непроизводительного потребления и, главным образом, за счет военных расходов. «Война с войной» может быть успешной не посредством пустой болтовни об эгоизме буржуазии и не путем доказательства «выгодности» войны для накопления капитала и не путем предательства своей страны. Нужно выяснить ее невыгодность для большинства населения и даже для подавляющего большинства капиталистов, но, конечно, главным образом для рабочих всех стран.

Итак, технический прогресс, о котором так много говорят, как о чем-то самодовлеющем и зависящем чуть ли не от изобретательности отдельных лиц, есть просто техническая сторона процесса накопления. Такие достижения, как электрификация и другие чудеса техники в широком народнохозяйственном масштабе (а не как отдельные частные явления, не имеющие народнохозяйственного значения), возможны и зависят лишь от процесса накопления в народном хозяйстве.

Этого Варга не понимает даже после опыта венгерской коммунистической революции, после опыта управления ее хозяйством. Цитируя Мак-Кэрди, что в Соединенных Штатах С. А. на каждого рабочего благодаря лучшей технике затрачивается на 50% меньше угля, чем в Англии, автор восклицает: «можно себе представить до каких размеров доходит расточение угля в отсталых предприятиях европейского континента!» Очевидно, Варга не попытался заменить в Венгрии «отсталые предприятия» технически более совершенными, так как при такой попытке было бы ясно, что одного желания для этого совершенно недоста-

точно, что отсталые предприятия заменяются технически более совершенными только по мере накопления капитала. Следовательно, экономия в топливе может быть результатом накопления национального капитала, которое в Соединенных Штатах происходило с наибольшей интенсивностью.

В связи с отсутствием правильного представления у социалистов о значении накопления и непроизводительного потребления национального дохода, критика ими капиталистического строя не всегда состоятельна и не затрагивает наиболее слабой отрицательной стороны капиталистического строя, о которой нужно сказать несколько слов. Рассмотрим, например, критические замечания проф. Варга о препятствиях, которые ставит капитализм развитию производительных сил.

«В наиболее национально-культивируемых странах имеются еще громадные площади необработанной земли, которые могли, при соответственном применении труда, стать плодоносными, имеются не использованные водяные силы, не разработанные богатства недр (земли? П. М.). Соображения прибыли мешают их использованию. В капиталистическом земледелии результат всегда ниже максимально возможного, так как вследствие убывающего плодородия почвы доходность добавочных затрат капитала постепенно падает, а новое приложение капитала, вместе с ним и повышение натурального продукта земли прекращается в тот самый момент, когда вновь приложенный капитал перестал давать среднюю прибыль». Те же замечания относятся и к применению машин, которые вводятся лишь тогда, когда дают прибыль.

В этой критике капитализма совершенно не вскрыты его действительно отрицательные стороны, а

отрицательными сторонами выставлены как раз положительные стороны.

В самом деле, если мы сравним натуральное хозяйство с товарным, то найдем, что при натуральном хозяйстве земледельцу, живущему на малоплодородной земле, все-таки приходится ее обрабатывать, несмотря на низкую производительность его труда, так как при отсутствии товарообмена он не может заняться каким-либо другим более производительным трудом и бросить малопроизводительный земледельческий труд. Товарное капиталистическое производство дает возможность не заниматься малопроизводительным трудом на худших землях, так как имеются лучшие земли и производительные силы страны передвигаются туда, где труд производительнее. Если в Америке и Аргентине труд в 9 раз производительнее, чем в Англии на лучших землях, то нелепо было бы в Англии или Франции обрабатывать худшие земли. При социалистическом строе также не имеет смысла обрабатывать худшие земли, если имеются лучшие и если с них получается достаточно продуктов для населения, ибо производительные силы общества в каждый момент и в будущем будут ограничены. Если часть общественного труда затрачена на малопроизводительный труд, то меньше будет затрачиваться труда на более производительный. Те же самые соображения нужно принять и при употреблении машин. Количество средств производства в каждый момент существования общества ограничено в виде накопленного труда. Приходится выбирать при применении машин, какая из них дает наибольшую экономию труда. Если механический ткацкий станок увеличивает производительность труда в 10 раз, а дровоколка в 5 раз, то в более бедной стране будут

применяться механические ткацкие станки, а в более богатой еще и дровоколки. Как более бедные крестьяне будут применять при молотьбе цеп, а более богатые молотилки. Варга желает, чтобы все употребляли молотилки, дровоколки, камнедробилки и т. д. и причиной ограниченного употребления молотилок, дровоколок, камнедробилок он считает капитализм, не соображая, что применение машин определяется процессом накопления.

Давая теоретически несостоятельную критику капитализма, Варга совершенно не останавливается на основном отрицательном свойстве капитализма, действительно мешающему развитию производительных сил и развитию техники: на огромном непроизводительном потреблении национального дохода, грозящем мировой катастрофой.

Технический прогресс является исключительно результатом производительного накопления и всякая непроизводительная затрата национального дохода является препятствием ее производительному потреблению, применение ее в виде машин и других орудий и средств производства.

Между тем, капиталистическое производство имеет своей целью непроизводительное потребление капиталиста. Препятствием максимальному развитию производительных сил является непроизводительное потребление при капитализме. Социалистический строй лишь постольку может содействовать развитию производительных сил, поскольку он сократит непроизводительное потребление и в то же время не сократит общую продукцию страны.

30.

Идея, что технический прогресс является лишь технической стороной процесса накопления, плохо усваивается читателями. Еще с большим трудом усваивается идея, что развитие производительных сил и, как одно из его проявлений, технический прогресс может явиться в результате перераспределения производительных сил страны в сторону производства средств производства за счет производства предметов личного потребления; что перераспределение производительных сил является отражением в производстве изменения процесса потребления в народном хозяйстве в сторону относительного увеличения или уменьшения производительного потребления. В других своих работах («Наука о нар. хоз.», ч. I и II) я подробно останавливался на процессах распределения и перераспределения производительных сил общества. Здесь я остановлюсь лишь мимоходом на взаимной связи процессов накопления и перераспредления производительных сил с процессом потребления и с техническим прогрессом.

Само по себе изобретение машины не вносит никакого изменения в производство, пока не происходит процесса перераспределения производительных сил в сторону увеличения производства средств производства. Для того, чтобы изобретенная машина проникла в производство, нужно увеличение производства этих машин и увеличение количества перерабатываемого машинами сырья. Камнедробилка давно изобретена и употребляется в более богатых странах, а в России камни дробят для шоссе руками, так как здесь машины не производятся. Это очевидно. Но для того, чтобы производились машины, необходима относительно

большая затрата производительных сил, т.-е. их перераспределение в сторону производства средств производства.

В свою очередь перераспределение в этом направлении производительных сил может произойти только при условии относительного сокращения личного потребления и относительного увеличения производительного потребления.

Если машина ввозится из-за границы, то для технического прогресса необходимо, чтобы машина ввозилась за счет сокращения ввоза предметов личного потребления, так как покупательные силы каждой страны ограничены.

Если машина производится внутри страны, то часть производительных сил должна передвинуться на ее производство и на производство большего количества перерабатываемого ею сырья, т.-е. должно произойти перераспределение производительных сил в эту сторону за счет производства каких-либо других продуктов, так как производительные силы каждой страны в каждый момент ограничены, т.-е. увеличение производительного потребления может происходить только за счет другого вида потребления.

В «Мировой социальной проблеме» я и доказывал, что рабочий класс заинтересован в расширении производительного потребления за счет непроизводительного, а не за счет необходимого, не за счет заработной платы рабочих.

В словесной формулировке эту идею может быть и принимают, но, как видно из всех приведенных цитат, в конкретной постановке взаимная связь процессов развития производительных сил, их перераспределения и процесса потребления национального дохода не

усваивается и они мыслятся независимыми один от другого: технический прогресс мыслится как нечто независимое от накопления и перераспределения производительных сил, а последнее независимо от изменения процессов потребления.

Одной из задач этой книги и является конкретное выяснение взаимной связи этих процессов.

Неправильный подход к вопросу Варга, Каутского и других обусловливается тем, что, стоя на частнохозяйственной точке зрения, они объясняют технический прогресс волей отдельных капиталистов, а не объективным процессом накопления национального капитала, определяющим общую сумму ценности орудий и средств производства, т.-е. сумму производительного потребления. На этом вопросе я достаточно останавливался в «Мировой социальной проблеме» и, если критиками это было недостаточно понято, то только потому, что с трудом усваивается народнохозяйственная точка зрения на хозяйственные явления лицами, привыкшими к частнохозяйственной точке зрения.

ГЛАВА XII.

Будущее мирового хозяйства.

31.

Предполагая специально заняться вопросом о мировом хозяйстве тогда, когда представится возможность располагать более обширным материалом, здесь я остановлюсь на этом вопросе лишь постольку, поскольку он выясняется из общих тенденций развития народного хозяйства.

Прежде всего для того, чтобы давать экономически научное обоснование взглядов на будущее народного хозяйства, нужно отбросить все элементы субъективизма, которые показывают на желаемое, а не на исторически необходимое. Кроме того, приходится отбросить и то «недостоверное», которое не вытекает из объективно-необходимых законов экономического развития.

Подходя с такими ограничениями к вопросу, мы должны прежде всего упомянуть о тех опасностях для развития хозяйства, которые имеются в современном капиталистическом обществе и на которые я уже указывал: милитаризм и новые войны могут отбросить человечество далеко назад к состоянию варварства; поэтому, пока не устранена опасность военных столкно-

вений, говорить о развитии мирового хозяйства, о его будущем возможно только условно: если современное общество справится со своими милитаристическими элементами и этим обеспечит хозяйственное развитие, то это развитие неизбежно под влиянием законов потребления и перераспределения производительных сил должно принять следующее направление.

Руководствуясь принципами экономии трудовой энергии, человеческое общество при всяких условиях и во все времена стремилось и будет стремиться прилагать труд при условиях, которые благоприятствуют наибольшей его производительности.

Это стремление во все времена истории человечества и при всяких условиях побуждает людей использовать наибольшую территорию, т.-е. вести наиболее экстенсивное хозяйство и расселяться на наибольшие площади земли. Только внешние препятствия, занятая уже другими территория, мешали каждой народности расселяться дальше. Поэтому уже в доисторические времена вся земля, где может только жить человек, была заселена от крайнего севера до крайнего юга. По мере уплотнения населения, улучшения путей сообщения и расширения сношений между всеми странами, в плотно населенных странах это стремление к расселению должно еще более усилиться, чтобы использовать более благоприятные естественные условия в различных странах для той или другой отрасли хозяйства.

До развития оживленных сношений между странами, население при своей уплотненности по необходимости должно было тесниться на занятой им территории; оно не могло на всей площади земного шара искать наиболее производительного труда, а должно

было заниматься на своей территории хотя бы малопроизводительным трудом.

Развитие товарообмена и сношений между странами повело в рамках капиталистического общества к перераспределению производительных сил, на которое я указывал в предыдущей главе.

Но этот процесс перераспределения производительных сил в рамках капиталистического общества до сих пор происходил крайне болезненно, с огромными страданиями для более нуждающегося населения, происходил стихийно.

Конечно, было рационально то, что для увеличения продуктов земледелия размножающееся население плотнонаселенных стран Европы не затрачивало дополнительный малопроизводительный труд на добывание продуктов сельского хозяйства в своей стране. а расселялось на новые земли Америки, Африки, Австралии, а в России в Сибири. Если бы это земледельческое население оставалось в Европе для добывания продуктов, которые привозятся из редконаселенных стран, то производительность труда была бы значительно ниже, и Европе пришлось бы затрачивать гораздо больше труда на добывание сырья и предметов питания.

Но это расселение происходило не под влиянием планомерного распределения производительных сил, а под влиянием крайне тяжелых социальных условий, создавшихся при развитии капитализма. Население бежало под давлением нужды и голода в реже населенные страны и там, приспособлялось, прилагало свои производительные силы к тем отраслям хозяйства, которые при данных условиях были наиболее выгодны: Австралия явилась благоприятным местом для разве-

дения овец, Аргентина для разведения рогатого скота, а потом, при уплотнении населения, для расширения посевов хлебов, окраины России сначала для скота, а потом для расширения посевов и т. д.

Но выгнанное нуждой население, разумеется, не могло развивать максимальную производительность труда и довольно высокий процент возвращающихся на родину из Сибири переселенцев показывает, какого размера достигают непроизводительные затраты при стихийном переселении населения на «новые земли» и как тяжело дается обществу при существующих условиях перераспределение производительных сил между странами.

Являясь стихийным процессом, вытекающим из основного экономического принципа экономии трудовой энергии, этот процесс перераспределения производительных сил между странами останется и в будущем. Вопрос заключается лишь в том, поскольку человеческому обществу удастся его рационализировать, т.-е. поскольку перераспределение производительных сил, в особенности процесс расселения, будет происходить не в результате социальных бедствий, политических преследований и взаимного грабежа, а как результат сознательного содействия развитию производительных сил.

Каким бы путем этот процесс ни происходил, его тенденция и его направление останутся такими же, какими были в течение тысячелетий, но будут происходить только с гораздо большей интенсивностью.

В области сельского хозяйства по мере развития путей сообщения и сношения между различными странами земного шара процесс расселения по территории реже населенных стран будет происходить наиболее

интенсивно по мере увеличения населения. Рост населения является основным фактором изменения систем хозяйства и перераспределения производительных сил между редко и плотно населенными районами (см. «Теория развития народного хозяйства»). Земледельческое население и земледельческий капитал будет захватывать земли редко населенные, кроме тех, которые неудобны для земледелия и которые сначала останутся районами дикого скотоводства, а потом молочного хозяйства. Постройка в этих районах железных дорог, переработка получаемого на месте сырья и эксплоатация каких-либо местных природных богатств, — единственные отрасли народного хозяйства, кроме земледелия, которые усилят перераспределение населения из плотно населенных стран в реже населенные.

Таким образом, таким странам и областям, как Южная Америка, Сибирь, Южная Африка предстоит интенсивное развитие земледельческого хозяйства и развитие путей сообщения, как бы ни происходил процесс перераспределения производительных сил, прежним ли стихийным путем, или более планомерно: в том и в другом случае он будет происходить под давлением необходимости получить наибольшее количество сельскохозяйственных продуктов с наименьшими затратами.

Если принять во внимание, что в процессе перераспределения производительных сил в области сельского хозяйства рано или поздно примут участие китайцы, японцы и индейцы, то это расселение может принять очень ускоренный темп.

На-ряду с процессом более равномерного расселения земледельческого населения, в новых странах

будут развиваться промышленные очаги в тех пунктах, где благодаря каким-либо природным богатствам производительность труда значительно повышается. Наличность каких-либо руд или других минеральных богатств послужит таким же средством для привлечения населения и средств производства, какими они являлись и раньше, у нас в Баку, в Донецком бассейне и т. д. Следовательно, и с этой стороны значительного изменения прежних тенденций перераспределения производительных сил ожидать нельзя.

32.

Значительно изменятся условия перераспределения производительных сил в мировом масштабе при дальнейшем увеличении населения, когда площадь распашек расширится и стеснит дикое скотоводство.

Увеличение населения потребует и увеличения продуктов сельского хозяйства и в особенности пищи и продуктов животноводства. Но это увеличение, когда занята вся территория, возможно только путем интенсификации, требующей дополнительных затрат труда на ту же площадь земли. А эти дополнительные затраты при данной технике менее производительны. Увеличение количества скота на той же территории потребует дополнительных затрат труда в виде большого ухода за скотом и больших затрат на получение для скота корма. Поэтому смена дикого скотоводства стойловым содержанием скота, несмотря ни на какой технический прогресс, потребует относительно большего количества рабочих рук, чем раньше. Если в Аргентине уход за сотней быков и коров требует труда

одного рабочего, то в Англии более интенсивное скотоводство требует не меньше 10 рабочих.

Таким образом, при дальнейшем размножении населения наступит процесс дезурбанизации народного хозяйства, переселения из городов в деревни.

Процесс дезурбанизации народного хозяйства, вследствие падения его производительных сил, мы наблюдаем теперь в России. Но здесь процесс сокращения городского населения происходит вследствие общего падения производительных сил страны и в земледелии и в индустрии, вследствие сокращения производства и производительного потребления.

Дезурбанизация будущего мирового хозяйства неизбежна и при общем росте производительных сил при наличности процесса накопления и увеличения производительного потребления. Процесс перераспределения производительных сил между земледелием и индустрией будет происходить потому, что в индустрии рост производительности труда будет достигать таких высоких размеров, что на обработку продуктов и на приготовление изделий будет требоваться, относительно, все меньше и меньше труда, между тем как на добывание продуктов сельского хозяйства будет требоваться, относительно, все больше и больше труда, хотя абсолютно, на единицу продукта может быть будет затрачиваться труда значительно меньше, чем теперь.

До сих пор благодаря рассеянию земледелия, благодаря расширению запашек в редко населенных районах при техническом прогрессе на земледелие затрачивается, относительно, все меньше и меньше труда, чем на индустрию. Этот процесс с указанного мною момента пойдет в обратном направлении, хотя при дальнейшем процессе производительного накопления

благосостояние населения может стоять очень высоко, а рабочий день значительно сократится.

Если принять во внимание, что в настоящее время значительная часть сельского населения в плотно населенных странах Китая, Японии, Индии, России, Румынии и т. д. вынуждена отчуждать значительную часть своих продуктов, ограничивая свое потребление и иногда голодая, что уменьшение эксплоатации этого населения поведет и к сокращению на рынке сельскохозяйственных продуктов, то станет ясно, что дезурбанизация населения наступит тем раньше, чем раньше изменятся социальные условия, основанные на эксплоатации беднейшего населения.

При попытках представить себе и другим будущее народного хозяйства, всегда останавливаются на тех социально-экономических отношениях, которые рисуются каждому в будущем. Обычно эти отношения рисуются совершенно противоположными существующим, — для тех, кто теперь страдает от этих отношений, или рисуются такими же, как и в настоящее время, но с большим комфортом. То-есть будущее рисуется сообразно социальным идеалам настоящего.

Я полагаю, что как раз формы социально-экономических отношений наперед предугадать труднее, чем общие тенденции развития хозяйства, потому-что социальные отношения будут определяться экономической необходимостью развивать производительные силы общества до максимальных размеров.

При этом руководящем принципе, который неизбежно будет определять и социальные отношения и форму хозяйства, изменение этих отношений и форм хозяйства будет происходить не так, как это представляется в настоящее время, при настоящих произ-

водственных условиях и при настоящих социальных отношениях.

Несомненно одно, что вмешательство в экономическую жизнь и регулирование ее центральными общественными регулирующими аппаратами должно в огромной степени возрасти, и экономия производительных сил, расхищаемых и растрачиваемых при капитализме, станет одним из основных положений народнохозяйственной экономики.

Совершенно нельзя ничего сказать в настоящее время о формах организации хозяйства.

В индустрии увеличение производительности дополнительных затрат (см. «Теория кооперации») дает возможность к безграничному увеличению размеров предприятий, хотя в настоящее время и нет данных о том, при каких размерах предприятия в различных отраслях получается наибольший эффект от дополнительных затрат.

Еще меньше данных для этого в области сельского хозяйства. Экономической науке и статистике предстоит еще определить наиболее экономически выгодные формы предприятий при различных условиях и в индустрии и в сельском хозяйстве. Поэтому предвидение формы и организации хозяйства в настоящее время является в большей степени плодом фантазии и желания, чем научного анализа.

ГЛАВА XIII.

Значение бюджетных исследований для науки о частном и о народном хозяйстве.

33.

В другом место мне приходилось указывать, что в политической экономии происходит постоянное смешение частнохозяйственных явлений с народнохозяйственными. Я указывал *) также, что необходимо отграничение «науки о народном хозяйстве» от «науки о частном хозяйстве», так как только при таком разграничении не будет основной методологической ошибки, допускаемой экономистами, когда явления и выводы, относящиеся к частному хозяйству, переносятся целиком на народное хозяйство. Приведу несколько примеров, иллюстрирующих эту мысль.

Изготовление оружия и военного снаряжения для армии обогащает тех предпринимателей, которые изготовляют его для вооружения армии своей страны. Но следует ли из этого, что война и содержание большой армии обогащает страну?

Или, повышение цены товара, например, хлеба при неурожае ведет к обогащению не только владельцев

*) См. предисловие к I вып. «Науки о народном хозяйстве».

этого товара, но и повышает «меновую ценность» всего сократившегося в стране запаса хлеба. Следует ли из этого, что страна от неурожая обогатилась, так как общая сумма рыночной «ценности» хлеба в стране поднялась? Сообразно с господствующими в настоящее время воззрениями на ценность продуктов, основанными на частнохозяйственном опыте, бесспорно, страна обогащается от неурожая, так как сумма «ценности» в стране возрасла.

Допустим далее, что государство выпускает внутренние займы в счет будущих доходов. Сумма «капиталов» в виде процентных бумаг в руках капиталистов в огромной степени возрастает. Следует ли из этого, что страна на соответствующую сумму обогатилась, так как сумма рентных капиталов увеличилась?

Если не разграничивать частнохозяйственных явлений от народнохозяйственных, то на все поставленные вопросы пришлось бы дать положительный ответ, т.-е. что страна богатеет от войн, от неурожаев, от долгов и т. д. Если экономисты и не приходят к таким абсурдным выводам, то только потому, что, во избежание их, они в данных конкретных случаях не распространяют выводы, относящиеся к частному хозяйству, на народное хозяйство именно потому, что была бы очевидна абсурдность выводов. Это не мешает во всех других случаях в политическую экономию, т.-е. в науку о народном хозяйстве вносить учение и выводы, относящиеся к частному хозяйству, и создавать винегрет из науки о народном и о частном хозяйстве под названием политической экономии; благодаря такому смешению экономисты и неэкономисты плохо разбираются и в народнохозяйственных и частнохозяйственных явлениях.

Приведу еще одну иллюстрацию распространения выводов из практики частного хозяйства на все народное хозяйство.

Частный предприниматель даже в самой экономически отсталой стране может организовать технически самое совершенное предприятие, поскольку ему удастся собрать в своих руках накопленный в стране капитал. Так как технически лучше оборудованное предприятие является и самым производительным, но для увеличения продукции требуется и наилучшее оборудование предприятий. Возможность для отдельного предпринимателя организовать лучшее предприятие переносится и на все народное хозяйство. Экономисты и политики начинают строить проекты увеличения продукции всей страны путем организации крупных, технически совершенных предприятий, совершенно не задумываясь над тем, откуда будет взят необходимый для этого капитал, и над тем, что на одно крупное, технически совершенное предприятие поглощается капитал, необходимый для технического прогресса многих мелких предприятий.

34.

Указанное нами отграничение науки о народном хозяйстве от науки о частном хозяйстве дает экономисту огромное преимущество использовать результаты исследования частного хозяйства, как важный подсобный материал, не перенося на народное хозяйство целиком выводов, которые следуют для частного хозяйства из его изучения. Здесь я остановлюсь только на одной стороне изучения частного хозяйства — на бюджетных исследованиях, которые почти не используются

наукой о народном хозяйстве, хотя представляют для нее чрезвычайно ценный материал.

Исследование и анализ процессов распределения и перераспределения производительных сил общества составляет одну из основных задач науки о народном хозяйстве.

Бюджеты отдельных хозяйств, отражая процесс потребления различных типов хозяйств, в известной степени, отражают процесс и характер потребления во всем народном хозяйстве. С другой стороны, потребление в народном хозяйстве (принимая, конечно, во внимание внешнюю торговлю) является адэкватным процессу производства, процессу распределения и перераспределения производительных сил в народном хозяйстве. Таким образом, бюджетные исследования частных хозяйств могут давать объяснение и освещение распределения и перераспределения производительных сил при их развитии или падении во всем народном хозяйстве.

Конечно, наилучшим материалом для изучения указанных процессов являлись бы всеобщие переписи и регистрация населения, продукции, товарообмена и т. д. Но такого рода переписи существуют в немногих странах, причем многих явлений хозяйственной жизни они пока не учитывают и не улавливают. Кроме того, во всех странах, где существуют уже промышленные переписи, они появились сравнительно недавно, и поэтому не могут уловить экономических процессов предшествовавших периодов. Между тем, закономерность хозяйственных явлений, в особенности явлений хозяйственной динамики, требует или наблюдения над развитием хозяйства в течение длительного периода, на различных ступенях хозяйственного развития, или

сравнительного наблюдения типов хозяйства, стоящих на различных ступенях хозяйственного развития.

Такого рода наблюдения народного хозяйства в его целом невозможны, так как предшествующие ступени развития или изжиты, или, если и существуют, то у малокультурных народов, не поддающихся наблюдению в государственном масштабе. Например, сравнение распределения производительных сил в современном развитом капиталистическом хозяйстве и в хозяйстве в период феодальный (в районном хозяйстве) или в период превращения ремесла в кустарное производство в национальном хозяйстве дало бы ценный материал для выяснения процесса перераспределения производительных сил в народном хозяйстве и для изучения зависимости от этого процесса характера падения или развития производительных сил и хозяйственного прогресса. Но такое наблюдение по отношению к целому народному хозяйству в течение столетий, как я заметил, теперь невозможно, и приходится прибегать для изучения этих явлений к другому методу. Изучение и сравнение бюджетов отдельных хозяйств, стоящих на различных ступенях развития, дает и даст в этом отношении чрезвычайно богатый и ценный материал не только для науки о частном хозяйстве, но и для науки о народном хозяйстве, если пользоваться этим методом с достаточной осторожностью.

Например, сопоставление бюджетов бурятских скотоводческих и земледельческих хозяйств, с одной стороны, а с другой стороны — данных американских промышленных переписей, сделанное мною в «Теории кооперации» для выяснения значения процесса накопления орудий и средств производства в различных условиях, дает достаточный материал для выводов,

относящихся не только к частному хозяйству различных типов и стадий экономического развития, но и к народному хозяйству.

Существует очень распространенное мнение, что увеличение орудий и средств производства (капитала) в хозяйстве ведет к увеличению производительности труда только при капиталистическом строе, между тем как в натуральном и вообще в мелком хозяйстве имеет исключительное значение только живой труд. «Трудовое» хозяйство противопоставляется капиталистическому, как хозяйство, в котором труд является единственным источником дохода, между тем как в капиталистическом доходность хозяйства определяется величиной затраченного капитала. Этот общий вывод относится, разумеется, к науке о народном, а не о частном хозяйстве, так как является общим выводом, относящимся ко всему народному хозяйству на различных ступенях его развития.

Анализируя различные типы скотоводческих и земледельческих бурятских хозяйств, мы находим, что увеличение продукции этих хозяйств зависит не только от количества рабочих рук, но и от размеров средств и орудий производства. Распределение потребления на личное и производительное (хозяйственное) подчиняется тем же законам и ведет к тем же последствиям, как и в капиталистическом обществе. Различие в продукции мелкого и крупного капиталистического хозяйства в зависимости от процесса накопления исключительно количественное, а не качественное: мелкое хозяйство получает меньший доход, чем крупное постолько, посколько оно обладает меньшей суммой орудий и средств производства (капиталом). Хозяйство без наемного труда, но с огромной суммой средств

и орудий производства будет обладать и огромным доходом, и обратно, хозяйство с наемным трудом, но с незначительной суммой капитала будет получать ничтожный доход, так как производительность живого труда определяется орудиями и средствами производства.

Этот вывод относится не только к современному капиталистическому производству, но и ко всем предидущим стадиям хозяйственного развития, так как дикое скотоводческое хозяйство бурят-скотоводов так же, как и их экстенсивное земледельческое хозяйство, никак нельзя отнести к современному капиталистическому хозяйству.

Если продукция, а следовательно и доходность хозяйства, выражается ли она в деньгах или непосредственно в предметах личного и хозяйственного потребления, на всех ступенях хозяйственного развития определяется суммой орудий и средств производства, которыми располагает хозяйство, то и распределение национального дохода, пропорционально ценности орудий и средств производства (при капитализме — пропорционально величине капитала), свойственно не только капиталистическому строю, но и другим ступеням хозяйственного развития. В бурятском скотоводческом хозяйстве прирост стада скота определяется не столько количеством пастухов-работников, сколько количеством стада.

Следовательно, капиталистическое хозяйство отличается от натурального не принципом распределения дохода пропорционально сумме средств и орудий производства, а интенсивностью перераспределения производительных сил и капитала в сторону крупного хозяйства и перераспределения вслед за этим дохода:

пролетаризация мелких хозяйств, с одной стороны, и быстрое накопление в крупных предприятиях, с другой, ведет и к перераспределению дохода в крупные предприятия.

Но если эти процессы свойственны всем ступеням хозяйственного развития, то и валовая доходность в продуктах (или деньгах — все равно) фаланстеров Фурье, коммун Оуэна, фабрик и заводов синдикалистов, земледельческих артелей и вообще всяких предприятий, самостоятельно располагающих своим доходом, будет определяться суммой средств производства, которыми располагает каждое предприятие: те предприятия, которые обладают огромной суммой орудий и средств производства, будут получать и огромный доход. Напротив, предприятия, не обладающие достаточным накопленным капиталом, будут давать ничтожный доход и не будут в состоянии его повысить именно вследствие ничтожности своего дохода.

Таким образом, утопические воззрения раличных течений анархизма покоятся просто на недостаточном изучении бюджетов частных хозяйств, на недостаточном выяснении продуктивности хозяйства в зависимости от процесса накопления.

35.

Изложенный мною в «Теории кооперации» закон увеличения производительности дополнительных затрат капитала в одном и том же предприятии, конечно, возможно было бы вывести и из априорных соображений, исходя из поверхностного наблюдения победы крупного производства над мелким. Но как общий закон, относящийся к хозяйствам на всех ступенях

хозяйственного развития, он может быть твердо установлен только из изучения бюджетов различных типов хозяйства, стоящих на различных ступенях хозяйственного развития.

В особенности важное значение имеет изучение бюджетов для определения, в какой мере и на какой ступени хозяйственного накопления увеличивается производительность дополнительных затрат.

Поскольку мне пришлось изучать бюджеты отдельных хозяйств и данные американской промышленной переписи (см. «Теорию кооперации»), производительность дополнительных хозяйственных затрат в натуральном хозяйстве и допонительного капитала в капиталистическом увеличивается тем больше, чем больше эти затраты, и наибольшую производительность дают наиболее крупные предприятия. Но дётальное изучение прогрессии увеличения производительности последовательных хозяйственных затрат в различных отраслях промышленности, при различных экономических условиях еще ждет своих исследователей. Между тем, эта сторона изучения экономической действительности представляет огромный и практический и теоретический интерес. Акционирование, кооперирование и др. формы увеличения хозяйственных затрат для увеличения производительности и доходности хозяйства основываются не на изучении закономерности увеличения производительности дополнительных затрат, а исключительно на житейском опыте, подтверждающем положение об увеличении производительности дополнительных затрат. Выяснение закономерности этого явления ждет своих исследователей. Но эти исследования могут быть плодотворными только при условии разграничения науки о народном хозяйстве от науки о

частном хозяйстве, в которую войдут: изучение форм хозяйства (крестьянское и вообще мелкое хозяйство, крупное хозяйство, кооперативное, акционерное и т п.), кредита и обмена, землевладения и землепользования, срок найма, страхования и т. д., и т. д.

ГЛАВА XIV.

Кто виноват?

36.

С того времени, как была написана мною книга «Мировая социальная проблема» прошло почти три года, а со времени выхода в свет прошло еще больше года. За этот период Россией хотя «мало прожито, но много пережито» и мы имеем огромный опыт для проверки изложенных в книге положений.

За истекший год появилось много статей с критикой ее. Таким образом мы имеем возможность не только учесть опыт истекших двух-трех лет, но и судить с достаточным основанием о том, насколько изложенные в книге идеи усваиваются представителями различных общественных течений. Трудность обсуждения социальной проблемы в настоящее время, когда еще не улеглись политические страсти революции, заключается в том, что к вопросу, подлежащему объективному освещению, неизбежно примешиваются политические страсти, политические симпатии и антипатии. Даже при учете опыта прошлого, все партии больше заняты обвинением друг друга в тех бедствиях, которые

переживает Россия, чем выяснением вопроса о выходе из ее тяжелого положения. В предшествующие годы политические партии и общественные классы заняты были исключительно борьбою за власть и еще в 1917 году (см. «Итоги войны и революции») я писал: «в настоящее время ожесточенная политическая борьба и споры напоминают мне спор пассажиров тонущего корабля из-за лучшего места за столом, причем не обращается внимания на то, что корабль тонет и место придется занять под водой».

Теперь, когда на столе почти ничего не осталось, все начинают обвинять друг друга в той хозяйственной разрухе, которая явилась результатом войны и революции.

После выхода «Мировой социальной проблемы» мне, между прочим, делались упреки, что ответственность за все бедствия России я делю между всеми, а не сваливаю только на коммунистов, так как при последней разрухе только они были у власти.

Это сваливание вины на других за бедствия страны удобно тем, что не требует напряжения мысли для поисков выхода из создавшегося тупика: в международной войне виноват «империализм», в экономической разрухе коммунисты. О чем же думать!

Но в книге «Итоги войны и революции», написанной частью при царском режиме, частью при власти меньшивиков и с.-р., я уже писал о предстоящей экономической разрухе. «Открытое» письмо советам рабочих и солдатских депутатов с предостережением против разрушения производительных сил страны было написано в самом начале революции. На это письмо в «Известиях Московского Совета Рабочих Депутатов» меньшевики ответили, что не дело рабо-

чих заботиться о производительных силах страны. После этого у власти были меньшевики и с.-р., а не большевики.

Разве они делали что-нибудь для остановки процесса разрушения хозяйства? Ничего не делали и не могли сделать, так как вся идеология социализма, вся подготовка рабочих предшествовавших годов сводилась к примитивному лозунгу взять наибольшую долю национального дохода, а забота о развитии производительных сил страны считалась делом буржуазии.

При победе революции народных масс, преодоление их утопизма, также как и утопизма социалистов, могло исходить только от наиболее левой, наиболее утопической и революционной партии.

Этот, на первый взгляд, парадокс будет понятен, если вдуматься в те процессы, которые происходят во время революции.

Не только остановка процесса накопления капитала, но процесс его сокращения в руках капиталистов начался с самого начала революции и даже раньше. Сокращалось количество сырья, изнашивались машины и т. д. Но во время революции, пока еще были средства производства у предпринимателей, ни одна партия социалистов не осмелилась сказать рабочим, что происходит не эксплоатация рабочих капиталом, а происходит сокращение капитала: такое заявление было бы принято как защита интересов капиталистов против интересов рабочих. Социалисты продолжали и вынуждены были продолжать «защиту» рабочих поддержанием их требований. Заявление соц.-дем. Скобелева, что рабочие должны получать все сто процентов производимых ими продуктов уже выражало действительное положение вещей: хотя предприниматели полу-

чали «прибыль» в виде бумажных денег, но в действительности они меньше выручали, чем затрачивали, и капитал их сокращался. Некоторые продолжали производить, затрачивая остатки сырья, другие стали закрывать предприятия, не желая разоряться, обрекая рабочих на голод. Начался «саботаж» предпринимателей. Даже оставляя в стороне вопрос об исторической необходимости, имелось только два выхода из положения: или напряжение труда и увеличение продукции без повышения заработной платы, или социализация промышленности, немедленный социализм, изъятие предприятий из рук предпринимателей, не желающих добровольно разоряться. Первый выход был невозможен при существовавшей идеологии социалистов и при настроении рабочих, воспитанных на этой идеологии. Второй выход указывался коммунистами, но еще более вел к разрушению промышленности.

Положение анархистов и других социалистических партий, кроме коммунистов, было безвыходное: для анархистов потому, что, являясь «самыми левыми», они не могли по существу своих взглядов организовать государственную власть, необходимую для проведения каких бы то ни было реформ; а для социалистических партий, кроме коммунистов, были неприемлемы оба выхода: первый потому, что вызвал бы со стороны рабочих обвинения в предательстве их интересов; второй — потому, что они сами не верили в возможность социальной революции в России. Тот же выход, которым они пытались вести страну, был явно безнадежным: сохранить видимость власти у министров-представителей буржуазии и в то же время держать их в подчинении; сохранить предпринимателей-капита-

листов и в то же время лишить их прибыли, как заявил министр труда Скобелев и даже заставить вести производство за счет сокращения капитала, как фактически и было. Победа осталась за коммунистами.

Дальнейшее, более интенсивное, разрушение производительных сил происходило из того непонимания значения непроизводительного потребления, о котором я писал уже в «Социальной проблеме».

С легкой руки, кажется, Бухарина, вошло в употребление спасительное слово «издержки революции», которое дает возможность оправдать и объяснить каждую глупость и каждую ошибку, сделанную во время революции: гноили миллионы пудов хлеба, — издержки революции, затратили на добывание 1 пуда золота — 25 пудов золота же, — издержки революции, организовали комитеты бедноты и лишили мотивов к производительному труду — издержки революции. Разумеется, это не издержки революции и я их привожу не для того, чтобы предъявлять кому-то счет — все эти ошибки вытекали из того положения, что приходилось строить «социалистический строй» и на тех предпосылках, на которые я указал и на которые указывал в «Социальной проблеме».

«Сбережение», которое сделала революция — это переход земли крестьянам, но каков будет баланс — сейчас сказать трудно.

Итак, объективные условия делали неизбежным переход власти к коммунистам.

Вероятно, появилось и появится много мемуаров и рассуждений о том, как тот или другой деятель умно поступил и как ошиблись другие, но всем можно было бы сказать: «Du willst schieben und bist geschoben». Преодолеть утопизм народных масс могла только наи-

более утопическая, наиболее левая, но государственная, а не анархическая партия.

Пока было «революционное наследство», пока оставались накопленные богатства, обездоленные народные массы, принимающие участие в революции ради потребления этих богатств и подготовленные к этому агитацией, шли и должны были пойти за теми, кто больше обещает — за самыми левыми.

При идеологии социализма, сводившейся к равномерному распределению и максимальному потреблению, это неизбежно. А лично потребительская идеология, как я заметил, была свойственна всем социалистическим партиям. При таких условиях процесс разрушения народного хозяйства не только не могли остановить старые господствующие классы, но и более умеренные социалистические партии, пока не изжит не только их утопизм, но и утопизм народных масс. По мере того, как «наследство» тает и проедается, по мере того, как становится ясно, что потребительский социализм заводит в тупик, среди крайне левого господствующего течения является стремление сохранить власть, пожертвовавши утопиями. Начинается борьба для преодоления утопизма при продолжении борьбы за власть с другими партиями и группами.

Практически совершенно безразлично, происходит ли при этом смена лиц, или те же лица остаются у власти. Так как у Ленина и его сторонников оказалось меньше доктринерства, чем у других, т.-е. они оказались умнее других коммунистов, то они неизбежно и должны были вступить в борьбу для преодоления утопизма внутри партии, самой левой партии, за утопизмом которой шли массы. Т.-е. оздоровление масс от утопизма могло исходить только от самой «левой»,

выдвинутой массами власти, которой нельзя противопоставить еще более крайние лозунги.

Таким образом, поскольку можно говорить о вине тех или других партий в хозяйственной разрухе, то вина падает на всех. Старые господствующие классы положили начало разрухе, ведя агрессивную внешнюю политику и затеявши войну. Все социалистические партии подготовляли народные массы к разрушению хозяйства, нападали на каждого, кто указывал на эту ошибку.

Теперь предстоит образование нового класса и опять начнется период первоначального накопления.

Все изложенные выше процессы происходили бессознательно, не потому что кто-нибудь предвидел путь революции, или партии коммунистов. Напротив, все это происходило помимо воли действующих лиц. Точно так же и теперь тот процесс оздоровления идеологии и хозяйства страны, элементы которого появляются, но еще не развились, происходит помимо воли кого бы то ни было.

Образование нового класса, вышедшего из масс, который должен заняться накоплением, вовсе не входило и не входит в задачи коммунистической партии, тем не менее не только содействует образованию новых общественных сил, но является единственным средством сохранить результаты революции.

Теперь никто не утверждает, что в России произошла революция, которая привела нас к социализму. Произошла революция, в результате которой должна заняться строительством или старая буржуазия или новая общественная сила, вышедшая из народа. Но старая буржуазия вместе с дворянством все потеряла

от революции и может вместе с дворянством вернуть то, что осталось только упразднивши все результаты революции, т.-е. вернувши землю от крестьян. Новый класс появляется и появится только на основе результатов революции, т.-е. на почве внесословного революционного строя и в борьбе со старыми господствующими классами.

В статье Бобрищева-Пушкина в «Смене вех» есть одно остроумное замечание: «коммунисты стали признавать собственность и давать возможность образованию новой буржуазии. Противники коммунизма проклинают их вождей за отступления от него, за недостаточную красноту». Характерно при этом, что при оценке новой экономической политики, оценивая ее не с точки зрения необходимости для спасения страны, а с точки зрения последовательности коммунистов, или с точки зрения соответствия ее воззрениям критиков-социалистов. Пусть это необходимо для спасения находящейся на краю пропасти страны, но ведь это противоречит традиционным взглядам социалистов и коммунистов!

Такое же противоречие создается, когда требования жизни заставляют коммунистов преодолевать утопизм, и выбрасывая честных, но не умных утопистов, предполагающих немедленно строить социалистический строй, принимать умных карьеристов, которые идут туда, где власть *). Эти шутки истории не только не осознавались читателем, тогда, когда я писал «Социальную проблему», но, как видно из критиче-

*) Разумеется, ошибочно думать, что власть укрепляется людьми, готовыми записаться в любую партию ради карьерных целей, но создается иллюзия усиления власти от увеличения числа таких ее сторонников.

ских статей и коммунистической литературы, еще не осознаны и теперь.

Даже такая, с точки зрения политической, остроумная мера, как передача домов в столицах домовым товариществам показывает, что создание новых общественных сил вызывается не экономическим прогнозом, а политическим стремлением власти к самосохранению.

В Мокве имелось несколько десятков тысяч домовладельцев, которые, конечно, были в своем большинстве противниками нового порядка и защитниками старого. Передача домов товариществам жильцов-квартирантов сразу создала тысячи мелких собственников, которые, владея квартирами и комнатами и имея возможность продавать это право владения, материально заинтересованы в том, чтобы старый порядок не вернулся, чтобы не вернулись собственники домов, которые могут лишить жителей их мелкой собственности.

Смена крупных собственников - домовладельцев мелкими собственниками в виде квартировладельцев является процессом переходного периода. Мелкие собственники неспособны к домостроительству в больших городах, так как не имеют достаточно большого капитала. Но пока процесс накопления капитала не начался, они сохраняют то, что было. Таким образом, новая власть, не предполагая в принципе насаждать мелкую собственность, тем не менее создала огромное количество мелких собственников вместо старой крупной буржуазии.

Этот процесс смены старых групп буржуазии и дворянства и старой интеллигенции напоминает мне «Вишневый сад» Чехова, где старые помещики с их

культурой, бытом и вишневым садом сменяются новыми владельцами, с точки зрения первых, варварами, уничтожающими их культуру и даже их вишневый сад. Как ни относиться субъективно к этому процессу смены одних общественных слоев другими, как ни ценить культуру владельцев вишневого сада, но процесс смены одних владельцев другими был не только исторически необходим, знаменовал собою смену помещичьего хозяйства капиталистическим, но был неизбежным результатом эволюции хозяйства. Разумеется, владельцы вишневого сада не могли примириться со своей ликвидацией, как исторически неизбежным фактом, тем не менее смена помещика «чумазым» купцом выразилась не только в смене лиц, но иногда и в рубке вишневых садов. Оправдывать эту рубку как «издержки» перехода от одной эпохи в другую было бы, разумеется, нелепо, но самый процесс смены был исторически неизбежен.

От участников этого процесса и с той и с другой стороны теперь, разумеется, трудно ожидать объективной оценки и понимания совершающихся событий и предвидения тех последствий, которые явятся в результате всего происшедшего. Эти последствия, как я писал, будут определяться тем, будет ли происходить процесс накопления национального капитала при новых условиях, или накопление и хозяйственное развитие надолго остановится.

Я лично смотрю на будущее оптимистически, хотя, как видно из всего предыдущего изложения, понимание хозяйственных процессов в современном обществе стоит чрезвычайно низко и развитие производительных сил в стране будет происходить, как и раньше, стихийно, под влиянием индивидуальных стремлений

каждого хозяйствующего субъекта обеспечить свое существование.

Итак, на вопрос «кто виноват», можно ответить, что история является пока результатом стихийных процессов...

ГЛАВА XV.

Полемические мелочи.

37.

Выше я рассматривал важнейшие вопросы, поднятые критиками «Мировой социальной проблемы». Многие другие замечания критиков не заслуживают внимания, так как представляют собой или пустопорожние фразы более или менее революционного содержания, или повторение избитых общих квази-«марксистских» положений.

На некоторых замечаниях моих критиков я остановлюсь.

Возражения В. Виленского (Сибирякова) сами по себе не интересны, но они представляют собой прекрасную иллюстрацию к моему введению к «Социальной проблеме» об «элементах веры в социализме» Автор критической заметки в журнале «Под знаменем марксизма» иллюстрирует, к каким приемам бессознательно прибегает читатель, чтобы не задумываться над «проклятыми вопросами» и отвлечь внимание других от этих вопросов. Правда, автор прибегает в меньших дозах, чем теперь обычно принято, к ругани, — наиболее легкому способу полемики — и обзывает меня только ревизионистом, но употребляет различ-

ные другие приемы для того, чтобы уклониться от обсуждения вопроса по существу.

Свою критическую статью «Проблема продукции и революции» автор начинает так: «...В положении путаника в апреле 1917 года оказался небезызвестный экономист Петр Маслов, когда он по поводу законодательного установления 8-часового рабочего дня — первой реальной победы русских рабочих, — обратился с «открытым письмом» к советам рабочих и солдатских депутатов, в котором он предостерегал рабочий класс, заявляя, что без развития производительных сил, без развития промышленности это завоевание ничего не даст, так как падение индустрии поведет к безработице и к уничтожению рабочего класса»... Для рабочего класса это «открытое письмо» прозвучало тогда насмешливым «канун да ладан», и, пожалуй, вышло так, что П. Маслов оказался с помятыми боками».

Допустим, что я оказался «с помятыми боками» и в промежутках между лекциями для заработка копал картошку для своего пропитания, но ведь ясно, что, предостерегая рабочих от разрушения производительных сил, я заботился об их «боках», а не о себе и предпочитал сказать жестокую правду, хотя бы поплатившись своими «боками». Что же в этом плохого?

Более интересны возражения в обстоятельной и серьезной статье М. Альтшуллера, являющиеся отчасти результатом недоразумения.

М. Альтшуллер пишет: «Горячая вера автора в то, что непонимание или незнание этих принципов (законов потребления в народном хозяйстве) является причиной всех бед — является слишком большой верой в рационализм».

Альтшуллер совершенно неправильно истолковал мою мысль. Знание является одним из важнейших элементов для построения лучшей хозяйственной жизни, но не единственным элементом. Допустим, что для постройки химического завода имеются все материалы, но пустить в ход химический завод без химика, знающего дело, все-таки нельзя. Было бы неправильно утверждение, что для химического производства нужен только один химик, но совершенно правильно утверждение, что химик необходим для завода. Точно так же, указывая на необходимость и важность знания законов потребления, я вовсе не утверждал, что не нужны объективные экономические и социальные условия для организации хозяйственной жизни и для решения социальной проблемы. Но, на-ряду с этим нужны и знания и, между прочим, знание законов потребления. Какая же это вера в рационализм?

После сделанных мною замечаний, мне кажется ясно, что несправедлив упрек, сделанный мне Чудиновым в его вдумчивой рецензии в № 1 «Сибирских Огней», упрек в том, что я незнаком с «азбукой коммунизма» Бухарина, в которой, якобы, выяснено значение развития производительных сил. Не вдаваясь в оценку книжки Бухарина и ничуть не желая умалять ее значения, я должен сознаться, что совет ознакомиться с «азбукой коммунизма» напоминает мне совет соловью в известной басне Крылова:

«А жаль, что незнаком ты с нашим петухом,
Когда бы у него ты поучился
Тогда бы петь еще бы больше навострился»...

ГЛАВА XVI.

Заключение.

Когда писалась мною «Мировая социальная проблема» в России еще в полном расцвете существовал так-называемый теперь «военный коммунизм», но, при выходе книг в свет, уже была введена «новая экономическая политика». Поэтому мои указания на то, что для сохранения производительных сил страны необходим переход к другой экономической политике, не вызвали особенного раздражения со стороны моих критиков уже потому, что курс политики изменился в том направлении, на которое я указывал.

Трудно, предвидеть, какое направление примет дальнейший курс экономической политики; но, в виду того, что в настоящее время процесс сокращения национального капитала еще продолжается, хотя и в меньших размерах, рано или поздно в ней должны произойти некоторые дальнейшие изменения. Если эти изменения произойдут до выхода этой книги в свет, можно ожидать менее свирепых возражений, чем тогда, когда изменений еще не будет, так как и в экономической литературе партийно-политические соображения играют большее значение, чем стремление найти наиболее правильный путь.

С моей стороны напрасны были бы указания, что, выясняя значение проблемы накопления и процессов перераспределения производительных сил, связанных с нею, я имею в виду интересы развития народного

хозяйства, а не политические задачи. Эти указания не имели бы значения просто потому, что для понимания поставленных проблем читателю нужно очень много подумать над ними, а теперь самое неблагоприятное время для размышлений.

То изменение психологии российского гражданина, на которое я указывал в «Социальной проблеме», как на неизбежное в ближайшем будущем, ее «европеизация», приближение к европейскому мещанству, уже началось, но при изложенных условиях новой экономической политики, мешающей накоплению, эта психология еще окончательно не сформировалась. Развивается аппетит к рвачеству, погоня за материальными благами, не для накопления, а для непосредственного потребления, развивается карьеризм, но без стремления сохранить хотя бы внешнюю форму порядочности.

У подавляющего числа интеллигенции всех оттенков и направлений опустошенная разочарованиями душа еще не заполнилась даже тем мещанским содержанием, которым она неизбежно заполнится впоследствии. Усталость и борьба за существование или за карьеру не располагает к размышлениям о таких проблемах, как процессы перераспределения производительных сил, производительного и непроизводительного потребления и т. д., и т. д.

С другой стороны, эмигрировавшая часть интеллигенции, оторванная от экономической жизни страны, озлобленная и исстрадавшаяся, неизбежно превращается в маленькие секты, занятые грызней друг с другом, или политическим авантюризмом, далеким от понимания действительности. В настоящее время они находятся в таком же положении, в каком находился Герцен после отмены крепостного права, Маркс после

революции 48 года, французские эмигранты после Великой Французской Революции и т. д.

Дело не в том, правы или неправы были все эти эмигранты при борьбе с властью, которая установилась без них, а в том, что сложившаяся без них жизнь продолжала складываться не так, как они хотели и полагали.

Психологическая атмосфера эмигрантов, пожалуй, еще менее благоприятна для того, чтобы размышлять над экономическими проблемами, поставленными мировой катастрофой, тем более, что установившиеся предрассудки в области экономических вопросов также прочны, как и в других областях знания. Тем не менее требования жизни так настойчивы, что, по крайней мере, экономисты должны будут выйти на путь изучения тех процессов народнохозяйственной жизни, на которые я настойчиво указываю в течение ряда лет. А это в свою очередь поведет к пересмотру и практической экономической политики различных заинтересованных групп общества.

Живя последние годы в глуши Сибири, я не мог располагать материалом о состоянии мирового хозяйства, чтобы определить его перспективы и должен был ограничиваться анализом хозяйственных процессов, происходящих лишь в России. Но и этот ограниченный район наблюдений дает дотаточно материала, чтобы подкрепить те теоретические выводы, которые сделаны и в «Мировой социальной проблеме» и здесь.

Главный практический вывод, следующий из анализа законов потребления, это—наибольшая вредоносность не только войны, но и «вооруженного мира», как главной формы общественного непроизводительного потребления. Этот вывод, противоречащий существо-

вавшим представлениям о выгодности непроизводительного военного потребления, как «рынка» для капиталистического производства, вероятно, не противоречит субъективным желаниям и представлениям и моих критиков. Чтобы выяснить значение непроизводительного потребления я неизбежно должен был критиковать частнохозяйственную точку зрения социалистов так же, как буржуазных экономистов. Но когда теоретический «анализ» современных экономистов сводится к цитированию друг друга и, в лучшем случае, к цитированию Маркса, мой анализ кажется недопустимой дерзостью. А при российской привычке, сделавшейся «национальной чертой», — плевать кругом себя, в особенности на инако мыслящих и даже в тот источник, из которого приходится пить, неудивительно, что в мою сторону попало несколько плевков. Это пустяки: надеюсь, что критики, если будут пить из источника знания, выпьют и то, чем они пытались его замутить...

Самый трудный вопрос социальной проблемы — вопрос зависимости высоты уровня заработной платы от средней производительности труда в стране, а не от производительности его в отдельных предприятиях, а также вопрос о распределении мирового дохода между странами пропорционально накопленным капиталам, конечно, не усвоен читателями «Мировой социальной проблемы» и тем не менее я на нем не останавливаюсь.

В «Мировой социальной проблеме» я мимоходом указывал, что в технически высоко стоящих предприятиях заработная плата получается за счет предприятий с низким строением капитала, но эту народно-, а не частно-хозяйственную точку зрения, как видно из всей экономической литературы, социальные политики,

пока, целиком усвоить не в состоянии. Поэтому на вопросах рабочей политики я пока не останавливаюсь, полагая, что и без того затронул достаточно много вопросов, требующих серьезного обсуждения и пересмотра.

Со стороны представителей социалистических партий, — меньшевиков и с.-р. — я не встречал критики «Мировой социальной преблемы», разумеется, не потому, что представители этих партий со мной согласны. За истекшие полтора года среди них я не встречал (ни в России, ни в зарубежной печати) сколько-нибудь серьезной попытки пересмотреть свой теоретический багаж, на несостоятельность которого жизнь дала достаточно серьезные указания. Но в социалистических кругах еще более склонны смотреть на социальную проблему, как на проблему политическую и чуть ли, не тактическую.

Почти все критики «Мировой социальной проблемы» оспаривают мое утверждение, что до революции 1918 года социалисты ставили социальную проблему, как проблему распределения без связи с проблемой продукции. Мне кажется, я в достаточной степени разъяснил, что проблема продукции не только не ставилась, но и не понималась, хотя и говорилось очень часто о развитии производительных сил. Как могла серьезно ставиться проблема продукции, которая сводится к проблеме потребления, если проблема потребления национального дохода была за пределами кругозора и социалистов и буржуазных экономистов, если ее значение еще приходится доказывать и если эта идея и сейчас усваивается с величайшим трудом?!

СОДЕРЖАНИЕ.

		Стр
Предисловие		3
Глава I	Что дает опыт войны и революции	7
Глава II.	Образцы критики	14
Глава III.	История одной идеи	21
Глава IV.	Проблема потребления	37
Глава V.	Классовые интересы	77
Глава VI.	Тенденция развития хозяйства	85
Глава VII.	Ошибки второго интернационала	101
Глава VIII.	Новая экономическая политика	108
Глава IX.	Учет народного хозяйства	129
Глава X.	Перераспределение производительных сил в процессе накопления	145
Глава XI.	Проблема продукции	159
Глава XII.	Будущее мирового хозяйства	171
Глава XIII.	Значение бюджетных исследований для науки о частном народном хозяйстве	180
Глава XIV.	Кто виноват?	190
Глава XV.	Полемические мелочи	201
Глава XVI.	Заключение	204